

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 2 • № 2 • 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *А.В. Комаров*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 24.06.2022. Выход в свет 05.07.2022.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 13,75. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

ООО «Прайм»

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12.

Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2022

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 2 • no. 2 • 2022

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIA. SEMIOTIC STUDIES

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address: 1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *A.V. Komarov*

The mass media registration certificate **ПМ No. ФС77-79678** as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

ISSN 2782-2966

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 24.06.2022. The publication 05.07.2022.

Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 13,75.

Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house. **Printing house address:** 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Samara National Research University, 2022

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

Subscription index in the United catalog

«Press of Russia» 85744

ISSN 2782-2966

СОДЕРЖАНИЕ

Персоналии

Колякова И.В. Виктор Мачнев: глава в истории социологического факультета (памяти профессора Виктора Яковлевича Мачнева). 6

Философия

Ищенко Н.С. Демиург и София в мире Стартрека: гностические идеи в фильме «USS Каллистер» . . 11
Фаритов В.Т. Семиотика религиозного опыта 19

Оригинальные переводы

Дессауэр Ф. Человек и космос 25

Литературоведение

Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского:

творчество – литературный контекст – восприятие – наследие

Перепелкин М.А. Крах инженера Гарина: Н.Г. Гарин-Михайловский и А.Н. Толстой 50

Голубков С.А. Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. . . 61

Тютелова Л.Г., Иванова В.Н. «Орхидея» Н.Г. Гарина-Михайловского: особенности коммуникативных стратегий драматурга 69

Пелевина О.В. Издано на средства Н.Г. Гарина-Михайловского: Р.Э. Циммерман и его книга «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» глазами издателя. 78

Социология

Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Евгений Фомич Молевич: закономерности прогрессивной эволюции жизненного пути в 1960–70-х гг. 84

Левченко В.В., Файнбург Г.З., Разинский Г.В. Пермская (файнбургская) научная школа социологии: к истории создания и развития 89

Золотов С.А. Цифровая экономика: ядро и периферия 98

Требования к оформлению статей 104

CONTENTS

Personalities

Kolyakova I.V. Viktor Machnev: the central figure in the history of the Faculty of Sociology (in memory of Professor Viktor Yakovlevich Machnev) 6

Philosophy

Ishchenko N.S. Demiurge and Sophia in the world of Star Trek: gnostic ideas in the film «USS Callister» 11

Faritov V.T. Semiotics of religious experience. 19

Original translation

Dessauer F. Human and Cosmos 25

Literature studies

Russian grandeur of N.G. Garin-Mikhailovsky:

oeuvre – literary context – perception – heritage

Perpelkin M.A. «The collapse» of engineer Garin: N.G. Garin-Mikhailovsky and A.N. Tolstoy 50

Golubkov S.A. The dimensional outlook levels of the writer N.G. Garin-Mikhailovsky. 61

Tyutelova L.G., Ivanova V.N. «Orchid» by N.G. Garin-Mikhailovsky: features of the playwright's communicative strategies 69

Pelevina O.V. Published at the expense of N. Garin-Mikhailovsky: R. Zimmerman and his book «Kulak-usury, its socio-economic significance» through the eyes of the publisher. 78

Sociology

Avdoshina N.V., Bocharov V.Yu. Yevgeny Fomich Molevich: patterns of progressive evolution of his life path in the 1960s–70s. 84

Levchenko V.V., Fainburg G.Z., Razinsky G.V. Perm (fainburg) scientific school of sociology: history and development process 89

Zolotov S.A. Digital economy: the core and the periphery. 98

Requirements to the design and layout of articles 104

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-6-10

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ
УДК 308Дата поступления: 14.03.2022
рецензирования: 06.05.2022
принятия: 24.05.2022**И.В. Колякова**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kolyakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7109-5161>**Виктор Мачнев: глава в истории социологического факультета (памяти профессора Виктора Яковлевича Мачнева)**

Аннотация: 21 мая 2022 ушел из жизни Виктор Яковлевич Мачнев – человек, чья творческая и научная биография связана с Самарским университетом, социологическим факультетом и научным сообществом Самары. Цель статьи – представить портрет исследователя, руководителя, увлеченного и разностороннего человека. Делаются выводы о причинах широкого признания в научной среде и успехах в преподавательской и научной деятельности.

Ключевые слова: Мачнев; Самарский университет; самарская социология; социология культуры; социальный интеллект.

Цитирование: Колякова И.В. Виктор Мачнев: глава в истории социологического факультета (памяти профессора Виктора Яковлевича Мачнева) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 2. С. 6–10. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-6-10>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Колякова И.В., 2022** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.V. Kolyakova Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kolyakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7109-5161>**Viktor Machnev: the central figure in the history of the Faculty of Sociology (in memory of Professor Viktor Yakovlevich Machnev)**

Abstract: Viktor Yakovlevich Machnev passed away on the 21st of May 2022, a man whose creative and scientific biography is associated with Samara University, the Faculty of Sociology and the research community of Samara city. The purpose of the article is to present a portrait of a researcher, leader, enthusiastic person and a man of many accomplishments. There have been drawn the conclusions regarding the scholar's wide recognition within the scientific environment and his success as part of teaching profession and academic career.

Key words: Machnev; Samara University; Samara sociology; sociology of culture; social intelligence.

Citation: Kolyakova, I.V. (2022), Viktor Machnev: the central figure in the history of the Faculty of Sociology (in memory of Professor Viktor Yakovlevich Machnev), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 6–10, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-6-10>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kolyakova I.V., 2022** – Cand. of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

21 мая 2022 не стало Виктора Яковлевича Мачнева, профессора, заведующего кафедрой социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета, чья жизнь, научная и творческая деятельность более сорока лет

были связаны с университетом и социологическим факультетом. О таких людях, как Виктор Яковлевич, говорят: «ушла эпоха», – эпоха становления социологического факультета, формирования научных традиций, создания и развития кафедр на

факультете, когда определялись основные исследовательские направления работы социологов Самарского университета.

Виктор Яковлевич Мачнев родился 12 августа 1948 года в Куйбышеве в семье крупного советского начальника. Ранняя гибель отца возложила на плечи матери всю заботу о детях. Виктор Яковлевич очень ценил самоотверженность матери, всегда прислушивался к ее мнению. *«Она хорошо чувствовала время, обстановку, деликатно высказывая свое мнение о тех или иных событиях», – так вспоминал он о матери* (Бочкарева 2008). В силу семейных обстоятельств Виктор Яковлевич рано начал работать и поступил в университет позже многих сверстников, имея за плечами опыт преподавания в деревенской школе. И позднее, уже имея научные достижения и делая академическую карьеру, он преподавал обществознание в общеобразовательной школе, читал лекции в школе юного социолога. Так, в конце 1990-х годов, вдохновившись яркими лекциями Виктора Яковлевича, на социологический факультет поступила тогда ученица школы № 54 Глухова Татьяна, которая впоследствии защитила диссертацию под руководством В.Я. Мачнева и работала на социологическом факультете.

В 1972 году В.Я. Мачнев поступил на исторический факультет Куйбышевского университета. В одном из интервью он вспоминал: *«Я поступил в Куйбышевский университет и стал студентом, достаточно взрослым человеком, имея за плечами учительский опыт в сельской школе, где я работал очень увлеченно. Мне нравилось учить детей, и до сих пор я с большим теплом вспоминаю эти годы. Поступив на исторический факультет, я жадно учился. Мне было легко и очень интересно учиться»* (Огорокова 2003). Успешный студент, ленинский стипендиат, В.Я. Мачнев уже в студенческие годы проявил интерес к общественной работе, с азартом участвуя в различных проектах: был в комсомольском активе, в художественной самодеятельности, в организации Клуба интернациональной дружбы в Куйбышевском университете. Яркий, артистичный, генерирующий идеи, Виктор Яковлевич проявил себя не только как запоминающийся оратор, но и как прекрасный организатор: *«...начиная со второго курса университета, я был президентом Клуба интернациональной дружбы. Мы проводили различные акции, фестивали песен, мы постоянно работали на сцене ДК «Современник», «Звезды». Я всегда был ведущим этих вечеров, и мне это очень сильно нравилось»* (Огорокова 2003). Участие в студенческом активе привело к появлению в жизни Виктора Яковлевича профсоюзной работы. Работа в профсоюзной организации университета не только стала важной частью его жизни, но и одним из направлений его научной проблематики. После окончания Куйбышевского университета

Виктор Яковлевич Мачнев

в 1977 году В.Я. Мачнев остается в альма-матер, продолжает работать в профкоме вуза и начинает исследовательскую деятельность на историческом факультете под руководством профессора П.С. Кабытова. Примечательно, что отправной точкой его научных изысканий стала история Поволжья. В 1981 году В.Я. Мачнев успешно защитил в Казанском университете кандидатскую диссертацию по специальности 07.00.02 «Отечественная история», проблематику которой продолжал развивать в рамках авторского университетского курса. Результатом этой работы стало издание учебного пособия на тему «Сельское хозяйство Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (Мачнев 1998). Итогом защиты диссертации и успешного внедрения авторских курсов на ее основе стало присвоение В.Я. Мачневу в 1985 году ученого звания доцента.

Энергичный, увлекающийся, разносторонний, Виктор Яковлевич не мог оставаться в рамках одной научной проблематики. Развитию его исследовательских интересов способствовали и перемены, произошедшие в структуре Куйбышевского университета на рубеже 1980–1990-х гг. В 1989 году началась история социологического факультета. На историческом факультете Куйбышевского государственного университета открылось отделение «Прикладная социология». Организаторами первого в Поволжье социологического отделения стали

Евгений Фомич Молевич, Анна Семеновна Готлиб, Будимир Гвидонович Тукумцев. Виктор Яковлевич писал, как «*вдохновенная Е.Ф. Молевичем и Б.Г. Тукумцевым, амбициозная, в хорошем смысле этого слова, А.С. Готлиб начала изучать опыт подготовки социологов в Московском государственном университете. <...> Как это было правильно и перспективно определено!*» (Мачнев 2014). Виктор Яковлевич активно включился в организационную работу по созданию социологического факультета, предлагал исследовательские направления, новые формы работы со студентами: «*Помню, как наши преподаватели на I съезде социологов в начале 1990-х годов <...> произвели ошеломляющее впечатление. Наш первый учебный план подготовки социологов был новаторским и прорывным. Российские социологи поняли, что в Самаре сделана серьезная заявка на подготовку социологов на высоком профессиональном уровне*» (Мачнев 2014). В 1993 году социологическое отделение преобразуется в факультет, во главе которого становится, уже профессор, Виктор Яковлевич Мачнев, занимая эту должность более четверти века. Это было важной частью его профессиональной деятельности. Он считал работу декана «*...невероятно сложным, но очень интересным, увлекательным, живым делом. Декан на факультете отвечает за все: за учебную, научную и воспитательную работу, за преподавателей и студентов, за успеваемость и посещаемость и за многое другое*» (Окорочкова 2003).

Расширение факультета происходит в 1995 году, когда к уже существующей специальности «Социология» добавляются новые – «Социальная работа» и «Культурология». Виктор Яковлевич, обладая большими организаторскими способностями, дипломатичностью и конструктивным подходом к решению задач, делает много для формирования команды профессионалов, составивших основу социологического факультета и самарской школы социологии. Период 1995–1999 гг. связан с успехами в развитии социологического факультета. В.Я. Мачнев очень образно и эмоционально описывал это время: «*Профессор Е.Ф. Молевич, генератор идей, неуемный и страстный поклонник всего нового и прогрессивного <...> сумел реализовать открытие на нашем факультете целого ряда направлений <...> государственного и муниципального управления, социальной работы*» (Мачнев 2014).

В 1995 году на социологическом факультете были образованы две новые кафедры: теории и истории культуры (под руководством Е.Я. Бурлиной) и теории и истории журналистики (под руководством В.Н. Симатовой). Позднее В.Я. Мачнев возглавил кафедру теории и истории культуры. Это стало новой вехой не только в его административной карьере, но и повлияло на изменение научной проблематики. Сам он, в характерной для него эмо-

ционально-образной манере, так описывал свою работу: «*организаторская работа – это самая моя любимая работа. При этом я заведу кафедрой, читаю лекции по сложным теоретическим дисциплинам, занимаюсь наукой. Но работа декана меня захватывает больше всего. Она требует много усилий, энергии, отнимает здоровье, но у меня получается, и от этого я испытываю удовлетворение. У нас на факультете нет конфликтов, здесь сложился хороший, работоспособный, творческий коллектив, который мне доверяет и относится ко мне с уважением. Это меня вдохновляет и помогает работать и преодолевать трудности*» (Окорочкова 2003). Не менее страстным было и отношение Виктора Яковлевича к работе в профкоме университета. Почти четверть века он занимал должность председателя профсоюзного комитета университета: «*Профсоюз органически вошел в мою плоть и кровь. <...> Мой девиз как председателя профкома: никогда не говорить «нет». Это слово я из своего лексикона исключил! Я всегда пытаюсь вникнуть в ситуацию, внимательно отнестись к просьбе сотрудника и обязательно помочь ему. Так исторически сложилось, что у нас не возникает каких-то серьезных конфликтных ситуаций в сфере трудовых отношений или просто отношений между людьми*» (Окорочкова 2003).

Увлеченность работой, интерес к организаторской деятельности отразились и на формировании научной проблематики В.Я. Мачнева. Им было опубликовано 90 научных и учебно-методических работ. Однако, помимо авторских публикаций, В.Я. Мачнев выступал как ответственный редактор, председатель редакционной коллегии, научный редактор и член редсовета практически во всех значимых сборниках статей, выпущенных на социологическом факультете в последние двадцать лет (Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета: к юбилею профессора, академика РАН Е.Ф. Молевича, 2001; Социология сегодня: мозаика направлений, подходов и методов: Материалы всероссийской науч. конф. «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук», посвященной 15-летию социологического факультета СамГУ, 2004; Контексты социального знания: межкафедраальный сборник науч. статей. К 15-летию социологического факультета, 2005; Актуальные проблемы социального знания: сб. науч. трудов преподавателей и аспирантов кафедры социологии и политологии социологического факультета, 2006; Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: сб. науч. материалов Всероссийской науч. практ. конф., 2007; Преемственность и новации в культуре: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей и материалов международной научной конференции, 2010; Социология и социальная работа: современные

образовательные и научно-исследовательские практики: сб. материалов научн.-практ. конф. с межд. участием, посвящ. 30-летию социологического факультета Самарского университета, 2019). Экспертное мнение Виктора Яковлевича в научной и учебно-методической сфере выходило далеко за рамки Самарского университета. Он был членом УМО по социологии классических университетов России, членом Российской социологической Ассоциации (Самарское отделение) и Российского Общества культурологов. Признанием компетенции и авторитета Виктора Яковлевича стало присуждение ему в 1999 г. звания «Заслуженный работник высшей школы РФ», а в 2001 г. – звания «Заслуженный работник Самарского государственного университета».

Научные интересы В.Я. Мачнева связаны с исследованием нескольких проблем. На заре карьеры Виктор Яковлевич как выпускник исторического факультета занимался изучением социальной истории Поволжья в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Историческое образование определило и выбор читаемых дисциплин: В.Я. Мачнев запомнился многим студентам социологического факультета авторским курсом «История социологии».

Работа в профсоюзной организации университета и образование социологического факультета сформировали интерес к изучению проблемы «эко-профессионального сознания», эмоционального выгорания, экопрофессиональных конфликтов и экологического сознания. Эти темы определили проблематику большого количества его публикаций в 2015–2019 гг.

Опыт руководства факультетом, специфика должности декана определили комплекс публикаций, апробирующий опыт и эмпирический материал деканской работы. Так, в списке публикаций В.Я. Мачнева появились статьи на темы подготовки бакалавров в ракурсе профиограммы социолога, кейс-метод для решения экопрофессиональных конфликтов, о преподавании социогуманитарных дисциплин в современных условиях.

Важным, особенно любимым направлением исследований и организационной работы В.Я. Мачнева стала разработка исследовательской проблематики кафедры теории и истории культуры, которую он возглавлял. На кафедре Виктор Яковлевич читал авторские курсы «История религий», «История искусства», «Теория искусства». Яркий оратор, мастер слова он всегда очаровывал студентов красноречием и афоризмами. Именно под его руководством на кафедре была создана команда молодых, увлеченных исследователей: историков, филологов, культурологов, социологов, – что отразило междисциплинарный подход к подготовке обучающихся по направлению «Культурология». Практико-ориентированный подход в подготовке

менеджеров в сфере культуры, сотрудничество с ведущими музейными площадками города, участие в крупных проектах Министерства культуры Самарской области – все это определяло уникальность направления «Культурология» и востребованность его выпускников.

Увлеченность, с которой В.Я. Мачнев развивал направления работы кафедры теории и истории культуры, объяснима не только научным интересом, но и личными обстоятельствами. Виктор Яковлевич был известным в Самаре коллекционером живописи. Сам он, в свойственной ему эмоционально-образной манере, так объяснял эту часть своей жизни: *«Я считаю себя таким эстетствующим субъектом. Искусство – это действительность, пропущенная через голову. Художник проживает и переживает то, что хочет воспроизвести на полотне. Моя коллекция – это продолжение моей профессии»* (Бочкарева 2008).

Продолжением учителя, как известно, являются его ученики. Под непосредственным руководством профессора В.Я. Мачнева было подготовлено три кандидата наук, осуществлялось руководство несколькими аспирантами. Как научный руководитель, Виктор Яковлевич предоставлял своим аспирантам свободу выбора научной проблематики, не боялся руководить широким спектром тем, и будучи человеком увлеченным, он ценил эту увлеченность и исследовательский азарт в учениках. И если проблематика исследований его аспирантов начала 2000-х была на стыке истории и социологии (Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат: 1917–1991 гг.; Глухова Т.В. Творческая интеллигенция и власть в период 1920–1930-х годов в Среднем Поволжье), то вторая половина первого десятилетия XXI века существенно расширила спектр научных исследований учеников В.Я. Мачнева. От исследования виртуальных репрезентаций сексуальности (Епанова Ю.В. Виртуальные репрезентации сексуальности: на примере молодежного сегмента Рунета) до изучения концепта «атмосфера» в современном западноевропейском гуманитарном дискурсе или темы «Новые практики потребления: поворот к устойчивой моде».

Профессиональный путь и научная биография Виктора Яковлевича Мачнева составили интересную главу в истории социологического факультета Самарского университета. Под его руководством сформировалась структура факультета, были созданы стандарты и традиции социологического образования в Самаре. Но главное – это команда преподавателей и исследователей, которую он собрал: его соратники, коллеги и ученики.

Библиографический список

- Бочкарева Г. Обморок сирени // Самара & Губерния. 2008. № 12. URL: <http://www.sgubern.ru/articles/4791/5654/> (дата обращения: 10.03.2022).
- Окорокова Н. ... И вся жизнь // Самарский университет. 2003. № 6. URL: <http://www.universite.ssau.ru/2003/sent2003/str1/gizn.html> (дата обращения: 10.03.2022).
- Мачнев В.Я. Крестьянство Поволжья в годы войны 1941–1945 гг.: учеб. пособие для студентов вузов. М-во общ. и проф. образования РФ. Самар. гос. ун-т. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 158 с.
- Мачнев В.Я. Вступительная статья // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 6–9.
- Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета: к юбилею профессора, академика РАН Е.Ф. Молевича / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 214 с.
- Социология сегодня: мозаика направлений, подходов и методов: материалы всероссийской науч. конф. «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук», посвященной 15-летию социологического факультета СамГУ / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: «Универс-групп», 2004. 282 с.
- Контексты социального знания: межкафедраальный сборник науч. статей. К 15-летию социологического факультета СамГУ / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: «Универс-групп», 2005. 496 с.
- Актуальные проблемы социального знания: сб. науч. трудов преподавателей и аспирантов кафедры социологии и политологии социологического факультета / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. 307 с.
- Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: сб. науч. материалов Всероссийской науч. практ. конф. (11–12 октября 2007). Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. 386 с.
- Преимущества и новации в культуре: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей и материалов международной научной конференции (Самара, 17 мая 2010 г.) / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 146 с.
- Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики: сб. материалов научн.-практ. конф. с межд. участием, посвящ. 30-летию социологического факультета Самарского университета (14–15 ноября 2019). Самара: ООО «САМАРА-МА», 2019. 556 с.

References

- Bochkareva, G. (2008), Fainting lilac, *Samara & Gubernia*, no. 12, [Online], available at: <http://www.sgubern.ru/articles/4791/5654/> (Accessed 10 March 2022).
- Okorokova, N. (2003), And all life, *Samara University*, no. 6, [Online], available at: <http://www.universite.ssau.ru/2003/sent2003/str1/gizn.html> (Accessed 10 March 2022).
- Machnev, V. (1998), *Peasantry of the Volga region during the war years 1941-1945.: Textbook for university students*, Samara University Publishing House, Samara, Russia.
- Machnev, V. (2014), Introductory article, *Anniversary collection of scientific works of teachers, graduate students and undergraduates of the sociological faculty of Samara University*, pp. 6–9, Samara University Publishing House, Samara, Russia.
- Collection of scientific works of scientists and graduate students of the Faculty of Sociology: On the anniversary of Professor, Academician of the RASN E.F. Molevich*, (2001), V. Machnev (ed.), Samara University Publishing House, Samara, Russia.
- Sociology today: a mosaic of directions, approaches and methods: Proceedings of the All-Russian scientific conf. «XXI century: new horizons of the humanities»*, (2004), V. Machnev (ed.), Univers-group, Samara, Russia.
- Contexts of social knowledge: interdepartmental collection of scientific articles. To the 15th anniversary of the Faculty of Sociology of Samara State University*, (2005), V. Machnev (ed.), Univers-group, Samara, Russia.
- Actual problems of social knowledge: collection of scientific works of teachers and graduate students of the Department of Sociology and Political Science of the Faculty of Sociology*, (2006), V. Machnev (ed.), Univers-group, Samara, Russia.
- Problems of labor, labor relations and quality of life: collection of scientific materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 11–12, 2007)*, (2007), V. Machnev (ed.), Univers-group, Samara, Russia.
- Continuity and innovations in culture: theoretical and applied aspects: collection of articles and materials of the international scientific conference (Samara, May 17, 2010)*, (2010), V. Machnev (ed.), Samara University Publishing House, Samara, Russia.
- Sociology and Social Work: Modern Educational and Research Practices: Proceedings of the Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Faculty of Sociology of Samara University (November 14–15, 2019)*, (2019), V. Machnev (ed.), SAMARAMA LLC, Samara, Russia.

Submitted: 14.03.2022

Revised: 06.05.2022

Accepted: 24.05.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2+003

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-11-18

Дата поступления: 18.04.2022
рецензирования: 01.06.2022
принятия: 17.06.2022

Н.С. Ищенко

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, ЛНР
E-mail: ninaofter@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

Демииург и София в мире Стартрека: гностические идеи в фильме «USS Каллистер»

Аннотация: в статье структурно-семантическим методом проанализированы план выражения и план содержания американского фильма «USS Каллистер» (2017). Рассмотрены четыре уровня анализа знаков в кино: знаки трех типов, из которых складывается характерологический признак персонажа, отсылающий к характеру, понимаемому как личность, которая, в свою очередь, является символическим выражением мифа. В кинотексте «USS Каллистер» средствами кинематографа созданы гностические образы Демииурга и Софии, а также реализованы такие гностические идеи, как иерархия миров, гнушение плотью, жизнь душ в материальном мире под властью злого Демииурга и спасение–разрушение мира Софией. В кинофильме также посредством семантической мимикрии опровергается гностическое представление о том, что Бог Ветхого Завета является злым Демииургом гностического космоса. Главный герой фильма – гениальный программист Робер Дейли, создавший компьютерную симуляцию Беспределье. Дейли изолировал на своем компьютере мод Беспределье, в котором воссоздан космический крейсер «Каллистер», команда формируется из сослуживцев Дейли, чьи ДНК он смог скопировать в мод в цифровом виде. Нанет Коул, гениальная программистка, скопированная Дейли в мод, смогла связаться со своей «небесной» ипостасью и с ее помощью реализовала план побега из мода, а мир, созданный Дейли, погиб вместе со своим Демииургом. Так в фильме визуализирована гностическая мифологема о двух Софиях, земной и небесной, воссоединение которых знаменует разрушение материального мира и посрамление Демииурга. В фильме воссоздана гностическая мифология для аудитории, мыслящей в категориях американской культуры XX века.

Ключевые слова: семиотика; структурно-семиотический метод; кино; гностицизм; Демииург; София; Черное зеркало; USS Каллистер.

Цитирование: Ищенко Н.С. Демииург и София в мире Стартрека: гностические идеи в фильме «USS Каллистер» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 11–18. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-11-18>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ищенко Н.С., 2022 – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Луганский государственный педагогический университет, 91011, ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 2.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.S. Ishchenko

Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Lugansk People's Republic
E-mail: ninaofter@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

Demiurge and Sophia in the world of Star Trek: gnostic ideas in the film «USS Callister»

Abstract: the article analyzes the plan of expression and the plan of content of the American film “USS Callister” (2017) using the structural-semantic method. Four levels of analysis of signs in cinema are considered: three types signs that make up the characterological trait of a personality, referring to a character understood as an individuality, which in turn is a symbolic expression of a myth. In the film text “USS Callister” the gnostic images of the Demiurge and Sophia are created by means of cinematography, and such gnostic ideas as the hierarchy of the worlds, the abhorrence to flesh, souls' life in the material world under the reign of the evil demiurge and the salvation-destruction of the world by Sophia, have been implemented into the plot. The

film also refutes the gnostic idea that the God of the Old Testament is the evil demiurge of the gnostic cosmos via semantic mimicry. The film visualizes the gnostic mythology about two Sophias, earthly and heavenly, whose reunion marks the destruction of the material world and the humiliation of the Demiurge. The protagonist of the film – a genius programmer Robert Daly, who has created epy the modding of “Boundlessness” on his PC, in which he has reconstructed the Callister starship. The crew has been created using the Daly co-workers’ DNA to create sentient digital clones of them. When Nanette Cole, a genius female programmer, who has been copied into the above-mentioned modding, she is able “to get in touch with” her “celestial incarnation”, execute a break plan and, as the result, the whole artificial world is destroyed together with the demiurge. The film recreates gnostic mythology for an audience thinking in terms of 20th century American culture, and more specifically in the famous sci-fi franchise Star Trek.

Key words: semiotics; structural-semiotic method; cinema; gnosticism; Demiurge; Sophia; Black Mirror; USS Callister.

Citation: Ishchenko, N.S. (2022), Demiurge and Sophia in the world of Star Trek: gnostic ideas in the film “USS Callister”, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 11–18, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-11-18>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Ishchenko N.S., 2022** – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, 2, Defense St., Lugansk, 91011, Lugansk People’s Republic.

Введение

В современном постхристианском мире в ситуации пробуждения Бога актуализируются различные религиозные системы, которые транслируются в разные семантические среды. Для человека массовой культуры усвоение литературного текста становится проблемой, и основные идеи, имеющие мировоззренческую ценность, воплощаются с помощью новых знаковых систем, включая язык кино. Наряду с традиционными религиозными системами, в культурном пространстве распространяются и маргинальные религиозные системы, среди которых широкой популярностью пользуется гностическая мифология. Проанализируем воплощение гностических идей в британском фильме «USS Каллистер» (2017) структурно-семиотическим методом.

Структурно-семиотический метод анализа киноперсонажей предложил М.Е. Бойко в статье «Структурный анализ киноперсонажей» (Бойко 2018). Исследователь показывает, что структурной единицей анализа как литературного героя, так и киноперсонажа служит характерологический признак, который может быть действием персонажа, характеристикой, которую дает автор или другие персонажи, той или иной поведенческой особенностью героя (Бойко 2016, с. 26).

С точки зрения семиотической теории характерологический признак представляет собой индекс, поскольку отсылает к характеру персонажа, с которым связан причинно-следственной связью, как дым связан с огнем, а симптомы с болезнью (Бойко 2016, с. 27).

Характерологический признак в кино сам формируется из ряда знаков, которые включают в себя все виды знаков, предложенных Ч. Пирсом, то есть символы, иконические знаки и индексы. В кинотексте в качестве символов выступают про-

износимые слова, титры, субтитры, иконическими знаками являются движущееся изображение и часть звукового сопровождения, а индексами – визуальные элементы образа, восклицания, шумы, интонации, иногда музыкальное сопровождение (Бойко 2016, с. 28).

Таким образом, М.Е. Бойко выделяет в киноязыке три уровня знаков: первый уровень состоит из элементов киноязыка, формирующих характерологический признак; характерологические признаки образуют знаки второго уровня, отсылающие к знакам третьего уровня – характерам персонажей (Бойко 2016, с. 27).

М.Е. Бойко предлагает для киноперсонажей ввести четвертый уровень знаков, являющийся разновидностью первого уровня, то есть выделить отдельно движения персонажа («кинезические фигуры») (Бойко 2016, с. 29). Для наших целей такое уточнение является излишним, и движения персонажей мы будем относить к первому уровню знаков. В качестве четвертого уровня мы предлагаем ввести систему мифов и религиозных символов, на которые символически указывают характеры персонажей.

Характер героя в этой схеме выступает как символический знак, выражающий религиозную или мифологическую реальность. Как показывает С.И. Тягунов, драматургия любого образа опирается на мифологию. В свойственной мифологии нарративной наглядности образ реализуется как смысл (Тягунов 2017, с. 151). В то же время, как показал еще А.Ф. Лосев, миф всегда есть живая и действующая личность, то есть миф объективен, и этот объект есть живая личность (Лосев 2001, с. 52). Таким образом, в мифе смысл выражается в виде живой личности, а современный киноязык дает режиссеру способы визуализировать эту личность, представить ее зрителю как живой

образ. Таким образом, характер, то есть личность персонажа, является мифом или в терминологии А.Ф. Лосева – символом.

Итак, в исследовании мы будем использовать структурно-семиотический метод, позволяющий определить четырехуровневую структуру кинотекста, которая выстраивается следующим образом: первичные элементы киноязыка (в семиотическом плане символы, иконы и индексы), формирующие на втором уровне характерологический признак персонажа, который является индексом и отсылает к третьему уровню системы – характеру героя. Характер является символом, отсылающим к мифологическим и религиозным представлениям, выраженным в кинотексте.

Ход исследования

В последние десятилетия в международной киноиндустрии появилось много новых кинолент, отражающих христианские и библейские ценности (Christensen 2018). В секулярных культурах западной цивилизации актуализовались и стали экспансивно расти не только традиционные религии, но и синкретические верования, секты разных конфессий и древние религиозные системы. В последнее время вновь приобретает популярность гносис как оккультный тип мировоззрения (Афонасин 2011, с. 83). Одним из фильмов, в которых выражены популярные гностические идеи, является «USS Каллистер» (USS Каллистер 2017).

Фильм «USS Каллистер» представляет собой первую серию четвертого сезона британского телесериала «Черное зеркало» (2011–2019). Сериал создан Чарли Букером, британским писателем и телеведущим. Каждая серия представляет собой сюжетно законченное повествование, актерский состав в сериях не повторяется. Серия «USS Каллистер» – аллюзия на сериал «Звездный путь» (англ. Star Trek, Стартрек), представляющий собой американскую научно-фантастическую медиафраншизу, то есть несколько телесериалов и полнометражных фильмов. Проект «Стартрек» внес существенный вклад в массовую культуру и породил оригинальную субкультуру, к которой отсылают визуальные образы фильма «USS Каллистер».

Главным героем фильма является поклонник франшизы «Звездный флот» (явная отсылка к «Стартреку») гениальный программист Роберт Дейли. Он работает техническим директором компании «Беспределья», для которой разработал виртуальную симуляцию, где игроки полностью погружаются в космический мир, их восприятия генерируются во всех областях – визуальной, слуховой, осязательной и так далее. Игроки могут взаимодействовать друг с другом и действовать в вымышленном мире, как в реальном. Дейли создал в офлайне на своем компьютере особый мод Беспределья – космический крейсер «Каллистер»

и космические миры, по которым он путешествует. Крейсер «Каллистер» – отсылка к крейсеру «Энтерпрайз», на котором путешествуют персонажи оригинального сериала «Стартрек».

Крейсер устроен как космический корабль из научно-фантастических романов и фильмов 1960–70-х гг. Дизайн крейсера включает ламповые пульта управления на мостике и эргономичное оформление интерьера, узнаваемое для каждого, кто видел хоть одну серию оригинального сериала и читал научно-фантастическую литературу того периода. В команде «Каллистера» – представители разных космических рас. Одежда персонажей выглядит с небольшими отличиями как униформа звездного флота из «Стартрека» – женщины в высоких сапогах и миниюбках с высокими прическами, мужчины в темных брюках и однотонных свитерах, цвет которых отражает их статус в команде. Таким образом, зритель попадает в научно-фантастическую утопию эпохи надежд на быстрое покорение космоса, выход человечества из своей земной колыбели, скорый контакт с инопланетными расами. Эта космическая утопия создана в эстетике научно-фантастического сериала 1960-х гг. и визуализируется как Вселенная Стартрека.

По ходу развития сюжета зритель узнает, что игрок Дейли взаимодействует не с другими игроками, которые тоже входят в игру, выбирая себе персонажей, а с людьми, двойниками своих коллег по работе, ДНК которых он воспроизвел в цифровом виде в своей гениальной программе Беспределья. Двойники сохраняют память, разум и волю оригиналов. Пока сослуживцы Дейли спокойно ходят на работу, их копии развлекают капитана на «Каллистере», летящем в открытом космосе, и не могут ни умереть, ни выбраться с корабля. Как автор программного кода, Дейли способен трансформировать любую телесную оболочку в моде. За непослушание он наказывает своих подчиненных, пытая их и превращая в чудовищ. Таким образом, Дейли выступает в этом сюжете как неуязвимое и могущественное божество, создавшее тела своих подданных-людей и заключившее в них души, обманом вовлеченные в этот чужой мир, из которого они не могут выйти. Эти характеристики Дейли заставляют нас вспомнить о чрезвычайно важной фигуре гностической мифологии – Демииурге.

Гностицизм – это особый тип мировоззрения, который в иудео-христианской среде первых веков нашей эры развился в целый спектр своеобразных учений, рассматривающих мировую историю и место человека в ней в глобальной перспективе и в контексте особого типа эсхатологии (Афонасин 2011, с. 85). В исследовании гнозиса современным ученым приходится опираться на христианских полемистов (новый полный перевод свидетельств христианских авторов о гностиках сделан Е.В. Афонасиным (Афонасин 2002)). Только в середи-

не XX века были открыты подлинные гностические тексты на коптском языке, которые датируются IV веком, но содержат гораздо более ранние свидетельства. Эти находки описаны в классическом исследовании М.К. Трофимовой (Трофимова 1979). Ведущиеся с тех пор исследования текстов не прибавили ничего существенного к уже известной картине.

Имея синкретическую, оккультно-эзотерическую природу, гностическая доктрина противостояла радикально-монотеистическому христианству с его сотериологическим агапизмом. В гностицизме отразились такие черты уходящего язычества, как холодная и трезвая рассудочность, наряду с магической экзотичностью. Как отмечает Е.А. Цуканов, «гностицизм, имевший десятки номинаций, стал категорично отрицательным ответом на упования первых христиан в отношении милующего и сострадательного божества, пришедшего в мир спасти всех, кто уверовал в него как в альфу и омегу мироздания. Гностики обстоятельно доказывали несколько негативистских максим: во-первых, мир, в котором мы живем, плох, поскольку в нем есть болезни, смерть, несправедливость; во-вторых, бог (они его называли демиургом), который сотворил столь несовершенный мир, как минимум подозрителен; в-третьих, взгляд на человека должен быть радикально релятивизирован, т.к. в мире среди людей наблюдается конфликт диаметрально противоположных императивов поведения, в связи с чем, констатировали гностики, следует выделить несколько человеческих пород – низшие, гилики (телесные) промежуточное звено, психики (душевные) и высшие, пневматики (духовные). Последние – род, ищущий истинных знаний, гнозиса, идущего якобы от настоящего бога. Гнозис позволит обрести бессмертие избранным. Неизбранные же обречены погибнуть как творение самозванного демиурга, узурпировавшего в нашем мире божественные функции» (Цуканов 2021, с. 106–107).

В своей философии гностики задаются принципиальным вопросом: как благой совершенный Бог мог сотворить злой и несовершенный мир? Рассмотрим далее принцип гностического решения вопроса, который однозначно выделяет гностическое мировоззрение в спектре имеющихся вариантов.

Решение это следующее. Существует наивысший Бог, который абсолютно благ, хорош и совершенен. От Бога отпадает некий мир. Этот мир тоже благ, хорош и совершенен, но уже несколько хуже, чем сам Бог, потому что согласно основному принципу платонической философии порожаемое хуже, чем порождающее (Ситников 2001, с. 90–91). От этого мира отпадает еще один мир, который, в свою очередь, немножко хуже первого. От второго мира отпадает третий и так далее.

Разные гностические направления насчитывают от тридцати до трехсот шестидесяти пяти миров, каждый из которых немного хуже предыдущего. Земля, где правит Демиург, – это последний, самый отдаленный от блага уровень бытия.

В фильме приключения персонажей разворачиваются в разных сферах космоса, то есть гностическое устройство мира, где существуют разные уровни приближения к божественному, является предметом изображения. Можно насчитать три сферы: это реальный мир, в котором живет Дейли-программист, это мир Беспределья, где общаются реальные игроки, и мод «USS Каллистер», существующий офлайн на компьютере Дейли. Все эти миры упорядочены по степени полноты бытия. В реальном мире люди обладают полной свободой, Беспределье представляет собой наиболее адекватную из возможных копию реального мира, где свободны все игроки, а реальность генерируется в соответствии с их свободным выбором. В моде «USS Каллистер» свободен только Дейли, он властвует над телами своих подопечных и стремится сломать их души. Таким образом, перед нами гностическая иерархия миров.

В некоторых гностических учениях использовались элементы философии Филона Александрийского, а также философов-неоплатоников Нумения из Апамеи, Модерата, Альбина, Плотина, которые применяли для объяснения мира триадические схемы. Высшее Божество выступает как первая простота, монада, противостоящая несотворенной материи, созидание Космоса происходит как охват Умом материи. Реализацией потенции Ума или выявлением порядка становится второй Бог, Второй Ум, или Демиург, чье бытие и действие изображается через концепцию подражания Первому Богу. Третье же начало обустроивает материю, соединяя ее в тела, украшая, придавая ей некоторое подобие божественной субстанции (Данилов 2021, с. 97–100).

В фильме «USS Каллистер» мир Беспределья создан Робертом Дейли, гениальным программистом, который смог смоделировать реальный мир в своей компьютерной симуляции. Его гениальность постоянно подчеркивается, что показывает, какую роль Дейли исполняет в сюжете – он Ум, Демиург, создавший материальным мир. Дейли подражает первому Богу, создавшему наш реальный мир.

Один из персонажей, помощник капитана Уолтон, прямо называет Дейли богом, когда рассказывает новой девушке Нанет, где она оказалась: «Ты в мире, которым правит бог-говнюк». Дейли неуязвим для своих подвластных, то есть владеет еще одним атрибутом божественности. По словам Уолтона, обращенным к Нанет, «Дейли слепил тебя как пирожок». Эта фраза прямо отсылает к Ветхому Завету, где Бог слепил Адама из глины.

Ряд древнейших теологических систем гностицизма содержит представление о том, что Творец нашего мира, изображенный в самом начале Ветхого Завета и выдающий себя за благого Бога-Отца, на деле является злым Демииургом, низшим богом, не обладающим знанием о подлинном Боге-Абсолюте (Евлампиев 2020, с. 143). Таких же взглядов придерживались члены христианской секты маркионитов (Тертуллиан 2010). Созданные Демииургом как его слуги, люди все же не полностью принадлежат низшему миру, поскольку Демииург властен лишь над телесным и материальным, он не может создать души людей и вынужден похищать их из подлинного божественного мира, из высших сфер космоса.

Так же и Дейли не в силах создать личности, души людей. Он может создавать, трансформировать и модифицировать их тела, лишать их естественных функций или добавлять новые (так, члены его экипажа не могут умереть без его прямого вмешательства), однако души людей Дейли вынужден похищать из реального мира, который можно рассматривать как более полную реализацию божественного содержания, где люди свободны и не существуют под властью Демииурга.

Важным элементом гностического мировоззрения является также образ тюрьмы (Ермишева 2018, с. 185–186). В гностических учениях весь земной мир, в котором живут люди, представляет собой темницу, созданную Демииургом. В фильме тюрьмой является мод, содержащий крейсер Каллистер и те миры, по которым он путешествует.

В гностической теологии Демииург, выдавая себя за благого бога, через свою «религию закона» – иудаизм и продолжающее его церковное иудео-христианство – подчиняет себе людей, делает полностью послушными своей воле и тем самым заставляет исполнять свои злые повеления (Евлампиев 2020, с. 143).

Аналогичный сюжет разворачивается в фильме «USS Каллистер». Подобно тем обрядам и религиозным предписаниям, которыми наполнен Ветхий Завет, на Каллистере тоже существует строгий ритуал. Каждый сеанс игры, то есть приключение в космосе, победа героя-капитана Каллистера над космическими чудовищами или пиратами, завершается восхвалением капитана: весь экипаж собирается на мостике, поет хвалебную песню, хлопает в ладоши, и в финале капитан целует в губы всех девушек экипажа. Этот ритуал соблюдается скрупулезно и неуклонно, отсылая зрителя к такому древнейшему жанру религиозного творчества, как хвалебный гимн божеству. Кроме того, сам характер времяпрепровождения Дейли в игре является ритуалом: разыгрывается какое-то из приключений, где капитан умен и отважен, первый помощник трусоват, остальные выражают веру в своего капитана и восхваляют его в финале эпизода.

Дейли использует свои знания программиста и способность менять программный код, чтобы заставлять экипаж выполнять его задания. Когда начинается сеанс игры, все члены экипажа отыгрывают своих персонажей: триангулируют местность, ищут злодеев, и помогают их победить, причем оружие их не работает, стреляет только бластер Дейли, а злодеи – это такие же созданные Дейли двойники реальных людей, которых пытками и насилием Дейли заставляет принимать участие в игре.

В современном цифровом мире концепция игры, реализованная в разнообразных видеоиграх, является одним из важнейших воплощений гностического мировоззрения. Как отмечает Д.А. Скородумов, современная игровая культура предоставляет отличную метафору, которая позволяет широким массам населения усвоить гностическую идею о том, что наш мир, подобно видеоигре, ирреален (Скородумов 2021, с. 269). В этом выражается гностический концепт гнушения плотью, согласно которому реально и имеет высокую ценность только духовное, а телесное является злом как таковым и должно быть разрушено, как мешающее душам вернуться домой, сбросив телесную оболочку.

Таким образом, роль Дейли в создании мира Каллистера и характер его взаимоотношений с подчиненными позволяют считать его визуализацией второго члена гностической триады – Нусом-Умом, Демииургом локального мира. Демииург – бог, чья сила ограничена, он не способен создать души людей и ворует их для вселения в тела, которые он делает. Кроме того, это злой Демииург – он мучает подвластных, заставляет их соблюдать ритуалы, жестоко карает за неповиновение.

Итак, структурно-семиотический метод позволяет определить несколько уровней создания образа Демииурга. На первом уровне это программист-офисный работник и одновременно капитан космического крейсера, созданного в эстетике Стартрека. На втором уровне можно отметить его характерологические признаки: зависть, жестокость, мстительность, стремление удержать людей в подчинении любой ценой. На третьем уровне создан образ программиста, играющего в бога с реальными людьми. На четвертом уровне после историко-культурного анализа становится ясно, что этот божок – гностический Демииург, важнейший персонаж гностической религиозной мифологии, бог-тюремщик земного мира, подчиняющий себе людей бессмысленными ритуалами и открытым насилием.

Значительную роль в гностической мифологии играет также София. У гностиков, в частности, Валентина и Птолемея, София выступает как последний из эонов, замыкающий плерому. Ей отводится особая роль в гностической космогонии:

устремившись в страстном порыве к Первоотцу, София нарушает тем самым целостность плеромы и оказывается исторгнута из нее. Негативные эмоции падшей Софии (ужас, печаль и т. д.) порождают материю и душу, а сама она производит на свет Демиурга, который создает из них материальный мир. Втайне от Демиурга София «подмешивает» в созданный им мир присущую ей, но не присущую Ему пневму (дух); таким образом, именно она «ответственна» за появление «духовного начала» в мире. В валентинианстве происходит разделение на «старшую Софию», которая, несмотря на свое падение, остается в плероме благодаря созданному Богом «Пределу», и Софию-Ахамот – бесформенную эманацию падшей Софии, уподобляемую выкидышу и исторгнутую из плеромы. Христос (выступающий у гностиков как вневременная духовная сущность) сообщает Софии-Ахамот форму, после чего она, следуя тому же примеру, пытается оформить душевно-телесный уровень бытия и создает Демиурга, который, в свою очередь, становится Творцом материального мира (Аверинцев 1980). Воссоединение падшей Софии с ее небесной ипостасью является завершающим актом космической драмы и знаменует конец материального мира, который разрушится, а души людей вернутся в их небесную обитель.

Весь этот комплекс идей, хоть и в редуцированном виде, воплощен в фильме в образе Нанет. Нанет – программистка, как и Дейли, то есть причастная Нусу-Уму и также способна создавать миры. Она единственная в офисе высоко ценит работу Дейли как программиста, восхищается его гениальными способностями, стремится работать с ним вместе и ради этого пришла в «Беспределье». Далее в фильме Нанет раздваивается, как и остальные персонажи: одна Нанет остается в офисе, а ее двойник оказывается заперт в моде. В отличие от всех остальных персонажей, «земной» Нанет удается связаться со своей «небесной» ипостасью, и благодаря этому она реализует план побега из моды, который оборачивается разрушением моды, концом этого маленького мира и гибелью его Демиурга. Идея разрушения как нового возрождения также реализована в фильме: под руководством Нанет Каллистер летит в черную дыру, герои согласны погибнуть, чтобы вырваться из-под власти Демиурга, однако в черной дыре происходит не гибель, а трансформация: персонажи выходят на новый уровень космической иерархии, в открытую симуляцию Беспределья, в рамках которой они полностью свободны и могут взаимодействовать с другими игроками. Таким образом, Нанет выполняет роль гностической Софии, разрушая материальный мир и освобождая запертые в плену души. В образе лейтенанта звездного флота Нанет Коул в кинотексте визуализируется София – важнейший персонаж гностической теологии.

Итак, на первом уровне с помощью семантически-структурного анализа мы фиксируем совокупность знаков, изображающих девушку-программиста, умную, веселую, решительную, которая становится пленницей на Каллистере. Характерологическим признаком этого образа является яростное отстаивание собственной свободы, неспособность смириться с унижением, а также ум и решительность. На третьем уровне создается образ Нанет, главной героини фильма, программистки, с чьей точки зрения зритель наблюдает события. На четвертом уровне вся совокупность признаков создает мифологический образ гностической религии – Софию, разрушающую и тем самым спасающую мир.

Итак, драматургия двух главных образов фильма, Дейли и Нанет, строится на основе гностических мифов о злом Демиурге, тюремщике людей и Софии, спасающей-разрушающей мир. Наряду с этим, в фильме присутствует инверсия двух важных сюжетов Ветхого Завета: повеления Бога Адаму «плодитесь и размножайтесь» и жертвоприношения Авраама.

В Ветхом Завете после изгнания первых людей из рая, Господь повелел им «Плодитесь и размножайтесь!». В христианской антропологии люди изначально созданы с половыми органами, что являлось большим соблазном для различных сект первых веков христианства и продолжает оставаться спорным моментом до сих пор. Если люди созданы для рая и созданы совершенными, зачем им гениталии и способность к испражнению? Гностики считали эти части человеческого тела доказательством того, что оно создано Демиургом, который отяготил человека как сексуальным влечением, так и потребностью испражняться, то есть связал человека с нечистотой. Из этого гностики делали вывод, что Бог Ветхого Завета является злым Демиургом, который таким образом произдевался над людьми.

В фильме «USS Каллистер» у персонажей мода нет гениталий. Мир Звездного флота – целомудренный мир, здесь никто не совокупляется и не испражняется. В фильме показано, насколько это тягостно и унижительно для героев. Именно этот момент они воспринимают как издевательство, и, обнаружив отсутствие у себя гениталий, Нанет-София начинает решительно действовать, чтобы разрушить мод. Таким образом, в фильме инвертирован библейский сюжет, и показано, что злой Демиург поступает противоположно Богу Ветхого Завета, который повелевает людям плодиться и размножаться и не гнушается телесного.

Особенно ярко инверсия библейского сюжета показана в истории с жертвоприношением Авраама. Согласно Ветхому Завету, праотец Авраам был первым человеком, который стал общаться с Господом, первым из избранного народа. Бог по-

требовал от него принести в жертву своего сына Исаака, и Авраам начал жертвоприношение, но ангел остановил его руку, и Бог сказал ему, что таких жертв он не приемлет. Ребенок остался жив и стал одним из патриархов, прародителей избранного народа.

В фильме «USS Каллистер» первый помощник Уолтон был первым человеком, которого Дейли скопировал в мод. Много лет они с Дейли были на корабле вдвоем. Таким образом, Уолтон оказывается первым человеком, который общается с богом этого мира, то есть Авраамом моды. Чтобы заставить Уолтона подчиняться, Дейли скопировал в мод его сына Томми и выбросил ребенка в открытый космос. Жертвоприношение Исаака совершилось, Авраам не смог ему помешать и лишился сына. Рассмотренная инверсия библейского сюжета показывает нам принципиальное отличие Демииурга от Бога Ветхого Завета, то есть создает визуальными и драматургическими средствами представление о несоответствии гностической и ветхозаветной теологии в этом важном пункте.

Таким образом, хотя фильм выражает гностическую мифологию, в вопросе полемики с христианами создатели становятся на сторону христиан. Для гностиков привязанность человека к телесному миру (наличие у людей гениталий) грязнит и унижает человека. Также для гностиков деторождение является ловушкой Демииурга для привлечения людей в материальный мир. Демииург, который запрещает телесную любовь и деторождение, противоречит гностическим представлениям.

Таким образом, здесь имеет место семиотическая мимикрия. Это явление проанализировано В.Ю. Лебедевым и А.М. Прилуцким (Лебедев, Прилуцкий 2018). Семиотическая мимикрия заключается в том, что семиотические значимые элементы одной семиотической системы приобретают черты элементов другой семиотической системы без семантической идентичности их значений. В нашем случае элементы христианской семиотической системы, а именно любовь Бога к людям, создание Богом телесности и деторождения как дара для людей, приобретают черты гностической семиотической системы, где инверсия этих даров формирует характерологические признаки злого Демииурга.

Заключение

Подведем итоги. В фильме «USS Каллистер» средствами кинематографа визуализированы важные персонажи гностической теологии: Демииург и София. Кроме того, в фильме присутствуют такие базовые для гностической теологии идеи, как иерархия миров, упорядоченных по степени удаления от божества, и гнушение плотью. В произведении также инвертированы два библейских сюжета – благословение человека потомством и

жертвоприношение Авраама, и таким образом дается критика гностического представления о тождестве злого Демииурга и Бога Ветхого Завета. Гностическая мифология воплощается в эстетике франшизы «Стартрек», повлиявшей на научную фантастику 1960–1970-х гг.

Итак, анализ кинотекста «USS Каллистер» структурно-семантическим методом показывает, что в фильме воплощены главные образы гностической теологии и смоделирована гностическая вселенная с ее самыми важными персонажами – Демииургом, тюремщиком мира, и Софией, спасительницей/разрушительницей мира. В фильме также выражены такие гностические идеи, как иерархия миров по степени удаления от совершенства и ограничения свободы человека, гнушение плотью, рабство у Демииурга в земном мире, разрушение земного мира – несовершенной части космоса. В кинотексте также отражена полемика с христианством по вопросу о Боге-Творце мира, Боге Ветхого Завета, а именно: инвертировано повеление Бога «Плодитесь и размножайтесь» и история жертвоприношения ребенка, сына Авраама. В этих случаях гностический Демииург поступает противоположно Богу Ветхого Завета, что подчеркивает разницу между ними с помощью семантической мимикрии.

Таким образом, фильм «USS Каллистер» в знаковой форме на уровне визуализации образов и их драматургии выражает гностическую религиозную мифологию, востребованную в современных постхристианских обществах.

Источники фактического материала

USS Каллистер (2017) Черное зеркало. 4 сезон. 1 серия. URL: <http://chernoezerkalo.ru/seasons/season-4/episode-1> (дата обращения: 10.03.2022).

Библиографический список

- Christensen, C.S. (2018), Christian and biblical symbols in modern movies exemplified by "Babette's Feast" (1987), "The Return" (2003) and "The Island" (2006), *Studia Humanitatis*, no. 1, pp. 1–21.
- Аверинцев С.С. Ахамот // Мифы народов мира: Энциклопедия. Москва, 1980. Т. 1. С. 527–533.
- Афонасин Е.В. Гносис Валентина и его последователей. Античные свидетельства // Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства / пер., предисл. и коммент. Е.В. Афонасина. Санкт-Петербург: Алетей, 2002. С. 6–68.
- Афонасин Е.В. «Лернейская гидра» и проблема происхождения гностицизма // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2011. Т. 5. № 1. С. 83–95.
- Бойко М.Е. Структурный анализ киноперсонажей // *Вестник ВГИК*. 2016. № 2(28). С. 23–32.

Данилов А.В. Антропологическая матрица гностицизма как контекст формирования раннехристианской антропологии // Скрижали. 2021. Т. 21. С. 91–120.

Евлампов И.И. «Преступление и наказание»: мистический роман о рождении Спасителя в мире злого Демурга // Соловьевские исследования. 2020. № 3(67). С. 140–156. DOI: <http://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.3.140-156>.

Ермишина К.В. Фильмы постмодерна в призме гностицизма: пример «Матрицы» и «Облачного атласа» // Религиоведческие исследования. 2018. № 2(18). С. 182–203. DOI: <http://doi.org/10.23761/rrs2018-18.182-203>.

Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотическая мимикрия и функционирование религиозных знаковых систем: постановка проблемы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 139–147.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. Москва: Мысль, 2001.

Ситников А.В. Философия Плотина и традиция христианкой патристики. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.

Скородумов Д.А. Гностицизм в видеоиграх // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 5(139). С. 266–274.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Против Маркиона в пяти книгах / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Братухина. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга, 2010.

Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. Москва: Наука, 1979.

Тягунов С.И. Герменевтика образа: имагинативная логика смысла // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. Т. 2. № 2. С. 150–154.

Цуканов Е.А. Старый гностицизм на новый лад: лики модернизации мизантропических учений древности // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 1(21). С. 106–111.

References

Christensen, C.S. (2018), Christian and biblical symbols in modern movies exemplified by "Babette's Feast" (1987), "The Return" (2003) and "The Island" (2006), *Studia Humanitatis*, no. 1, pp. 1–21.

Afonasin, E.V. (2002), Gnosis of Valentinus and his followers. Antique evidence, *School of Valentinus. Fragments and testimonies*, translation, foreword. and comment. E.V. Afonagina, Aletheia, Saint Petersburg, Russia.

Afonasin, E.V. (2011), "Lernaean Hydra" and the problem of the origin of Gnosticism, *Schole, Philo-*

sophical antiquity and the classical tradition, vol. 5, no. 1, pp. 83–95.

Averintsev, S.S. (1980), Achamoth, *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia*, vol. 1, pp. 527–533.

Boyko, M.E. (2016), Structural analysis of movie characters, *Vestnik VGIK*, no. 2(28), pp. 23–32.

Danilov, A.V. (2021), The anthropological matrix of Gnosticism as a context for the formation of early Christian anthropology, *The Tablets*, vol. 21, pp. 91–120.

Ermishina, K.V. (2018), Postmodern films in the prism of Gnosticism: an example of The Matrix and Cloud Atlas, *Religious Studies*, no. 2(18), pp. 182–203, DOI: <http://doi.org/10.23761/rrs2018-18.182-203>.

Evlampiev, I.I. (2020), "Crime and Punishment": a mystical novel about the birth of the Savior in the world of the evil Demiurge, *Solovyov Research*, no. 3(67), pp. 140–156, DOI: <http://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.3.140-156>.

Lebedev, V.Iu. and Prilutsky, A.M. (2018), Semi-otic Mimicry and the Functioning of Religious Sign Systems: Statement of the Problem, *Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy*, no. 1, pp. 139–147.

Losev, A.F. (2001), *Dialectics of myth*, A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky (ed.), Thought, Moscow, Russia.

Sitnikov, A.V. (2001), *Philosophy of Plotinus and the tradition of Christian patristics*, Aletheia, Saint Petersburg, Russia.

Skorodumov, D.A. (2021), Gnosticism in video games, *Emergency reserve. Debate about politics and culture*, no. 5(139), pp. 266–274.

Tertullian Quintus Septimius Florence. Against Marcion in five books, (2010), trans. from lat., entry. Art. and comment. A.Yu. Bratukhina, Oleg Abyshko Publishing House, University Book, Saint Petersburg, Russia.

Trofimova, M.K. (1979), *Historical and philosophical questions of Gnosticism*, Nauka, Moscow, Russia.

Tsukanov, E.A. (2019), Old Gnosticism in a New Way: Faces of Modernization of Misanthropic Teachings of Antiquity, *Science Art Culture*, no. 1(21), pp. 106–111.

Tyagunov, S.I. (2017), Hermeneutics of the image: the imaginative logic of meaning, *New Science: Problems and Perspectives*, vol. 2, no. 2, pp. 150–154.

Submitted: 18.04.2022

Revised: 01.06.2022

Accepted: 17.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 124.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-19-24

Дата поступления: 17.04.2022
рецензирования: 31.05.2022
принятия: 17.06.2022

В.Т. Фаритов

Самарский государственный технический
университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Семиотика религиозного опыта

Аннотация: статья посвящена проблеме семиотических аспектов религиозного опыта. На материале анализа шестой главы Книги пророка Исаии в качестве основных семиотических компонентов религиозного опыта выделяются видение, пророчество, знамение и толкование. Раскрывается специфика знакового характера названных компонентов. Обосновывается тезис, что семиотические компоненты религиозного опыта взаимообуславливают друг друга, образуя целостную семиотическую структуру. Теоретическую базу исследования составляют концептуальные разработки отцов церкви, богословов и религиозных философов: Дионисий Ареопагит, Иоанн Златоуст, Игнатий Брянчанинов, В.Н. Лосский, А.Ф. Лосев и др. В исследовании используются методологические принципы и установки историко-философской реконструкции, герменевтики и семиотики.

Ключевые слова: религиозный опыт; знак; видение; пророчество; знамение; толкование; семиотическая модель.

Цитирование: Фаритов В.Т. Семиотика религиозного опыта // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 2. С. 19–24. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-19-24>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Фаритов В.Т., 2022** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.T. Faritov

Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Semiotics of religious experience

Abstract: the article is devoted to the problem of semiotic aspects of religious experience. There have been pointed out the following main semiotic components of religious experience – seveven, prophecy, sign and interpretation, based on material analysis of the Isaiah sixth chapter. Moreover, there have been divulged the symbolic nature of the above-mentioned components. There has been given proof of the thesis that the semiotic components of religious experience determine each other, forming an integral semiotic structure. The theoretical basis of the study – the conceptual development of the Church Fathers, theologians and religious philosophers: Dionysius the Areopagite, John Chrysostom, Ignatius Brianchaninov, V.N. Lossky, A.F. Losev and others. Methodological principles and guidelines of historical and philosophical reconstruction, hermeneutics and semiotics are used in the present research.

Key words: religious experience; sign; vision; prophecy; sign; interpretation; semiotic model.

Citation: Faritov, V.T. (2022), Semiotics of religious experience, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 19–24, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-19-24>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© **Faritov V.T., 2022** – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeiskaya, Samara, 443100, Russian Federation.

Вопрос о природе и структуре религиозного опыта неоднократно становился предметом философского осмысления. И.А. Ильин определяет религиозный опыт как обращенность души к Богу, «искание Его, спрашивание о Нем, призыв к Нему, попытка осуществить Его» (Ильин 2002, с. 452). Подобно тому, как И. Кант эксплицировал априорные структуры научного и метафизического познания, русский мыслитель раскрывает трансцендентальные структуры религиозного опыта (Фаритов 2021, с. 27–45). Вместе с тем религиозный опыт конституируется не только направленностью сознания на божественный предмет. Религиозный опыт в качестве своего необходимого условия предполагает тексты, отсылающие к другим текстам. Соответственно, религиозный опыт выражается и фиксируется в знаках, осуществляется через толкование системы знаков. Обращаясь к проблематике знакового характера религиозного опыта, мы вступаем в область семиотических исследований. Как отмечает А.Ю. Нестеров, «общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предметов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело» (Нестеров 2012, с. 9).

В настоящем исследовании мы проанализируем семиотические аспекты религиозного опыта на материале Шестой главы книги пророка Исаии. Начнем со стихов 1–8: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Ис. 6:1–8).

В тексте описывается видение пророка Исаии. Видение – одна из наиболее значимых форм религиозного опыта. Собственно, вся книга пророка Исаии представляет собой Видение, этим словом открывается Первая глава: «Видение Исаии, сына Амосова, которое он видел о Иудее и Иерусалиме, во дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии – царей Иудейских» (Ис. 1:1). Первое, что обращает на себя внимание, то, что видение относится к сфере

представления, предполагает чувственные образы. Текст рассматриваемой главы вообще изобилует глаголами, означающими чувственное восприятие и действия, предполагающие чувственное восприятие: видел, слышал, сказал. Однако речь идет о превосходящем возможности чувственного восприятия. Первое затруднение, с которым мы сталкиваемся уже в самом начале, состоит в вопросе о возможности адекватного познания и выражения Бога. Это старая богословская проблема. В учении отцов Церкви данный вопрос решается в пользу непознаваемости Бога в его сущности (Дионисий Ареопагит 2017). Только эта позиция соответствует догматическому богословию (Лосский 2015). Применительно к семиотическому исследованию вопрос конкретизируется следующим образом: каким образом возможно говорить о знаковом характере того, что не является ни объектом, ни предметом, ни явлением, ни процессом, ни положением дел? Возможна ли семиотика религиозного опыта, если с самого начала мы сталкиваемся с таким затруднением?

Иоанн Златоуст дает следующее толкование этого места: «Он говорит не противное словам Христовым, но весьма согласное с ними. Христос говорит о точном богопознании, которого никто не имеет; сущего Божества и чистого существа Его никто не видел кроме Единородного; а пророк повествует о видении, возможном для него. Он не мог видеть того, что есть Бог, но видел Его явившимся в образе и нисшедшем настолько, насколько могла возвыситься немощь созерцающего. А что действительно ни он и никто другой не видел чистого Божества, это очевидно из самого повествования. «Видел», говорит, «Господа сидящего»; но Бог не сидит; это телесное положение. Притом говорит не просто «сидящего», а: «на престоле»; но Бог не поддерживается чем-нибудь; как можно сказать это о Том, Кто существует везде и наполняет все, «в Его руке глубины земли» (Пс. 94:4)? Очевидно, что это видение было снисхождением Божьим» (Златоуст 2013, с. 170–171). Чувственные образы выступают в тексте в качестве знаков сверхчувственного. Бог, которого видел пророк, есть образ Бога, но не сам Бог. То же самое относится к другим образам, представленным в тексте: летающие крылатые Серафимы, горящий уголь, клещи, жертвенник. Во всех случаях речь идет о чувственном выражении сверхчувственного. Образ Господа, сидящего на престоле, это чувственное выражение Бога бесконечного и вечного.

Согласно А.Ф. Лосеву выражение представляет собой синтез двух разнородных планов бытия: внутреннего и внешнего, трансцендентного и имманентного. А.Ф. Лосев выделяет три семиотические конфигурации выражения: схему, аллегория и символ (Лосев 2021). В первом случае внутреннее превосходит внешнее. Во втором – внешнее

доминирует над внутренним. Наконец, в символе устанавливается равновесие внутреннего и внешнего или, выражаясь в терминологии семиотического подхода, означаемого и означающего. В видении пророка Исаии представлена именно эта третья конфигурация выражения. Схематизм не подходит для религиозного опыта, поскольку предполагает фактическое отсутствие самостоятельной значимости означающего слоя образа. В схеме означающее значимо лишь в той степени, в какой оно отсылает к означаемому. Но тогда мы имели бы дело не с религиозным опытом, а с метафизикой, претендующей на познание трансцендентного либо утверждающей его непознаваемость. Однако в религии речь не идет ни о познании божественной сущности, ни о постулировании абсолютной трансцендентности божества. Религии не присущ гносеологический оптимизм, поскольку, утверждая познаваемость Бога, мы тем самым превращали бы его в объект ни агностицизм. Равным образом, религии не свойственен и агностицизм, поскольку полная невыразимость Бога исключала бы и возможность религиозного опыта. Не адекватна религиозному опыту и аллегория, так как здесь центр тяжести означивания смещается в сторону означающего. В этом случае мы были бы вынуждены признать видение пророка Исаии всего лишь басней, образы которой выражают доступный непосредственному словесному формулированию моральный смысл. Таким образом, остается только третья конфигурация выражения – символизм. Применительно к рассматриваемому тексту мы должны не ограничиваться утверждением, что образ Господа, сидящего на престоле, не есть непосредственное представление божественной сущности. От нас требуется также признать, что данный образ есть снисхождение самого Бога к возможностям восприятия людей, ограниченных условиями определенной исторической ситуации, уровнем культуры и степенью развития религиозного сознания: «Но если бы являлось само чистое существо Божье, то оно не являлось бы различным образом; а так как по снисхождению Бог являл Себя пророкам, то таким, то другим образом, принимая виды, соответственные различным временам» (Залатоуст 2013, с. 171). Следовательно, религиозный опыт требует признания образа одновременно 1) не соответствующим Богу во всей полноте его сущности и 2) делающим возможным отношение человек к самому Богу: «Для чего Бог является здесь сидящим на престоле и притом окруженным серафимами? Он приспособляется к обычаю человеческого, так как и речь Его обращена к людям» (Залатоуст 2013, с. 171).

Образ-символ конституируется на пересечении вневременного, вечного божественного бытия с исторической фактичностью человеческого бытия. На основе этой структуры образа в тексте вычле-

няются два плана содержания: пророчество и история. Оба плана одновременно переплетаются и расходятся друг с другом. История в данном случае представляет собой повествование о событиях, имевших место в жизни того или иного народа в определенное время. В Книге пророка Исаии достаточно много указаний на исторические события из жизни израильтян и других народов. Время чаще всего обозначается двумя способами: упоминание имен царей и войн. Тем самым повествование привязывается к конкретному историческому времени. Аналогичным образом часто употребляющиеся географические наименования вписывают повествование в конкретное пространство. События описываются как происходившие в реальном историческом времени и месте. Все это необходимо для уразумения того, что религиозный опыт не связан с отрицанием земного, имманентного плана бытия. Религия не есть бегство от действительности в потусторонний мир, не есть нигилизм. Все, что писали о религии Фейербах, Маркс, Ницше, представляет собой последствие забвения религиозного опыта, утраты его понимания. Книга пророка Исаии непосредственным образом показывает, что религиозный опыт направлен на историческое существование человека. Но, с другой стороны, религиозный опыт утверждает историю не в голой фактичности, но в аспекте ее «интеллигенции», т.е. соотнесенности с высшим смыслом, с высшим планом бытия. История сама по себе есть лишь последовательность событий, управляемых либо случаяем, либо механической цепью причинно-следственных связей. Смысл истории утверждается через пересечение временного пласта бытия с планом вневременного, вечного. Этот второй план в повествовании и есть пророчество.

В рассматриваемой нами главе историческая отсылка дана в первом стихе: «В год смерти царя Озии». Это примерно 739 год до нашей эры. Затем повествуется о видении Исаии. С девятого стиха дается собственно пророчество об Иудее: «И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее» (Ис. 6: 9–13). Если история есть повествование о случившихся событиях, то пророчество в первом прибли-

жении есть «история будущих событий, данная прежде их исполнения» (Златоуст 2013, с. 201). При этом пророчество, согласно Златоусту, часто говорит о будущем, как о прошедшем (Златоуст 2013, с. 201). Следует учитывать, что цель и назначение пророчества не заключается в фактическом предсказывании будущего. Иначе пророчество мало чем отличалось бы от истории. История повествует о случившихся событиях, пророчество – о событиях, которые случатся в будущем. И то и другое остается в плане имманентного, временного бытия. Будущее не имеет онтологического приоритета перед прошлым. Будущее с течением времени становится прошлым: события, относившиеся к будущему во времена пророка Исаии, во времена Иоанна Златоуста уже принадлежали к далекому прошлому. Однако не только будущее, но и настоящее не имеет приоритета перед прошлым. Пророчество, конечно, адресовано современникам пророка и направлено к их вразумлению и исправлению. Но это лишь частный аспект. Не в меньшей степени пророчество адресована и тем, кто будет жить в последующие эпохи, в том числе и тогда, когда предсказываемые исторические события исполнятся.

Пророчество не является способом исторического познания, его назначение не заключается в предсказании грядущих исторических событий, фаталистическим образом раз и навсегда предначертанных. Пророчество есть способ познания божественной воли. И смысл не в том, чтобы пророчество непременно сбылось. Если воля Бога познана и принята, предреченные катастрофические события могут и не наступить. Бог может отменить предсказанное, если одного предсказания окажется достаточно для обращения. Но и сбывшееся пророчество имеет одну цель: в исторических событиях распознать благодную волю Бога, превратить историческую фактичность в знак божественной воли, божественного провидения.

Через исторические события пророчество сообщает «о делах, превышающих разум человеческий и превосходящих обыкновенные соображения» (Златоуст 2013, с. 188). Сквозь пласты исторического времени в пророчестве проступает пласт вневременного. Чтобы не быть простым историческим предсказанием, пророчество соединяется со знаменем. Знамение – еще один конститутивный для религиозного опыта компонент. Знамение – слово, состоящее в этимологическом родстве со словом «знак». Знаменованье означает давать знак чему-либо. Предзнаменованье – такой знак, который указывает на грядущие события. Например, в «Слове о полку Игореве» солнечное затмение было воспринято как божье знамение неудачи предстоящего похода.

От пророчества знамение отличается двумя существенными признаками. Во-первых, знамение

содержит в себе элемент чудесного, нарушающего установленный порядок земного бытия: «Знамение должно выходить из общего порядка вещей, превосходить обычный порядок природы, быть дивным и необыкновенным, так, чтобы каждый из видящих и слышащих замечал это. Потому оно и называется знаменем, что заключает в себе нечто знаменательное; а знаменательным оно не было бы, если бы не выходило из общего порядка прочих вещей» (Златоуст 2013, с. 190). Пророчество свидетельствует о божественной воле косвенно, поскольку предрекаемые исторические события сами по себе не превосходят установленный порядок существования. Война, нашествие иноплемennых, разорение и пленение – все это вполне естественные события, которые могут быть и не восприняты в качестве знака трансцендентного. Необходим пророк, который не просто предрекает грядущие бедствия, но и дает им соответствующее истолкование. Знамение есть более непосредственное указание на трансцендентное – в силу того, что оно превосходит обычный порядок вещей.

Во-вторых, знаменья чаще всего связаны с природным бытием, в то время как пророчества – с бытием социальным, историческим. Речь здесь идет о плане означающего. Означаемым и знаменем, и пророчества выступает всегда воля Бога. Означающим знаменья чаще всего выступают природные феномены, поскольку именно в сфере природы установленный порядок проявляется в наиболее последовательной и непрерываемой форме, в форме естественного закона. Чем жестче установленный порядок, тем выше значимость его нарушения. Там, где порядок отсутствует, нарушение вообще не имеет места. Там, где порядок не установлен жестко, где речь идет скорее о закономерностях, нежели о законах, нарушения не столь значимы. Только там, где порядок носит характер непрерываемого закона, отклонения становятся исключительными, из ряда вон выходящими событиями. По этой причине нарушения в сфере природных явлений оказываются более подходящими для того, чтобы стать знаменьями. В сфере социального и исторического бытия уровень свободы выше, соответственно, степень детерминированности и прогнозируемости событий не так высока. По этой причине природные явления чаще всего выступают означающим в знаменьях: «Знаменем потопа была радуга. Грех содомитян показывает попаленная земля. Радуга видима по всему земному кругу, знамение же греха содомского не повсюду видимо. Смотри, таким образом небо и земля представляют знамение гнева Божия: одно усматривается очами, другое же возвещается прочим людям по слуху. Медный змей был знаменем относительно иудеев, листы жертвенника были также знаменем. Мы имеем много знаменей ада в слабостях, болезнях, тяжких наказаниях, так

что из этого мы можем гадать о будущем. Кто не слышал о гневе, излившемся на содомитян? Где среди языков не было слышно об этом? А наказания иудеев разве недостаточны для того, чтобы мы познали будущие наказания? Город разрушен, храм сожжен, скорби, притеснения, рассеяние тех, которые распяли (Христа); все они без полей, без городов, в дырявых платьях блуждают по вселенной. То, что они рассеяны не силою человеческою, ясно из того, что иногда при помощи Божией они побеждали македонян, персов и мидян, но великая сила Распятого их рассеяла и разбросала таким образом. Когда Финеес убил одного человека, то он получил великие блага. Когда сам Моисей сделал то же, то и ему были величайшие дары. Теперь же, если они убили действительно противника Божия, то почему же они подверглись мучениям, почему они рассеяны и разбросаны по вселенной? Кто не верит в адские наказания, тот пусть обратит свой ум на наказания, происходящие с иудеями, или на наказания Сапфиры и Анании, которые, посвятив прежде свое имущество Богу, потом погибли, как грабители храма» (Златоуст 2013, с. 434).

Таковы основные черты, отличающие знамение от пророчества. Наряду с видениями, пророчествами и знамениями, значимым компонентом религиозного опыта выступает толкование. Данный феномен также связан со знаковым характером религиозного опыта. В святоотеческих текстах основное направление толкования – прочтение Ветхого Завета в контексте Нового Завета. С одной стороны, книги Нового Завета содержат досочно большое число прямых (цитат) и косвенных отсылок к Ветхому. В том числе цитаты из Книги пророка Исаии в Новом Завете встречаются особенно часто. С другой стороны, сам Ветхий Завет и, в первую очередь, пророческие послания содержат непосредственные предвозвещения грядущего пришествия Мессии. Поэтому Иоанн Златоуст выделяет особый вид пророчеств: наряду с пророчествами о грядущих событиях в истории иудейского народа, существуют пророчества о событиях Нового Завета: «Есть и другой род пророчества, – это предсказание о Христе; в них с точностью говорится не только о пришествии Его, но и о том, что Он будет делать по пришествии, о зачатии, о рождении, о Кресте, о чудесах, об избрании учеников, о Новом Завете, о прекращении иудейства, об истреблении язычества, о высоком достоинстве Церкви и о всех других, последующих обстоятельствах. Обо всем этом со всей ясностью за много времени предсказывали пророки, об ином – прообразовании, а об ином – словами» (Златоуст 2013, с. 14). Таким образом, Ветхий Завет становится знаком Нового Завета: «Таковы вообще писания Ветхого Завета. А в Новом Завете то, что в Ветхом сказано загадочно, объясняется; именно: пророчества свидетельствуются делами, изображается жизнь,

достигающая до небес, указываются неизреченные будущие блага, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор.2:9). Новый Завет, приняв человека, постепенно и мало-помалу освобожденного от нечестия Ветхим Заветом, возводит его к жизни ангельской. Делом Ветхого Завета было – сотворить человека, а Нового – сделать человека ангелом. Когда нечестие произвело то, что люди перестали быть людьми, низвело их до низости бессловесных и сделало скотоподобными, то закон освобождал их от этого нечестия, благодать же прибавляет им и ангельские добродетели» (Златоуст 2013, с. 14–15).

Задача толкователя состоит в том, чтобы в образах Ветхого Завета раскрыть прообразы Нового Завета. Так, в рассматриваемой нами Шестой главе образы стихов: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6: 6-7) могут быть истолкованы в качестве прообразов таинства Евхаристии, причащения тела и крови Христова: «Некоторые говорят, что это – прообразы будущих таинств: и этот алтарь, и разложенный огонь, и служебная сила, и прикосновение к устам, и очищение грехов» (Златоуст 2013, с. 176). Это лишь отдельный пример – в святоотеческой экзегетической литературе их множество. Едва ли не каждый ветхозаветный образ содержит в себе прообраз Нового. Однако и в Новом Завете даны образы, отсылающие к «жизни будущего века». В конце концов, все образы Писания отсылают ко второму пришествию, страшному суду. Но и это – образы, символы, сообщающие доступным для нас способом то, что для нас в нашем нынешнем состоянии недоступно. Такова герменевтическая структура Священного Писания.

Книгу пророка Исаии называют ветхозаветным Евангелием ввиду того, что в образах книги прочитываются пророчества о Христе. Историческое время здесь пересекается сверхисторическим, горизонталь – вертикалью, имманентное – трансцендентным. В этом и заключается основная интенция благой вести: трансцендентное перестает быть только трансцендентным, имманентное перестает быть только имманентным. Божественное и человеческое, вечное и брнное, небесное и земное приходят к нераздельному и неслиянному единству. В семиотическом плане речь здесь идет об Имени Сына: «Имя, по наружности своей ограниченное, но изображающее собой Предмет неограниченный, Бога, заимствующее из Него неограниченное, Божеское достоинство, Божеские свойства и силу» (Брянчанинов 2017, с. 363). Подобно тому, как Сын Божий Сам является Богом, Имя Иисуса Христа само есть средоточие боговоплощения, точка схождения ограниченного и безграничного:

«Положить другое основание для моления именем Иисуса, кроме положенного, невозможно: оно есть Сам Господь наш Иисус Христос, Богочеловек, непостижимо прикрывший неограниченное естество Божие ограниченным естеством человека и из ограниченного человеческого естества проявляющий действие неограниченного Бога» (Брянчанинов 2017, с. 483). Ограниченное, выступающее знаком неограниченного, само становится неограниченным – не утрачивая при этом своей ограниченности. Ограниченное не лишается своей ограниченности, но перестает быть только ограниченным. Одновременно неограниченное перестает быть только неограниченным. Знак становится символом, становится Именем. Здесь мы вступаем в область проблематики имяславских споров (Епископ Илларион (Алфеев) 2021) и философии имени (Лосев 2009).

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что религиозный опыт предполагает определенную и специфическую семиотическую конфигурацию. Структурообразующими компонентами семиотической модели религиозного опыта выступают видение, пророчество, знамение и толкование. Названные компоненты не изолированы, но предполагают друг друга, образуя таким образом семиотическую систему. Видение в общем и целом есть способ чувственного выражения сверхчувственного. Пророчество представляет собой видение будущих исторических событий, которые, в свою очередь, выступают в качестве знаков божественной воли. Знамение представляет собой особый вид пророчества, в котором функцию знака божественной воли приобретают события нарушения естественного порядка вещей. Наконец, толкование есть способ обнаружения бытия безграничного в ограниченном по форме знаке. Максимально полное выражение эта установка получает в Имени Сына Бога. Данное Имя выступает в качестве предельного онтологического и семиотического горизонта видения, пророчества и знамения.

Библиографический список

Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2017. 464 с.

Епископ Илларион (Алфеев), Священная тайна церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. Москва: ИД Познание, 2021. 1072 с.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Избранные творения. Аскетические опыты: В 2 т. Том II. Москва: Сибирская Благовонница, 2017. 701 с.

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Москва: АСТ, 2002. 586 с.

Иоанн Златоуст, свт. Обозрение книг Ветхого Завета. Толкование на пророка Исаию. Москва:

Православное Благотворительное братство во имя Всемилоостивого Спаса, 2013. 576 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Москва: АСТ, 2021. 448 с.

Лосев А.Ф. Философия имени. Москва: Академический проект, 2009. 300 с.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Москва: Академический проект, Парадигма, 2015. 543 с.

Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. 2021. Т. 1, №1. С. 6–14.

Фаритов В.Т. От Гегеля к Канту: философские поиски И. Ильина в свете кризиса европейской метафизики // *Mixtura verborum* 2019–2020: пограничное время: сборник научных статей; под ред. С.А. Лишаев. Самара: Самрама, 2021. С. 27–45.

References

Dionysius the Areopagite (2017), *Corpus of essays. With interpretations of Rev. Maximus the Confessor*, Oleg Abyshko Publishing House, St. Petersburg, Russia.

Bishop Hilarion (Alfeev) (2021), *The Sacred Mystery of the Church. Introduction to the history and problems of the imyaslav disputes*, Pznanie Publishing House, Moscow. Russia.

Ignatius (Bryanchaninov), saint. (2017), *Selected creations Ascetic experiences: In 2 volumes. Volume II*, Sibirskaya Blagozvonitsa, Moscow. Russia.

Ilyin, I.A. (2002), *Axioms of religious experience*, AST, Moscow, Russia.

John Chrysostom, St. (2013), *Review of the books of the Old Testament. Interpretation of the prophet Isaiah*, Orthodox Charitable Brotherhood in the Name of the All-Merciful Savior, Moscow, Russia.

Losev, A.F. (2021), *Dialectic of myth*, AST, Moscow, Russia.

Losev, A.F. (2009), *Name philosophy*, Academic project, Moscow, Russia.

Lossky, V.N. (2015), *Essay on the mystical theology of the Eastern Church. dogmatic theology*, Academic project, Paradigm, Moscow, Russia.

Nesterov, A. Yu. (2021), Semiotics as methodology and ontology, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 6–14.

Faritov, V.T. (2021), From Hegel to Kant: philosophical searches of I. Ilyin in the light of the crisis of European metaphysics, *Mixtura verborum 2019–2020: borderline time: collection of scientific articles* (S.A. Lishaev. ed), Samrama, pp. 27–45.

Submitted: 17.04.2022

Revised: 31.05.2022

Accepted: 17.06.2022

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-25-49

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ,
ПЕРЕВОД
УДК 101Дата поступления: 17.05.2022
принятия: 20.06.2022

Фридрих Дессауэр*

Человек и космос**

Аннотация: вниманию русскоязычного читателя впервые предлагается фрагмент монографии Фридриха Дессауэра «Человек и космос. Опыт» 1948 года, посвящённый исследованию космоса как порядка в физическом, биологическом и духовном мирах. Фр. Дессауэр известен как классик философии техники, автор концепции «четвёртого царства» – мира предустановленных форм для технических задач. В настоящей работе он предстаёт, с одной стороны, как методолог и историк науки, системно показывающий характер и эволюцию познания в физике и биологии; с другой стороны, как антрополог, определяющий человека с позиции опытных наук в качестве способа соединения физического, биологического и духовного миров, как автор ряда мысленных экспериментов, иллюстрирующих возможности и границы науки. Публикуемый фрагмент перевода включает в себя главу 3 «Человек и космос», с. 67–126 оригинального издания.

Ключевые слова: техника и религия; философия науки и техники; проблема человека; символ.

Цитирование: Дессауэр Ф. Человек и космос / пер. с нем. А.Ю. Нестеров // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 25–49. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-25-49>.

Благодарности: перевод подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

© Оригинальный текст – Фридрих Дессауэр. Перевод – А.Ю. Нестеров.

SCIENTIFIC ARTICLE,
TRANSLATION

Friedrich Dessauer

Human and Cosmos***

Abstract: in the present research the Friedrich Dessauer's monograph abstract "Human and Cosmos. The Essay" has been brought to the attention of the Russian-speaking readers for the first time ever. The above-mentioned academic paper as of 1948 is concerned with the space exploration: cosmos has been studied as the order within the physical, biological and spiritual worlds. Friedrich Dessauer is famous as a classical scholar of the philosophy of technology, the author of the "fourth kingdom" concept – the world of pre-established forms for technical problems. In the present work Dessauer is portrayed, in one respect, as a methodologist and a historian of science, demonstrating the principles and evolution of cognition in physics and biology on the system level. However, he has also been described as an anthropologist, interpreting a human being from the perspective of the experimental sciences as a means of physical, biological and spiritual worlds' interconnection. Moreover, the scientist's image has been presented in the form of an author of mental experiments, illustrating the science limits and possibilities. The published translation abstract comprises Chapter 3 "Human and Cosmos", p. 67–126 of the editiones principes.

* **Фридрих Дессауэр** родился 19 июля 1881 года в Ашаффенбурге, Германия. В 1920 году – профессор университета Франкфурта-на-Майне. С 1921 г. по 1993 г. – ординариус и директор университетского института физических основ медицины, первого биофизического института в высшей школе. С 1924 г. по 1933 г. – член Рейхстага. В 1933–34 гг. преследовался национал-социалистами. С 1934 г. – ординариус университета Стамбула по радиологии и биофизике. С 1937 по 1953 г. – ординариус и директор физического института университета Фрайбурга (Швейцария). С 1946 г. – профессор университета Франкфурта-на-Майне им. Иоганна Вольфганга Гёте. Умер 16 февраля 1963 года во Франкфурте-на-Майне от воздействия искусственной радиации, его имя занесено в списки медиков и ученых, погибших от рентгеновского излучения «Мемориала Радиологии» в Гамбурге. Радиолог, физик, политик и публицист. Получил научные степени по медицинским, философским, теологическим, инженерным наукам. Основоположник квантовой биологии, классик философии техники. Автор биографий Галилея, Рентгена и Ньютона, монографий «Философия техники. Проблема реализации» (1927), «Освобождение техники» (1931), «Естественнонаучное познание. Доклады по философии природы» (1951), «Квантовая биология: введение в новую отрасль знания» (1954), «Спор о технике» (1956) и др.

** Перевод выполнен Александром Юрьевичем Нестеровым. Выходные данные оригинала: Dessauer, Friedrich; Mensch und Kosmos. Ein Versuch o.J.1948, 194 S., Otto Walter A.G.

***Translated by Alexander Yurievich Nesterov. Output data of the original: Dessauer, Friedrich; Mensch und Kosmos. Ein Versuch o.J.1948, 194 S., Otto Walter A.G.

Key words: technology and religion; philosophy of science and technology; human problem; symbol.

Citation: Dessauer, F. (2022), Human and Cosmos, translated from German by A.Yu. Nesterov, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 25–49, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-25-49>.

Acknowledgments: the above-mentioned translation has been executed with financial support from RFBR, within the scope of the scientific project 20-011-00462 A, Friedrich Dessauer's Philosophy of Technology: Epistemology and Anthropology of the Realistic Creativity Theory.

© **Original text – Friedrich Dessauer. Translation – A.Yu. Nesterov.**

1. Космический странник

Исследования *проблемы происхождения человека и начала человеческого познания в греческой философии* предлагают два исторических аспекта и одновременно две возможности понимания – когда эти возможности раскрываются. Первый аспект: *однажды в праистории человек появляется*, приблизительно в дилувии, в четвертичном периоде или ранее, отстоящем от нас на сотни тысяч, возможно, на миллион лет. Там он появляется как Anthropos, обладает признаками современного человека, уже владеет, согласно находкам на многих древних стоянках, инструментами и почти точно – огнём, он уже тогда выглядит как техник, то есть как создатель приборов для осуществления задач, и уже тогда, по мнению палеонтологов, у него, возможно, есть язык. Ученые делают этот вывод на основе следов совместной деятельности, обнаруживаемых на стоянках, такой совместной деятельности, условием возможности которой является языковое понимание. Как выяснилось, то, что раньше относили к биологическим предкам, к обнаруженным «missing links» животного происхождения, по большей части никак не может относиться к эпохам, более ранним, нежели находки на древних стоянках Anthropos или на некоторых стоянках Homo, ещё более соответствующего современному человеку. По сей день не найдено никаких следов духовного превращения некоего животного предка в человека. Тем самым в настоящее время мы мало знаем о нашем происхождении, о *становлении человеком*. С тех времён наблюдается мощное *развёртывание человечества*. Остаётся неизвестным *становление человеком* на основе сформированного и развивавшегося в животном царстве тела. Филогенетическая теория происхождения *остаётся легитимной в качестве общей рабочей гипотезы*. Она столкнулась со сложностями при интерпретации находок.

Второй аспект связан с историческими, то есть близкими временами, и предлагает нам поворотный пункт в отношении человека к миру, взгляд на тот духовный рассвет, когда грекам в Средиземноморье открылась великая мысль о том, что *природа познаваема*. Сознующий себя дух великих мыслителей тех времён отходит от анимистической установки, интерпретирующей предметы и события одушевлёнными по принципу человекоподобия и присочиняющей лесам и источникам,

рекам и ветрам полубогов, благорасположение которых может быть вымолено. Внимание обращается к *правилу в природном ходе вещей*, и именно это – «космос», слово, обозначающее украшение и порядок. *Порядок, правило могут быть познаны*. Весь многообразный мир становится объектом, предметом мышления, а в мире одушевлённых и неодушевлённых вещей предметом становится и сам человек. Хаос можно констатировать, но нельзя познать; лишь с упорядочиванием начинается познание как возвращение к себе сознающего себя духа в трансцендентном, объективном мире.

В юношески смелом подходе осуществляется попытка мысленно схватить сущностные, основополагающие черты космоса, выразить их в понятии. Является ли таковым основоположением признак «быть вечным течением», «неизбежным изменением» или пребывание в потоке явлений, царство идей? Попытки решения, толкования сменяются, борются друг с другом, однако одно пришло в Европу и оттуда распространилось по всему миру, сохранилось до наших дней и пребудет до тех пор, до которых простирается человеческое предвидение: это позиция человеческого Ratio – ищущего и находящего духа – по отношению к совокупности упорядоченного мира как предмета познания, это противопоставление рассудка как субъекта и мира как объекта, Я и космоса – с тем особенным и осложняющим обстоятельством, что в объекте, в космосе познающий человек, субъект обнаруживает себя, встречается сам себя в исследовании. Встречая себя, он не отступает, но стремится проникнуть, понимая, пронизывая духом космос, и в свою собственную человеческую сущность. Это было содержанием первой главы.

Во второй главе мы попытались показать третий поворотный пункт истории духа, часто связываемый с именами Галилея и Ньютона. Тогда, в XVI и XVII веках, рациональная установка человеческого духа по отношению к природе получила колоссальную поддержку за счёт двух открытий. Первое заключалось в обнаружении того, что приблизиться к природе можно не только с помощью созерцательного, рецептивного мышления, что можно спросить природу прямо и получить открытый [offenbarend] ответ. Это было открытие «индуктивного метода» Галилея. Второе открытие было сделано Ньютоном и Лейбницем и заключалось в овладении путём нового математического метода, дифференциального

исчисления, непрерывными изменениями, ускользающими от всякого представления, соотношениями исчезающе малых или невообразимо растущих величин, которые пронизывают весь космос.

В путешествии сквозь три столетия после Исаака Ньютона человеческий род добрался до сегодняшнего дня. И мы, современные люди, осматриваемся в космосе; мы делаем это с удивлением, даже с ужасом, в страхе. Потому что космос, который нам предстаёт, иной, нежели тот, что фиксировался древними невооруженным и неконтролируемым чувственным восприятием. Он не только мощнее, шире, богаче, не только несоизмеримо глубже, – нет, он принципиально иной, не такой, каким они его находили. Поэтому и их базовые понятия, посредством которых они толковали сущность и осуществление мира, и их объяснительные принципы оказались недостаточными, насколько они бы ни были наполнены духом. Мы должны восхищаться древними натурфилософами, но мы не можем быть удовлетворены их учениями. Тому, кто хотя бы отчасти обзревает несущую силу человеческой способности познания, это очевидно. Вновь и вновь она ошибается, когда доверяет самой себе и не прислушивается к откровениям, к ответам, которые даёт сам космос, или, говоря словами Ньютона, сам творец. Наш общий опыт, опыт исследователей природы, заключается в следующем: всегда при более глубоком проникновении в действительность мира она оказывалась иной, нежели изначально думалось и заранее провозглашалось в философских спекуляциях. Каждая значимая находка обобщалась и истолковывалась в качестве всеобщего принципа. И всегда эти спекулятивные обобщения оказывались если и не лишёнными ценности, то как минимум недостаточными.

Попытаемся, пусть, возможно, и наивным образом, получить впечатление о том, насколько иным космос предстаёт сейчас, нежели раньше. Наивным образом – с помощью мысленного эксперимента. Представим себе *космического странника*, некое космическое существо, которое осматривает Землю в рамках нашей звёздной системы, нашей галактики. Он её уже облетал и осматривал миллионы и сотни тысяч лет назад, две тысячи и триста лет назад. И теперь, в наши дни он находит её облик сильно изменившимся. Осматривая её сотни тысяч лет назад, он видел планету сформированной согласно естественному причинному развитию, её поверхность – хаотической, подчинённой действию геологических сил, гравитации, температуры, атмосферы. Когда он возвращался 2000 лет назад, было несколько мест, например, в Средиземноморье и Восточной Азии, где можно было видеть нечто совершенно новое: геометрическое членение на земной поверхности. А в наши дни он замечает, что это новое преобразило большую часть твёрдой земной поверхности. Это

преобразование лучше познаётся зрением, нежели словами. Тот, кто, например, пролетает в самолёте над высокогорным и над культурным ландшафтом, переживает это изменение. Прямые линии, простые кривые и фигуры, треугольники, четырёхугольники преобладают в культурном ландшафте. Это линии дорог, рельсовые пути, каналы, упорядоченные русла рек, линии высокого напряжения, поля, участки леса, поселения – всё геометризовано. (Иллюстрации в книге дают об этом некоторое представление.) Космический странник впервые наблюдает эту победу упорядоченного членения над хаосом скал и первозданной сельвы и обнаруживает, что это человек преобразовал облик Земли и неуклонно продолжает его преобразовывать. Отличие возделанной местности от природной, геометрического членения от хаотической первозданности заключается в финалистском, направленном на цель и определённом задачами упорядочивающем мышлении, выражающем себя в геометрических линиях.

Если космический странник, которого мы вообразили, продолжит исследование, то он придёт к выводу, что в основе этой внешней трансформации облика должна лежать духовная причина, что человеческий род, расширяющий своё воздействие на планету, должен был пережить, особенно в последние столетия, внутреннюю трансформацию, так чтобы в противоположность ранним эпохам Земли жить не в подчинении и приспособлении, подобно животным, но активно, сообразно цели и плану, методично действовать, преобразовывать, тысячами усилий побеждая, преодолевая себя, придавать новые черты планете, которые не могут быть ничем иным, нежели следствиями черт собственного человеческого духа. Но это возможно лишь тогда, когда этот дух пережил двоякую трансформацию: *в познании природы и в своём поведении, реализации воли в отношении неё*.

Отпустим космического странника, придуманного нами в просветительских целях. Возможно, он знает о других планетах в дальнем космосе, где происходило нечто подобное и, быть может, продвинулось намного дальше, нежели у нас, тем самым он знает о том, что нам предстоит; быть может и нет, так что наша старательно облетающая своё Солнце Земля представляется ему единственной в своём роде и он вновь вернётся через пару столетий проверить, что из этого вышло: продолжение финалистского одухотворения или падение назад в хаос. Пусть странник отправляется дальше. Мы научились у него, глядя на себя в определенном отношении со стороны, тому, что мы соотносимся с космосом по-новому, по-новому в обоих смыслах: и познавая, и творя. И пусть *происхождение homo sapiens* сокрыто, его *развёртывание* в очень коротком промежутке мирового времени удивительно и несомненно. Пусть оно идёт через катастрофы, в

плане своего существования в космосе оно движется сквозь время ясно направленным путём. Точка пути, в которой мы находимся, наше сегодня демонстрирует нам горизонты несравнимо ясного, отчётливого видения: мы видим *космос* (и в нём нас самих) *как предмет*, который мы исследуем с всё возрастающей ясностью сознания, в котором мы действуем, творя, причём теми средствами, который он сам нам даёт, из которого мы черпаем познание, руководство, прозрение, равно как и силы и материалы для нашей телесной жизни, космос, который нам помогает и угрожает *и который постоянно умалчивает о сокровенном*.

2. Первый взгляд

Наше поколение, в отличие от какого-либо из предшествующих, обладает существенно более широким и глубоким взглядом на космос. Красота, величие, плодотворность космоса воздействуют на нас со всех сторон. По этой причине вновь, с большей чем когда-либо напряжённостью, возник пугающий вопрос о человеческой личности – где она, собственно говоря? Где в ночи вселенной, в сумерках Земли, в неотвратимом потоке времени мерцает эта тонкая искра сознающего себя Я, знающего с определённой ясностью о собственной, ежечасно приближающейся смерти? Человеческое Я помещено в этот поток, или, как говорят экзистенциалисты, человек со своим знанием о себе «заброшен» в бытие, а именно в «бытие-к-смерти», он – в той мере, в какой он живёт с ясным всеохватывающим сознанием, – озабочен, наполняется страхом, куда бы он ни посмотрел. Чуждость размеров, глубины, тьмы, всемогущества, неумолимости, в которой он себя обнаруживает и которая проникает в него самого, так что он теряет опору под ногами, ему не за что ухватиться, у него кружится голова, если его установка не соответствует его природе. Всё это повлияло на трансформацию современной философии. Если древние, а после них *исследователи* вопрошали и вопрошают вплоть до сегодняшнего дня о бытии и сущности вещей, составляющих космос, если древние надеялись проникнуть смелой мыслью в первые начала [die letzten Prinzipien] бытия, если исследователи учили, что во внутреннюю сущность мира следует проникать упорными усилиями, отталкиваясь от внешних явлений, то сейчас в философском пространстве шёпотом задают полный страха вопрос о человеческой «экзистенции». В целом, это понятно. Мы познали, особенно в последние три столетия, настолько много, вокруг нас стало настолько светлее, мы знаем о космосе – без преувеличения – в миллионы раз больше, нежели древние. Но что из этого следует? Мы ведь нигде не прозреваем до конца, везде мы видим глубже, нежели когда-либо, однако за границей зрения – сумерки и темнота. Мы ощущаем, что в непрояснённых областях идут какие-то процессы,

но не знаем, как и какие. *Всякое* прояснение того или иного вопроса в близкой перспективе будило новые вопросы в дальней, всякая решённая проблема вызывала из глубин бытия новые и помещала их в полутьму нашего окружения, всякий распознанный нами образ обнаруживался в качестве тайного знака, шифра чего-то сокровенного, всякая извлечённая взаимосвязь обнаруживала новые взаимосвязи. Кроме того, испуганный, окружённый загадкой космоса человек, созерцая в рефлексии самого себя, противопоставляя «я» «себе» или «самости», узнаёт, что вся его самость проникнута космическими шифрами, что великая тьма со всех сторон проникает в него, что исследования его тела, равно как и психики, показывают, что эти силы живут и витают в пропасти его собственного бессознательного, они дремлют, а проснувшись, стремятся вперёд. Они угрожают сознающему Я человека, способны поглотить его без надежды на спасение, потому что человек не знает, куда бежать. Что остаётся? Стоический героизм, эпикурейство, растворение в текущем мгновении, одурманивание, отчаяние? Всё это – известные позиции или формы отказа. Если человек приходит к убеждению, что его существование не активная жизнь, но пассивное проживание [Gelebtwerden] через него тёмных сверхсил, – что ему тогда остаётся? Во многих работах современных авторов слышен предсмертный крик человека, который в ночи своего существования потерял опору и рухнул в неизмеримое, в ничто. Обстоятельства времени, которые мы пережили, способствуют таким философиям упадка. *Само чувство жизни им противоречит* – оно ощущает их как нездоровые, пусть они и столь современны. Чувство жизни – ещё не доказательство, ещё не познание. Однако даже самый строгий исследователь признает, что оно часто освещает путь познания.

3. Пространство познания и существование

Сейчас следует зафиксировать обзор текущего положения дел с космосом, с тем, как он сегодня предлагает себя сознанию в качестве предмета. Глядя назад, мы видим глубоко внизу холм, предлагающий скромный обзор, на котором 2500 лет назад стояли древние. Они могли обозреть лишь узкую область мира, но сделали это с жаром, со страстью, в высоком порыве, надеясь извлечь мыслью начала всего космоса. Уже ближе к нам расположена куда более высокая гора, на которой стояли исследователи в день смерти Исаака Ньютона. Они не только видели гораздо больше, они открыли средства, позволяющие с определённой ясностью получать всё более глубокое и широкое видение, и были полны решимости их применять. Сегодня мы находимся на существенно более высокой точке обзора. Видимое нами пространство космоса тысячекратно больше. Однако увеличившийся обзор и завоёванная таким образом сила наполняют нас – вопреки тому, на

что раньше надеялись – не столько надёжностью, определённой, удовлетворением, сколько всё теми же, несколько не уменьшившимися заботой, страхом, неуверенностью. Раздаются предупреждающие голоса, призывающие остановиться, не продвигаться дальше в исследовательском натиске, ведь сила открытий угрожает человеческому существованию, обществу как таковому. Две причины этого недовольства, настоящего недомогания [malaise] представляются мне особенно значимыми. Первая заключается в том, что наше видение, каким бы широким и глубоким оно ни стало, осталось тем не менее ограниченным, окружённым неопределённостью. Очевидно, нам следует подняться намного выше, чтобы видеть дальше. Это требует от познающего духа новых жертв; мы, исследователи, стоим перед новыми колоссальными усилиями в надежде, что они в обозримом времени приведут нас туда, где хотел быть Фауст:

«...понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,

Постиг все сущее в основе...» (Иоганн Гете. Фауст. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Перевод Б. Пастернака)

Можно ли проникнуть в основу всего сущего? Ответ исследователя, проследившего путь сквозь тысячелетия: пожалуй, никогда. Можно лишь приближаться к этой цели, но сама она всегда будет ускользать. Точнее говоря, чем больше мы познаем, тем больше раскрывается внешнее пространство предданного, ещё не исследованного. Я попытаюсь пояснить эту мысль иллюстрацией. Пусть исследующий, познающий человеческий дух будет расположен в месте, из которого он во все стороны излучает силы своего познания, как будто бы лучи, по кругу исходящие из центра. Они распространяются на некоторых отрезках, и если, следуя потребности в завершённости, он соединит друг с другом концы этих отрезков, свои предельные результаты познания, он получит нечто вроде светлого сферического пространства, картину мира с определённым единством содержания: своё текущее знание космоса. Однако оболочка остаётся границей этого светлого пространства, тем геометрическим местом, где располагаются проблемы, где свет переходит в тьму. В процессе исследования лучи познания пронизывают эту оболочку там и тут, всё больше и больше, так что она в конце концов со всех сторон становится недостаточной, заменяется новой: так формируется новая картина мира. Старая, если она была подлинной, таким путём не отрицается, но расширяется, вбирается новой, подобно тому, как современная физика включает в себя физику Ньютона и Максвелла, никоим образом не опровергая и не отрицая. Эта иллюстрация показывает нам,

что с *растущим радиусом* светлой сферы *растёт*, причём *квадратически*, площадь оболочки, *зона проблем*. Так было всегда. Мы продвинулись далеко, исключительно далеко, но не закончим никогда. Ситуация выглядит так, как будто бы пространство действительности, которое мы называем космосом, распространяется во все стороны до бесконечности.

Это чувствовали и мыслители более ранних эпох, например, *Николай Кузанский*, который в восхищении перед величием вселенной видел в ней самооткровение бога-создателя. Это прекрасная, благородная позиция, которая после была потеряна, но время от времени вновь проявлялась в великих исследователях.

Это впечатление в определённом смысле безнадёжности усилия, признание того, что мы слишком малы, слишком конечны, чтобы воспринимать духом космос, отягощает и исследующего человека; однако не так сильно, как поворот современного мышления, о котором мы уже говорили. Многие из того, что было нам дано в исследовании, способно служить утешением от разочарования тем фактом, что в познании проблемы скорее растут, нежели исчезают за счёт решения. Сильнее действует вторая причина нашего недомогания [malaise].

Внимание исследователей и раньше, и сейчас сосредоточивается преимущественно на *предметах*, на всём, что предлагает нам космос. Наше усилие состоит в том, чтобы познавать объекты, извлекать их свойства, подчинять себе их и их взаимодействия, выявляя, например, законосообразность игр между энергией и материей, среди этого вовлекать в исследование и самого человека как предмет. Мы вопрошали о наличном бытии, сущностных свойствах, взаимодействии и многое открыли. Однако сейчас к этим вопросам об объектах добавляется тревожный вопрос *о состоянии самого вопрошающего человека*, о его особенном и уникальном бытии в мировом целом. Человек видит себя в нём в качестве особого случая, так как изначальное знание у него есть только о его наличном бытии, в то время как предметы познаются из их действия, из их сущностных свойств, их так-бытия. Человеческое Я *знает* себя без всякой рефлексии, изначально, задолго до того, как оно начнёт понимать своё своеобразие, своё собственное существо; но предметы оно схватывает лишь из их воздействий, их так-бытия и выводит из этого их наличное бытие. Один из основных представителей экзистенциальной философии приписывает предикат «существовать» только этому Я, ведущему себя по отношению к миру вещей так, чтобы соотносить всё окружение с собой: оно *озабочено* собой. Эта забота, постоянно возвращающая к Я (в заботе речь всегда идёт о Я), у философа является основной формой существования. Однако исходное переживание человеческого существования составляет страх, со-

провожающий всю жизнь и являющийся в итоге страхом смерти, страхом перед небытием. Ведь в рамках этой позиции конец экзистенциального Я, которое при всём данном изначально знает только своё наличное бытие, есть падение, ничто. Таким образом человеческое существование, ядро которого – забота, заброшено в космос, который ему решительно чужд, ведь он не есть Я. Однако оно не может его избежать, тем более что этот космос простирается и в его собственной самости, пронизывает её в физической, растительной и животной областях бытия с непреодолимым превосходством и вплоть до неизбежной смерти. Этого упоминания о новом способе человеческого самосознания вполне достаточно.

Общая позиция изменилась по той причине, что к усилию познания, направленному на предметы, добавился взгляд на наше собственное состояние в общем бытии, особенно в свете пережитых катастроф: это парение Я над пропастью ничто, погружённость в принципиально не разгадываемые шифры, бытие к смерти. Обзор космоса с места сегодняшнего дня сопровождается *недовольством*, которое никогда в ранних картинах мира не проявлялось с такой силой и которое было практически невозможно там, где, подобно Николаю Кузанскому, на мир смотрели с упованием, верой и доверием. Формируя обзор космоса с позиции сегодняшнего дня, мы будем иметь в виду не только предметное познание, но и вопрос о человеческом существовании в новом смысле этого слова. Коротко говоря, мы будем стремиться узнать, есть ли на него другой ответ, отличный от «заброшенности», «бытия к смерти», «парения над бездной ничто», действительно ли нам отказано в расшифровке смысла, действительно ли мы те заблудшие, что танцуют над бездонным болотом незнания и затем угасают, как будто бы нас никогда и не было? *Действительно ли мы настолько покинуты и прокляты, что основная форма нашего наличного бытия – забота, а изначально переживание – страх?*

4. Астрофизический горизонт

Невозможно выразить короткими мазками весь наличный обзор! Будем довольствоваться отрывками великого видения космоса.

Две тысячи лет назад, когда путешественникам и морякам была известна едва ли одна сотая земной поверхности, Анаксагор, должно быть, очень сильно удивил греков утверждением о том, что Солнце больше, нежели полуостров Пелопоннес. У Иоганна Кеплера, который открыл законы эллиптических орбит планет, следуя гелиоцентрической мысли Коперника, едва не разорвалось сердце от величия открывшегося вида и благодарности богу, явившему в откровении ему, смертному, всемирный закон, которому подчинены звёзды. А тихий, замкнутый в себе Ньютон был настолько взволнован, когда

увидел в гравитации причину этих эллиптических орбит, что не дошёл до конца несложный для него расчёт орбиты луны и позвал друга на помощь.

С той поры каждое улучшение чувствительности фотографических пластин, каждое повышение светосилы телескопов раскрывало новые глубины вселенной. Коперниканский мир стал нашей солнечной системой, уже это означало революцию для мира представлений древних.

Уже более столетия интерес астрономов и атомных физиков всё больше направлен за пределы системы, которой принадлежит наше солнце с его спутниками, – на так называемый Млечный Путь. Его ближайшие звёзды отстоят от нас в миллионы раз дальше, нежели ближние планеты. Это означает расширение исследовательского пространства астрономии в триллион раз (миллион в третьей степени). Земля оказалась совсем крошечной на фоне раздвинувшегося астрономического горизонта. Об этом заключал ещё *Аристарх Самосский* на основании того, что созвездия не демонстрируют сдвигов даже в самых дальних морских путешествиях. Однако ему не удалось поколебать авторитета геоцентрической модели, построенной Аристотелем и разработанной Птолемеем. Коперник наглядно выражал эту мысль так: орбита Земли в космическом пространстве подобна точке в сравнении с комом. Мы все знаем, насколько трагически, насколько долго и тяжело протекала борьба, скольких жертв она потребовала, пока традиционные «натурфилософские» представления не уступили взглядам на порядок нашей маленькой солнечной системы. В этой связи следует упомянуть небольшую характерную черту, ясно показывающую изменение взгляда на мир. Клавдий *Птолемей* приводит среди прочих аргументов в пользу геоцентрической системы и такой: если бы Земля двигалась в космическом пространстве, должен был бы подниматься такой ветер, что ни одна вылетевшая из гнезда птица не смогла бы вернуться назад. Мы бы скорее посмеялись над таким обоснованием. Однако мы сами строим аналогичные размышления каждый день. Птолемей был великим учёным. О материальной пустоте космоса он не знал ничего. На основе привычного переживания, согласно которому быстрое движение создаёт ветер, то есть поток текущего относительно движущегося объекта воздуха, который каждому известен как встречный ветер, он перенёс земной опыт на движение в космосе. О том, что такое воздух, что такое газ в целом, стало известно существенно позже: ясное знание появилось около 1750 года благодаря *Дэвиду Бернулли*. Птолемей этого не мог знать и принимал, вероятно бессознательно, в качестве «само собой разумеющегося» то, что воздушное пространство распространяется по всему космосу. А мы? Мы говорим, например, о частицах, мельчайших телах, таких как протоны, нейтроны, электроны. И сразу вкрадывается пред-

ставление о том, что они, подобно известным нам телам, обладают чёткой пространственной границей, пребывают в определённых местах. Но у нас нет права предполагать, что это так, основываясь только на собственном бытовом представлении. Такие элементарные частицы – нечто радикально отличное от привычных нам тел, о чём мы не в состоянии построить отчётливое представление, что мы с усилием, так сказать, лепеча, обозначаем плохо подходящими словами, потому что у нас нет других и потому что мы в привычном пространстве опыта не нашли лучших *аналогий*. Освобождение от подобного рода ложных «само собой разумеющихся полаганий», привносимых прежним опытом, – одна из наиболее значительных трудностей при исследовании вновь открытых областей. Для нас существует та же самая опасность представлений, привносимых прежним опытом, жертвой которой пал Птолемей со своим аргументом.

Направление внимания в исследовании звёздного неба было определено открытием *Галлея* (друга Ньютона), согласно которому Сириус и Арктур за последние полторы тысячи лет, с момента определения их места Птолемеем, заметно изменили своё положение. Учёные занялись поиском изменений в *местоположении звёзд*, обнаруживали их с помощью модернизированных средств, среди этих открытий были и периодические изменения местоположений, обусловленные вращением Земли вокруг Солнца. На основании величины изменения положения был сделан крайне простой вывод о близости к Земле, и столетие назад были измерены дистанции до трёх ближайших звёзд (единицей послужил диаметр орбиты Земли).

Однако для подавляющего большинства более отдалённых солнц нашей системы этих периодических колебаний недостаточно. Астрофизики между тем обнаружили, что среди звёзд выделяются некоторые специфические классы (например, цефеиды, в определённое время изменяющие свою яркость), члены которых обладают одинаковой абсолютной светимостью. По ним, широко распределённым в небесном пространстве, можно заключать о расстоянии на основании силы достигающего наших телескопов светового излучения. Они служат стандартом для измерений. Но и этого недостаточно. В Млечном Пути, кроме явно выраженных солнц, существуют более тёмные и более светлые зоны, хорошо различимые на фотографических пластинах с длинной выдержкой. На языке аналогий говорят об «облаках»: об абсорбирующей свет тонко распределённой космической материи, которая кажется светлой, если включает в себя очень яркие звёзды, и тёмной, если не включает. Если бы не эта сложность, каждое улучшение телескопа позволяло бы видеть большую глубину космоса, и если бы звёзды были равномерно распределены в космическом пространстве, то и соразмерно большее количество

звёзд. Но облака ограничивают обзор, как и на Земле облака ограничивают поле зрения. Здесь астрофизикам помогают «шаровые скопления» – образования больших, относительно шарообразных групп ярких звёзд, светимость которых проникает сквозь туман. Поскольку они содержат стандартные звёзды, постольку оказывается возможным рассчитать расстояния. Шаровые скопления создают дискобразные конфигурации. В галактической системе властвует динамика. В отдалённом подобии планетарным орбитам звёзды Млечного Пути движутся вокруг центра тем быстрее, чем ближе они к центру. Нашему Солнцу необходимо около 250 миллионов лет для прохода по этой орбите со скоростью 270 километров в секунду. Удерживаемые гравитацией, конфигурации небесных тел не рассеиваются. Именно это обстоятельство позволяет оценить общую массу системы – она составляет порядка 150000 миллионов масс Солнца. Наши лучшие телескопы позволяют из этого видеть менее одного процента. Однако в соотношении с пространством это весьма малая масса. Рано умерший английский астрофизик *Джеймс Джинс* наглядно показал распределение массы с помощью следующего забавного примера: когда мы выкуриваем одну миллионную долю грамма табака (сигарета весит около одного грамма), мы получаем около 150000 миллионов частиц дыма. Пусть это будут наши солнца, которые мы теперь распределим в пространстве зала. Однако эти частицы слишком велики, чтобы изобразить в сравнении с пространством зала размер звёзд на фоне космического пространства. Таким образом, дым от одной миллионной сигареты, распределённый по залу, наполняет его материей в миллион раз более плотно, нежели звёзды наполняют материей космическое пространство.

Двигаемся дальше. Во времена Галилея было открыто облако Андромеды. Сейчас известны миллионы таких облаков. Гигантские телескопы позволяют разложить их на отдельные звёзды (обсерватория Маунт Вильсон, Эдвин Хаббл, сейчас – Бааде), они обнаруживаются в качестве галактических систем, подобных нашему Млечному Пути, на огромных расстояниях, среди которых туманность Андромеды, отстоящая от нас на 680000 световых лет, является ближайшей. Поскольку среди облаков нашлись стандартные объекты, на основании интенсивности их излучения были рассчитаны расстояния – они составляют около 500 миллионов световых лет. Разрешающей способности наших средств не хватает, чтобы ясно установить облака как таковые. Внутри этого гигантского пространства они кажутся распределёнными достаточно равномерно. На основании гравитационных расчётов оценивается масса облаков, результат в том, что они соответствуют нашей системе Млечного Пути. Их насчитывается около миллиарда, и каждое – с миллиардом солнц. Но – как бы внушительно это

ни было – еще более поражает открытие, что эта гигантская совокупная система не статична, не покоится, но изменяется в рамках превосходящей всякие силы человеческого представления динамики, которая интерпретируется как расширение вселенной. Это вытекает из данных спектроскопии. Я не буду называть числа этого предполагаемого разбегания, уже приведено слишком много непредставимых чисел. В интерпретации последнего из упомянутых утверждений ещё не сказано последнее слово. Для точки наших наблюдений мы достигли периферии освещённого пространства – места, где свет через сумерки обнаруживаемых проблем переходит в тьму неизвестного. Ясно, что эта *проблематика тесно связана с проблемой пространства* как такового. Кант учил, что пространство есть форма нашего созерцающего мышления, а некоторые его последователи добавили, что оно *только* таково. После опыта *Майкельсона* и интерпретации *Эйнштейном* результатов этого опыта пространство начинает показывать свои собственные свойства. Демонстрируя свою сущность, пространство открывает своё наличное бытие, оно оказывается совершенно иным, отличным от того, что полагал так называемый здравый смысл, от того, во что нас заставляет верить наше созерцание и привычки. Мы получили, таким образом, двойное переживание. Во-первых, развёртывание нашего освещённого пространства знания, связанного с ростом проблем. Во-вторых, превосходство неизменной, преданной космической действительности над собственным человеческим духом, которому на её фоне не остаётся ничего иного, кроме как *перестраивать и приспособлять собственное мышление. Это и есть подлинный процесс познания.*

5. Физический фундамент

Пусть грандиозный вид сегодняшнего астрофизического горизонта наполняет наши сердца удивлением, трепетом почтения, как некогда наполнял сердце *Иммануила Канта* и столь многих других. Однако в двери нашей фантазии стучится вопрос: не окажется ли для потомков этот наш астрофизический горизонт лишь фрагментом, подобно тому, как сегодня взгляд на мир Аристотеля, Птолемея или более поздних Кеплера и Ньютона представляется нам лишь маленьким отрезком? Ведь знание, полученное в исследовании планет, звёзд и в миллионы раз превосходящих их по размерам галактик, переход от статической картины мира к динамике космоса определяется и задаётся повышением светосилы и разрешающей способности наших телескопов и спектроскопов. Что если средства исследования станут многократно лучше, если будут найдены методы преодоления ограничивающего обзор покрывала космической пыли и на фоне вновь раздвинувшегося горизонта откроются новые сюрпризы? Ведь так всегда и происходило.

И весьма вероятно, что так и будет происходить. Мудрость в этом вопросе заключается в том, чтобы не строить спекулятивных предположений, но, занимаясь поиском, ожидать, пока будущее само себя откроет.

Урок, извлекаемый из обзора астрофизического горизонта, заключается в том, что о пространстве и времени можно узнать гораздо больше, нежели древние могли предполагать. Прошрое столетие отдавало предпочтение кантовской точке зрения, согласно которой речь идёт о формах созерцания нашего собственного духа, часто с добавлением фатального обобщающего «только» – словечка, отвергающего в качестве бессмысленного всякую возможность исследования объективного в-себе-бытия [An-sich-Sein] пространства и времени. Однако мы более не можем ей довольствоваться, поскольку ответы самой природы демонстрируют исследователю объективные сущностные свойства [So-Seinszüge]. Пространство и время начинают обнаруживать себя (в опыте Майкельсона, в исследованиях поля), и не только в гигантских массах астрофизического пространства и космологического времени, но и в более близких нам горизонтах.

Это ближнее окружение потрясает не в меньшей степени, нежели астрофизический горизонт. Оно богато настолько, что даже наиболее значимые моменты нельзя учесть в кратком очерке. Мы вынуждены (как и всегда) выбирать ту или иную часть доступного кругозора. Что нам следует предпочесть? Земную игру сил и материй, обнаруживаемую в геологических структурах поверхности планеты? В ней раскрываются величественные формы выражения земных эпох и напоминание о том, что представление не закончено: покоящаяся земная поверхность – лишь аспект короткого времени нашей жизни, впечатление, полученное за счёт неподходящих масштабов. Многие люди оказываются захвачены и даже потрясены видами Бернского или Валлийского ландшафта, не говоря уже о Каракумах или Гималаях. Схожие впечатления создают и более ровные ландшафты. В этом движении души человек прозревает, что *структура Земли выражает нечто*, что формы *говорят*, что они суть истолковываемые нами шифры, сигналы *судьбы* земной поверхности, лишь кажущиеся статичными провозвестники мощной, ни в коей мере не завершённой динамики. Актёры представления, приводящие в движение моря, поверхности, горы, реки – это *энергии*, действующие на массы вещества и внутри них. Может быть, нам следует сосредоточиться на созерцании материи и энергии с их ставшими гораздо более ясными законами сохранения, на их взаимодействии, на почти демоническом свойстве энтропии, стремлении к хаосу, к выравниванию «вниз» (если этот антропоморфный язык вообще позволителен). Или нам следует

обратить внимание на микрофизику, на строение атомов, которые в качестве систем складываются из материи и энергии. Это строение – неизмеримо тонкое и точно подогнанное – совершенно отлично от представлений древних. С их внешней и наиболее уязвимой оболочкой связано то, что мы называем химией – огромная, имеющая большое значение для земного мира сфера знания и исследований. Являющаяся, однако, по своей упорядоченности разделом физики – тем, который имеет дело с игрой энергий на внешней электронной оболочке атомов. В этой зоне проявляют себя малые ступени энергий, когда, например, атомы сталкиваются друг с другом или принимают и отдают малые заряды энергии. Химия означает огромный и богатый мир – сама жизнь определяется ей. На то, что она составляет лишь малую часть комического горизонта, указывает факт, согласно которому атомы внутри ярких звёзд не имеют таких оболочек. В окружении высоких энергий эти нежные оболочки существовать не могут, и поэтому там нет химии и тем самым нет и никакой жизни в нашем смысле слова. В любом случае нам не известно, есть ли где-то ещё в космосе химия, но известно, что повсюду, где наши спектрографы-телескопы достигают небесных тел, существуют ядра атомов и частично – внутренние оболочки. Было бы, вероятно, разумно уделить внимание строению атомного ядра, которое сегодня приковывает к себе интерес физиков всего мира. Эти ядра в своей пространственной протяжённости являют, так сказать, противоположность астрофизическим величинам: здесь речь идёт не о миллионах световых лет, но о триллионных долях миллиметра. И тем не менее они суть тонко упорядоченные и невероятно прочно соединённые образования нейтронов и протонов на одном энергетическом уровне – в одной квантизации, как говорят физики. Практически вся материя в космосе построена, насколько нам на настоящий момент известно, из ядер или частично из ядер и оболочек. Однако протоны и нейтроны, которые мы примитивно называем частицами или нуклонами (в качестве элементов строения ядра), – это вещи совершенно иного рода, нежели всё, к чему мы привыкли, и их энергетическое соединение в атоме таково, что его нельзя истолковать ничем нам знакомым, даже математике пока не удалось найти подход. Не должно удивлять, что у нас здесь нет языка, что мы лепечем, как дети, выражающие знакомое им громкими криками. Не изумляет и то, что математика оказывается недостаточной, чтобы отразить в своих логических сетях взаимосвязи известных фактов соединений нуклонов. До открытия Лейбницем и Ньютоном дифференциального исчисления она ведь не могла отражать и динамику, которая является сквозной сущностной чертой всего космического. Показательно, что мы о каждом атоме точно знаем, сколько протонов и нейтронов

он содержит, частично знаем и буквально ежедневно узнаём всё лучше энергетические уровни квантового строения ядра, однако о природе самих этих нуклонов и их энергетических соединений в силу ненаблюдаемости, отсутствия понятий, языка можем лишь «лепетать», то есть намечать далёкие аналогии с известным. Это связано с мощнейшим вмешательством в наше познание сингулярного, дискретного, неустановившегося, квантового, обусловленным великим открытием Планка.

Вопрос о «континууме» и об «атомарно разделённом» занимал ещё досократиков и сократиков. Являются ли пространство, время, вещество, энергия сплошными? Или же они составлены из элементарных компонентов? Демокрит утверждал, что вещественный мир построен из мельчайших компонентов и что существуют разделяющие пустоты ($\chi\epsilon\nu\nu\nu$).

Аристотель отрицал пустоту, поскольку она означала небытие. Невооружённому глазу обычные твёрдые и жидкие тела представляются сплошным наполнением пространства, и даже воздух некогда считался континуальным. Физики сегодня обрели ясность насчёт, так сказать, ядерной, дискретной структуры вещественного мира, точно измеряют молекулы и их расстояния, им известно построение каждого электрического заряда из сингулярностей, электронов. «Пустота» есть отсутствие *вещественной* массы между пространствами, она ни в коем случае не обозначает ничто. Если даже вдыхаемый воздух настолько дискретен, что расстояния между его молекулами тысячекратно превышают диаметры самих молекул, то вещественная «пустота» космоса (как мы наглядно убедились в модели Джинса) несравнимо больше. Однако отсутствие вещества не есть отсутствие всего остального. Пространства пронизаны энергетическими полями, из понятий «пространство» и «поле» (энергонесущее поле, силовое поле) второе всё более и более определяет объект, всё более и более вбирает в себя первое. Крайне трудно представить себе континуум и сингулярность, всякая попытка такого рода, осуществляемая просто в мышлении, оказывается подлинной апорией. Сингулярность, частица, «ядрышко» (электричества или чего угодно) требует от нашего представления определённых границ, вынуждает к понятиям, подобным «прикосновению» или «промежутку». Иначе и быть не может, поскольку мы оперируем картиной и языком из мира привычного опыта, образами песчинок, частиц пыли, для которых мы устанавливаем пространственную границу между «где они есть» и «где их уже нет». Однако точная проверка мельчайших частиц учит нас иному. Они демонстрируют «комплементарность», насколько нам известно, и являются одновременно материальными волнами без собственной границы – с переходом к всё «меньшему присутствию», которое можно обозначить вероятностным распре-

делением. Понятие прикосновения оказывается неадекватным. В обычной физике вещества силы адгезии Ван дер Ваальса заметны на расстоянии стотысячной доли сантиметра – когда, например, штрих из мела прилипает к дереву доски для письма. Между нуклонами действуют силы удержания неизвестного рода, однако в миллионы раз большей силы на расстояниях в миллиардную долю миллиметра.

К вопросу о «комплементарности» следует добавить еще одно замечание. Электромагнитные волны, такие как световое, ультрафиолетовое, рентгеновское, гамма-излучение, в их сингулярности в качестве *фотонов* демонстрируют в соответствующих экспериментальных установках фундаментальные свойства материи, то есть обладают, наряду с «делимостью» (сингулярностью, дискретностью), тяжелой и инертной массой. Однако есть такие эксперименты, где «частицы» (электроны, протоны, нейтроны) отчетливо демонстрируют феномен колебания (дифракции, интерференции). Электромагнитные волны *проявляют* двойной характер. Следует особенно отметить, что в зависимости от вопроса, решаемого в эксперименте, лишь один из этих характеров *проявляется* отчетливо, второй исчезает. Это можно вполне ясно выразить, например, с помощью принципа неопределенности Гейзенберга (простого сравнения). После Нильса Бора говорят о «комплементарности» явлений. Этому положению дел было придано широкое значение за счёт общих рассуждений спекулятивного и эпистемологического характера. Сколь часто искали проявления аналогий в других областях и даже верили, что нашли их.

Следует подумать о том, что мы, сталкиваясь, как здесь, с новым, более глубоким слоем бытия, должны отдавать себе отчет в необходимой недостаточности всех наших усилий выразить его словами, чертежами или текстами, как и в том, что в прошлом мы уже стояли перед подобными, если не теми же самыми трудностями, которые были решены *«как-то ещё»*. Чтобы привести пример, напомним, что «эфир» в качестве носителя электромагнитных колебаний, начиная с Томаса Юнга, Франсуа Араго, Огюстена Френеля, то есть где-то с 1800 года, и вплоть до Х.А. Лоренца, В.К. Рентгена и Альберта Эйнштейна, то есть до примерно 1925 года, составлял неисчерпаемую тему исследований и дискуссий, в которую многие великие математики и физики этого периода (такие как Пуассон, Навье, Коши, Грин, Франц Нейман, Стокс, лорд Рэлей, МакКаллах, лорд Кельвин и многие другие) вложили немалое количество усилий. И здесь представления и модели из других, представлявшихся более изученными областей физики привлекались таким образом, что они многократно друг друга дополняли. Эфир как тончайшая газоподобная материя, протекающая сквозь планеты без сопротивления,

эфир как твердое тело большой жесткости, которой оно должно обладать, поскольку несёт в себе очень быстрые колебания света как поперечные волны. Опыты Стокса, Грина, МакКаллаха (эфир обладает лишь упругостью при кручении), Коши (негативная объёмная упругость), сэра Уильяма Томсона (пенноподобный эфир) и других демонстрируют черты дополнительности, то есть стремятся объединить многие модели таким образом, чтобы доступные наблюдению признаки, «*Observabeln*», могли быть наглядно интерпретированы. Здесь не место проследивать историю противопоставлений этих различных картин. Они десятилетиями составляли средоточие проблем теоретической физики, так что ещё Рентген видел в своих только что открытых лучах продольные колебания эфира, которые подразумевались теорией упругого эфира, но нигде не обнаруживались. Вопрос о том, покоится ли эфир или же он подвижен, также дал повод к взаимодополняющим интерпретациям. Однако решение, сформулированное на основе опыта Майкельсона и интерпретации Эйнштейна, было совершенно другим. Оно пришло *«как-то ещё»* и звучит так: *не существует никакого* лишённого сопротивления и никакого твёрдо-упругого материального эфира, который несёт волны. Известно, какое сопротивление с позиций устоявшихся представлений встретила новая интерпретация. Распространение волн не имеет ничего общего с упругостью. Модель рухнула, результат колоссальных усилий – руины. Тома публикаций и диссертаций исчезли. Природа ответила иначе, нежели ожидалось. Мы не можем не обращать сегодня на это внимания: нуклоны «*суть*» ни частицы, ни волны. Комплементарность возникает при привлечении различных моделей из уже «известного» физического мира, как некогда и в случае эфира кажущиеся противоречия должны были быть объяснены привлечением различных моделей вещественной физики. И тогда следствия одного представления исключали другое. Нуклоны *суть* нечто *sui generis*, такое, с чем мы ещё недостаточно знакомы, и не остаётся другого пути для приближения от известного к новому, кроме модельного приближения, то есть аналогий. Но возможно, что предмет, как и в случае с эфиром, однажды будет выглядеть совершенно иначе (и уже, наверное, можно почувствовать, как именно), что корпускулярная модель и волновая модель уступят место более глубокой, всеобщей квантовой модели. Это причина, по которой следует, возможно, с некоторой осторожностью относиться к возвышению представлений о комплементарности до всеобщего принципа, к генерализации предметно сформулированной Бором двойной модели.

Наиболее значимое по своим последствиям открытие физики последних пятидесяти лет заключается в том, что *и энергия проявляет себя дискретно*, а именно потенциальная энергия атомов и молекул,

и электромагнитная излучающая энергия. Наше текущее понимание вещественного мира и энергии, современные исследования, волновая механика, квантовая механика, ядерная физика, целостное исследование оснований неорганической и органической химии строятся на открытии Планка – и это то, чем мы будем заняты далее: *в энергетической квантовой структуре нам открывается дверь*, позволяющая от физики перейти к частичному пониманию процессов жизни.

6. Этажи жизни. Биофизика

Космос содержит в себе и это. Рассматривая астрофизический горизонт и столь же бегло очерченные области физики, мы имели дело с зонами неживой или, другими словами, неорганической природы. Но обзор демонстрирует и области другого рода, отмеченные невероятным разнообразием форм. Они выглядят иначе, создавая у наблюдателя ощущение, что он имеет дело с чем-то «совершенно иным». Это иное мы называем «жизнью», это имя нам привычно, и мы знаем, что имеем в виду. Или мы всё-таки этого не знаем? Названное, привычное и здесь очень далеко от того, чтобы быть хотя бы осознанным. Насколько много мы знаем о жизни, мы, которые сами живём? Что есть жизнь, мы не знаем, хотя бы в том смысле, что не можем однозначно отделить её от неживого и от того, что называется духом. Наш разум схватывает эту сферу космоса, однако нашего рассудка недостаточно, чтобы её интерпретировать.

Эта зона жизни покоится на физике, как строение – на фундаменте. Физика, неживая часть космоса, несёт на себе всё живущее. То есть среди живого не происходит ничего, что было бы невозможно в физическом смысле. Все события жизни происходят, насколько простирается весь наш опыт познания, при соблюдении физических законов, таких как законы сохранения и энтропии. Имевшиеся ранее сомнения более не звучат. Но в той же мере, в какой строение не *исчерпывается* фундаментом, является большим и иным, нежели фундамент как таковой, жизнь вырывается из физики, содержит в себе добавления, не растворяется в ней. Прошедший материалистический век надеялся целиком редуцировать жизнь к физике, даже к её разделу, механике. Это не удалось. Сегодня некоторые исследователи, воодушевлённые открытиями новой физики, вновь выражают надежду на физическое решение проблемы жизни, однако относительно подобных антиципаций следует сохранять спокойную позицию сдержанного ожидания, каковая сама по себе есть хороший результат естественнонаучного познания. Решения великих проблем слишком часто оказывались совершенно иными, нежели посылки, предсказываемые нетерпеливым, спекулятивным, генерализующим человеческим духом. Справедливо

утверждение о том, что современная физика открывает в некоторой мере доступ к пониманию органического мира, что с позиций квантовой физики мы прозреваем «жизнь» глубже. Однако одновременно с увеличением области физической интерпретируемости биофизика вскрыла слои, где всё отличается, где тождества и подобия нет.

Согласно нашему опыту, всякое явление жизни связано с комплексными системами. Это означает, что изначальный строительный элемент, атом или обычная химическая молекула, не демонстрирует *никакого* явления жизни. Новое может проявить себя, когда формируются сверхбольшие молекулы углеродной химии (возможно, и кремниевой химии), состоящие из тысяч атомов. Оно не проявляет себя или делает это едва заметно, когда эти комплексные системы атомов (углеводы, аминокислоты) даны экспериментально, “in vitro”. Хотя и это связь с живым. Отчётливее явления этого нового проявляются в определённых больших соединениях молекул, телах вируса, бактериофагах, локализованных вещественных носителях наследственности в хромосомах, называемых генами, и совершенно отчётливо – в том, что называют клеткой. Кажется, здесь, где-то между молекулой и клеткой, «оно начинается». Следует, конечно, пользоваться более точным языком: *оно начинает становиться нам заметным*. Что это за новое, что становится заметным? Выделяются многие признаки (часто среди основных признаков живого называют самосохранение, размножение, стремление к сохранению вида. Здесь же рассматривается динамическая саморегенерация во взаимодействии со средой, с окружением. Этот признак может быть выявлен и исследован с большой точностью), однако остановимся на одном, а именно на способности «живых» комплексных систем к саморегенерации за счёт «обмена веществ» и «энергетического обмена». Эти системы забирают из своего окружения, в более общем плане – из своей «среды», вещества и энергии, и отдают их, так что сквозь них течёт поток энергии и вещества. Эти потоки пронизывают живые системы, вещества перегруппируются; энергия в квантах, в виде распределения по уровням, увеличивается или уменьшается. Потоки ассимилируются и затем вновь диссимилируются живыми комплексными системами согласно определённым правилам и при определённых условиях (например, при нормальной, низкой для подобных реакций температуре). Эти превращения вещества и энергии осуществляются в связи с вовлечённостью живого в колоссальное разнообразие различных реакций. Каждая отдельная реакция физически возможна. Однако экспериментально, in vitro, можно воспроизвести лишь ту или иную реакцию, но не делящийся многообразный поток реакций вещества и энергии. Живое само воссоздаёт себя посредством этого потока, демонстрирует

в нём не статичное, но выдающееся динамическое поведение; его жизненное состояние раскрывается таким образом, как динамическое равновесие многих взаимосвязанных, то есть *действующих* друг на друга процессов, которое самостоятельно себя поддерживает и «продолжается» до тех пор, пока длится «жизненное состояние». Воссоздаваемые биохимики *in vitro* вещественные и энергетические реакции завершаются, приходят к *конечному состоянию*. Если такое происходит с клеткой, то мы говорим, она более не является живой.

Биохимия активно исследует простейшие из этих реакций в потоках вещественного и энергетического обмена и уже смогла объяснить некоторые отдельные реакции. Процесс исследования весьма и весьма сложен. Сложности и скромность успехов говорят о том, что мы пока ещё очень далеки от того, чтобы *in vitro* получить то, что наличествует в жизни с избытком и в значительной степени регулирует себя само. То, что происходит само собой *in vivo* в потоке обмена энергиями и веществом, лучше всего можно обозначить как органический процесс (Г.Дж. Джордан), как координацию (Д.Б.С. Холдейн). Это явно не самые точные способы определения своеобразия искомого, того, что выходит за пределы физики, того, чего мы не знаем.

То есть нечто мы всё же знаем. Экспериментальная биохимия пыталась с определённым успехом проникнуть в этот поток многообразных согласованных реакций, в том числе за счёт систематического нарушения протекания реакций, позволяющего выявить роль отдельных компонентов процесса. Известно, что энзимы играют некоторую роль, что они строятся и перестраиваются в этом потоке, осуществляют различную каталитическую работу. Среди них известны простые протеиновые ферменты, далее, так называемые энзим-протеиды (Р. Вильштеттер), состоящие из коферментов и протеинов-носителей, и наиболее сложные, состоящие из первых двух комплексные энзимы. Каждый из этих видов управляет определённой реакцией, а в целом их эффект объединяется зоной действия (С. Эдльбахер), им удаётся действовать поливалентно, контролируя и поддерживая ритмический рисунок процессов сборки и разборки. Рано умерший базельский [Basler] биохимик Эдльбахер формулировал это следующим образом: «В последовательность реакций, задуманную в круговой форме, в которой отдельные уровни вновь и вновь воспроизводятся, постоянно добавляются с помощью как будто бы лопастного колеса молекулы вещества, чтобы в других местах цикла получить их обратно в виде конечного продукта или используемого в дальнейшей переработке метаболита» (Sw.med. W.74. 1944). *Это может живая система*; экспериментатор в состоянии воссоздать лишь отдельные элементы; а именно, самоорганизацию, самоуправление, самокоординацию мы не можем воспроиз-

вести средствами физики, включая в неё химию.

Описанная таким, пока ещё очень грубым способом живая динамическая система способна достигать удивительных результатов. При серьёзных спортивных нагрузках, в горном подъёме или, например, при зависании насекомого в полёте из живой системы за короткое время извлекаются большие запасы кинетической энергии. Они находятся в распоряжении системы в форме потенциальной химической энергии, то есть как запас молекул, конфигурация электронных оболочек которых демонстрирует высокую потенциальную энергию, высокие уровни квантовой энергии. Она отдаётся – в химическом смысле это означает процесс диссимиляции, окисления на многих уровнях, химическую реакцию, в которой энергия высвобождается в качестве не теплоты, но кинетической энергии. (Предлагалось такие высвобождающие энергию процессы называть экзорготическими, чтобы отличать их от экзотермических, тепловыделяющих процессов. Г.М. Калькар, *Biol. Rev. of the Cambridge Philos. Soc.* 1942.) Эти молекулы с высоким запасом потенциальной энергии в форме энергетической квантовой структуры, своего рода биологические аккумуляторы энергии, должны вновь и вновь образовываться в биологическом потоке вещества и энергии, аккумулятор должен вновь «заряжаться». Это обеспечивают «зоны действия», и они делают это – что просто удивительно – так, что энергия в большей своей части не превращается в теплоту и не рассеивается, не становится жертвой энтропии, но превращается в полезную кинетическую энергию. Экспериментально, при таких условиях среды со столь низкими температурами, нечто подобное нам практически не удаётся, но «в жизни» это обычное явление, порядок в его *полноте*.

Этот процесс связан с квантованием энергии. Атомы, молекулы, супермолекулы – энергетически квантованные системы, и большие комплексные биологические системы содержат существенные запасы квантованной энергии. Мы подойдём ближе к предмету обсуждения, если скажем, что тайна этих (и других) процессов жизни связана с тем, что в физико-химическом потоке, в «жизненной фазе» его протекания, когда оно соединяется с биологической структурой, строятся и перестраиваются квантовые системы, в больших масштабах и при низких температурах, то есть при относительно низкой энергии среды.

Квантовые структуры и энтропия являются в определённом смысле противниками. Понимать это чрезвычайно важно. Следует уделить этому вопросу внимание.

Загадочная группа явлений, обозначаемая как теплота и исследуемая в течение столетий, раскрылась как нечто идентичное движению элементов вещества, преимущественно молекул. Любая физическая система – тело, камень, газ в бутылке –

содержит тепловую энергию (измеряемую в калориях). Это означает, что молекулы системы находятся в движении, покой тела – макрофизическое явление. Каждая подвижная молекула обладает энергией движения, кинетической энергией, а сумма всех кинетических энергий всех молекул есть то, что люди тысячелетиями называли теплотой, до того, как они узнали, что это такое. Вид движения молекул различается в зависимости от агрегатных состояний. В кристаллоидных соединениях твёрдого тела они могут лишь колебаться относительно своего положения равновесия; физики говорят, они обладают только колебательными степенями свободы. В жидкостях и газах, напротив, возможно вращение относительно центра тяжести молекулы и перемещение, изменение места в пространстве трёх измерений, и это действительно происходит. Здесь наличествует большее число степеней свободы, нежели в твёрдом теле, кинетическая энергия вращения и кинетическая энергия передвижения объединяются в общую кинетическую энергию, то есть в содержание тепловой энергии тела.

Из этого легко сделать вывод, что тепловая энергия (как и любая форма энергии) может рассматриваться как складывающаяся из двух конститутивных факторов: количественного или ёмкостного (или экстенсивного), то есть из всех образующих систему молекул во всех их степенях свободы, и качественного или интенсивного. Последний определяется скоростью движения молекул. И это нечто более сложное. Потому что во всякий момент времени скорости участвующих молекул очень различаются, они противоположны, меняются, в газах в основном за счёт столкновений друг с другом. Так как при нормальных условиях в одном кубическом сантиметре (в объёме, например, напёрстка) газа движется около 27 триллионов молекул, проследить отдельное событие невозможно. В таких случаях прибегают к вспомогательному средству статистического анализа. В нашем случае это было сделано Максвеллом, Больцманом, Планком и другими. Максвелл показал, что различающиеся скорости молекул группируются по средней скорости, и это распределение по группам обладает ясной статистической закономерностью, выражаемой в кривой, в знаменитом «распределении Максвелла». Квадрат средней скорости соответствует именно тому, что мы называем температурой и измеряем с помощью термометра. Термометр «показывает» то, что соответствует квадрату средней скорости; это качественный или интенсивный фактор тепловой энергии, и одновременно это характерная величина для энергетического уровня среды, уровня энергии окружения, в которой находится биологическая структура.

Статистические величины, такие как температура, позволяют объяснять события, однако они скрывают более тонкие характеристики этих собы-

тий. Данные о температуре легко заставляют нас забыть о том, что за квадратическим средним значением скорости молекул лежат другие отдельные значения. Назовём это значение $\bar{u}$ (произносится как «и – штрих»). В каждый момент времени согласно распределению Максвелла есть молекулы с $1/10 \bar{u}$, другие – с десятикратным или двадцатикратным $\bar{u}$, обладающие тем самым $1/100$ кинетической энергии или же 100- или 400-кратной кинетической энергией. Большие значения внутри распределения Максвелла должны проявлять себя в отдельных событиях физики (и химии).

Закон энтропии в самом простом виде (приближённо) можно понять как *тенденцию увеличения ёмкостного фактора энергии за счёт интенсивного*. В случае тепловой энергии мы имеем: Q (тепловая энергия системы в калориях) = C (ёмкостный фактор, число степеней свободы, составляющих систему молекул), умноженное на T (абсолютная температура). Это, разумеется, упрощение. Правильней было бы говорить не об абсолютном, трудно определяемом содержании теплоты Q , но о притоке или оттоке теплоты относительно системы. Вместо $Q = CT$ следовало бы писать $\Delta Q = C\Delta T$. Здесь, однако, упрощённого варианта достаточно.

Теплота стремится к постоянному «распространению», «рассеиванию». Это не что иное, как расширение наличного в системе запаса энергии на новых партнёров, на соседние молекулы, с тем чтобы включить эти молекулы в систему, то есть увеличить ёмкостный фактор системы. При наличном запасе энергии это может происходить только за счёт температуры. Есть три пути включения новых партнёров в содержащую теплоту систему. Тепловая энергия может передаваться конвекцией (движущееся вещество переносит свои калории, например, Гольфстрим, горячее водоснабжение, тёплый ветер и т.п.), посредством собственно передачи теплоты (вещество остаётся на месте, передаётся лишь движение молекул, через поверхность горячих тел), и наконец, посредством излучения теплоты (солнце). Тяжело закрыть систему, адиабатически (непрозрачно) отграничить её защитной оболочкой так, чтобы она была не в состоянии обмениваться тепловой энергией с окружающей средой. Близкое техническое решение – термос. Если бы существовала адиабатически закрытая система, значение энтропии в ней было бы фиксированным – оно не могло бы увеличиться по той причине, что ёмкостный фактор не мог бы быть расширен, не могли бы быть вовлечены новые партнёры системы.

Не тождественная, но аналогичная тенденция есть в природе, она заключается в переработке потенциальной энергии в кинетическую и через неё – в теплоту при понижающейся температуре. Мы можем взять её в качестве дополнения к анализу энтропии в смысле второго закона энтропии в при-

роде. Ежедневно мы видим, как реки влекут вниз песок и камни, другими словами, как горы тают, как расходуются запасы потенциальной энергии их высокого расположения. Обратного, чтобы камни увлеклись вверх, чтобы, например, вода текла вверх, мы не наблюдаем. Хотя это возможно: так происходило и происходит. Потенциальная энергия может накапливаться благодаря расходованию энергии в других местах. Горы были однажды вознесены вверх, энергия солнечного излучения трансформируется в подъёмной работе водных масс, деревья растут, животные и люди двигаются, сопротивляясь силе притяжения с помощью биологических запасов энергии. Всё это создаёт *запасы* потенциальной энергии. Однако постоянной остаётся тенденция к её рассеиванию, что фактически и происходит, когда отсутствуют барьеры, защищающие, поддерживающие основания: потенциальная энергия через кинетическую превращается в рассеянную тепловую энергию.

Сохранённые в соединениях вещества запасы энергии, например, хранящаяся в комплексных биологических структурах потенциальная энергия, о которой мы выше говорили, всегда «находятся под угрозой», нуждаются в барьерах, защищающих от натиска энтропии, со временем всё равно ему уступают и должны постоянно восполняться, образовываться вновь. И это именно то, что осуществляется в биологическом жизненном потоке вещества и энергии: запасание химической (потенциальной) энергии в сложных соединениях, защита этих соединений посредством квантового построения, предоставление этих запасов в распоряжение не только для теплоты, но и для других, в основном кинетических, но также и электрических трансформаций энергии в процессах диссимиляции (часто в процессах окисления), дальнейшее формирование запасов и защищающего их квантового порядка, – и всё это в необозримом количестве отдельных процессов крайне различного вида, которые соединены между собой, пребывают во взаимодействии, организовано, скоординировано, настраиваемо, в среде энергий низкой температуры, температуры организмов.

Это *один* аспект биологического. Один из многих, пусть и фундаментальный. *Одна* сторона того, в чём биологическое выходит за рамки только физического. Физико-химический эксперимент может раскрыть эту сторону лишь с применением особых средств, в очень грубых чертах, без подробностей, он не способен показать полноту саморегулируемой координации. А *она* является необходимым условием необозримого богатства живого.

Это условие – *квантовая структура* биологических образований. Необходимо рассмотреть её более подробно.

Мы сказали, что тепловая энергия системы есть результат умножения ёмкостного фактора C на ста-

тистическую интенсивную величину температуры. Больцман и Планк сделали крайне смелый, но очень продуктивный шаг. Минимальная мыслимая величина – *одна* ступень свободы молекулы. То есть это молекула, движущаяся только в одну сторону. Она изображает минимальное ёмкостное значение тепловой энергии, и это элементарное значение вводится Планком как k , константа Больцмана. Следовательно, kT , элементарная ёмкость, помноженная на температуру, есть мера или выражение тепловой энергии, которая выпадает молекуле, когда система, которой она принадлежит, имеет температуру T (в соответствии со средним квадратом скорости $\bar{u}^2$).

Выражение kT – характерная величина для тепловой энергии среды. Так как $\bar{u}$ и T могут принимать любые значения (то есть не квантуются), значение kT тоже может быть *любой величины*. Как мы помним, это статистическая величина. Вследствие распределения Максвелла молекулы системы имеют целый спектр значений энергии. Представим себе в такой системе (например, в воздушном пространстве с температурой 37 градусов Цельсия) отдельную биологическую единицу, скажем, гигантскую белковую молекулу, виртуозное построение из субмолекул, преимущественно аминокислот, каждая из которых, в свою очередь, состоит из многих атомов. Она удерживается силами валентности, которые химики обозначают штрихами в формуле структуры. Но собственный, лежащий в основе сил порядок, – квантовая структура. Каждый элемент большой молекулы соотносится с соседним в соответствии с квантированным значением энергии. Из опыта с силами мы в *эпистемологическом* смысле делаем вывод об энергиях. В *бытийном* же смысле сначала существуют энергии, а соотношения энергий выражают себя в силах. Смешение порядка познания и порядка бытия встречается часто, особенно в позитивистской и подчёркнуто эпистемологической философской литературе. В познании мы сначала имеем дело с телами, из их поведения делаем вывод о силах, от сил переходим к энергиям. В порядке бытия первичны энергии, они выражают себя в силах, формируют и преобразуют тела. В порядке познания первичен индивид (определённое растение, определённое животное), род выводится из него. Однако в порядке бытия некоторый определённый индивид не первичен: ему предшествуют образующие «принципы».

Квантированная энергетическая структура подразумевает, что все значения энергии такой системы являются *не произвольными*, как значения kT , но производными от элементарного значения, которое обычно выражается квантом действия Планка h . Чтобы не усложнять этот момент, запишем форму квантированных уровней энергии как $h\nu$, где ν – целое число. Таким образом, значение энергии среды может быть любым, например $kT =$

к, умноженное на 37,153 градуса Цельсия, но энергетические уровни, существующие между элементами биологической системы, могут быть лишь целочисленными производными, то есть не могут выглядеть как h , умноженное на дробь.

Используем грубый, но тем не менее крайне наглядный пример. Биологическая система находится в ситуации молекулярной атаки со стороны среды, среду мы приняли как наполненное газом пространство. Молекулы кислорода, азота или других газов сталкиваются с ней со всех сторон соразмерно их кинетическим энергиям, которые в среднем соответствуют значению kT . Что будет происходить с биологической системой, с нашей большой белковой молекулой? Она будет перестроена, разделена, разрушена? *Падёт ли запасённая в ней потенциальная энергия жертвой прибою энтропии, будет ли рассеяна в виде теплоты?*

Это будет зависеть от того, достаточно ли прочны v -уровни квантовой структуры, чтобы противостоять ударам kT -среды. Энергетическая квантовая структура, уровни энергии обозначают (в своих исходных состояниях) определённого рода устойчивость, являются своего рода защитными стенами: их необходимо преодолеть, чтобы проникнуть в эту структуру, изменить её некоторым существенным образом, возможно, уничтожить. Перспектива преодоления квантовой стены посредством ударов со стороны среды заключается в наличии в распределении Максвелла малого процента энергетически насыщенного движения молекул. Всегда есть такие молекулы, которые несут энергии существенно больше среднего значения kT : сталкиваясь с биологической квантовой системой, они могут в неё проникать.

Другими словами, квантовая структура даёт биологическому построению определённую степень адиабатичности, непроницаемости для атак среды. Если энергия среды, T , температура в выражении kT увеличивается слишком сильно, то и удары становятся слишком частными; биологические макромолекулы восприимчивы к температуре. Квантовая стена оказывается пробитой, энтропия побеждает. По этой причине в математическом отображении появляется соотношение $h\nu/kT$ (обычно в экспоненциальной форме). Преобладание $h\nu$ над средой kT означает устойчивость сопротивления, длительность. Пример Дельбрюка позволит продемонстрировать это нагляднее.

Если, например, $h\nu$ в 30 раз больше kT , то есть $h\nu/kT \sim 30$, то статический расчёт «ожидаемого значения» даёт 1/10 секунды на прорыв (за счёт энергетически насыщенных ударов распределения Максвелла) квантовой стены. Если $h\nu$ в 50 раз больше kT , то среднее время, значение времени ожидания для этого события, увеличивается до более чем года, чтобы при дальнейшем увеличении соотношения $h\nu/kT$ стремительно вырасти до столетий и

тысячелетий. Известно об удивительной устойчивости некоторых хромомеров, демонстрируемой в сохранении наследственных признаков в течение столетий. Это случаи, когда $h\nu$, вероятно, в 40 раз превышает kT .

Однако стена не должна препятствовать тому, чтобы биологическая единица вступала во взаимодействие со средой. Полная адиабатичность недопустима, необходим долгосрочный обмен со средой. Такого рода *управляемый* обмен со средой характеризует жизнь биологической единицы в её окружении, он полностью противоположен низкоуровневому «прибою энтропии» и обеспечивается упомянутыми органическими ферментами, которые и сами являются квантовыми построениями. *Таким образом, возможность сохранения «жизни» обеспечивается сохранением квантового характера.* Разумеется, это не более чем один из аспектов.

Мы пришли к следующему результату: поступающая из окружения, материя и энергия проходят через биологические системы и находятся в них в качестве субстрата в управляемом поле действия координации, упорядоченности с ритмическими свойствами и непрекращающимся многообразием и полнотой отдельных событий. Характерным для этого поля действия жизни является ассимилирующее устройство энергетических квантовых образований с высокой и, вероятно, распределённой по уровням потенциальной энергией; квантовые взаимоотношения (в их исходных состояниях, то есть пока в них не проникает энергия, поднимая их в состояния возбуждения) обеспечивают квантовым построениям определённую ограниченную устойчивость относительно напора энергии из среды, относительно «прибою энтропии», то есть определённую адиабатичность. Это квантированные барьеры потенциальной энергии, которые не могут быть просто так преодолены кинетическими энергиями отдельных ударов. При координации, регулировании, ритмизации многообразных, взаимообусловленных процессов большую роль играют органические катализаторы, ферменты различных видов. Эти – квантованные – тела сами строятся, изменяются и разбираются из субстрата протекающего потока. Их действие специфично. Они в состоянии строить и разрушать определённые барьеры потенциальной энергии. С их вещественным образованием, преобразованием и разрушением соединена способность квантового обмена энергией, за счёт которого они действуют активно и пассивно. Все эти события разыгрываются в среде низких энергий температур жизни. Каждый отдельный процесс возможен в рамках законов энергии и энтропии. *Полнота и упорядоченность этого событийного процесса* относятся к тайне жизни. Колоссальное пространство возможностей объяснимо за счёт гигантского числа возможных квантовых уровней. Обычный полосатый и линейчатый спектры демонстриру-

ют впечатляющую картину того, какое множество уровней (в этом случае включая и возбуждённые) обеспечивает квантирование.

Тем самым биолог как естествоиспытатель, исследуя это фундаментальное свойство зоны живого, встаёт перед многократно обсуждавшимся вопросом о финализме, о целесообразности и возможном целевом действии в биологической сфере – проблеме, которая встала в самом начале и никогда не давала покоя, подобно тому, как физическая каузальность никогда не давала покоя физике. Кантовское решение, объясняющее каузальность в качестве формы нашего собственного духа, создающей для науки априори, и тем самым исключающее её из предметов науки, не удовлетворяет. Ведь мыслящий исследователь видит, с какой силой ему противостоят объективные факты однозначных, детерминированных отдельных действий, формируют, определяют его дух и при этом содержат в себе массу неожиданностей, как, например, принадлежащее Новому времени знание о возможной (только возможной) некаузальной, схватываемой статистическим распределением вероятностей действительности.

Можно стремиться избегать слова «финализм», имея в виду чрезмерную поспешность его употребления в прошлом. Однако оспорить целесообразность строения и функции как фундаментального свойства в биологически данном фактическом материале весьма сложно. Ею нельзя и пренебречь, ведь каждый биолог использует её в исследовании как руководящую нить. Подчёркивание особенностей и (справедливое) предпочтение рассуждать о *соотнесённости с целым*, о морфологическом и функциональном единстве, не изменяет сути дела.

Так, например, результат исследования развития заключается в том, что эмбриональное развитие является не аддитивным процессом, не означает вторичного включения в формирующееся целое, но действием неизвестного *первичного принципа*, с самого начала управляющего морфологическим и функциональным приведением частей к целому. Справедливо говорят о соотнесённости с целым и прикладывают усилия к её исследованию. В ней, однако, содержится проблема финализма.

Вопрос формулируется в рамках известных фактов: вкладывает ли человек финализм в структуры и события, то есть является ли финализм формой нашего духа, априори, как утверждал и в этом случае Кант? Или он имманентен трансцендентной, объективной действительности? И если да, то *как* она устроена? Это вопрос об устройстве нашего духа, о стремлении к цели, о чём-то управляющем, предвидящем, как это прослеживается, например, у Дриша? Об аристотелевской *энтелехии*? О сознании или же о существовании многих слоёв сознания, не знающих друг о друге? Или речь идёт об активном управляющем духе творца, пронизы-

вающим всё? Аналогично ли финальное задачесообразному действию машины, вложенному в неё конструктором, человеком? Подобно тому, как сама машина есть сугубо каузально действующее образование, полностью сформированное ожидаемой целью, без какого-либо сознания этой цели, действующая, «функционирующая» точно в соответствии с задачей. Или же существуют сегодня ещё не доступные нам промежуточные ступени между зафиксированной неизменной задачесообразностью машины и осознаваемой целесообразностью человеческого действия? Может быть, речь идёт об исследовательской посылке, исключающей финализм из сферы науки, возможно, с тем обоснованием, что всякая проблема биологии, пусть даже понятая телеологически, имеет каузальное решение? На самом деле, если у живого организма есть хватательные органы, сосуды или что угодно, что выполняет задачу, то я могу увидеть, для чего они служат; но чтобы их исследовать, *я должен задать вопрос о том, как они действуют, как их строение обеспечивает их функционирование*, – исследование сводится к индуктивному методу. На это настойчиво указывает Макс Гартман. Насколько бы часто ни артикулировалась идея растворения финализма в каузальности (в последние годы это настойчиво повторяется в дискуссиях с Дришем и его школой), факты задачесообразности, исполняющих задачу функций, организации и координации к целому в качестве фундаментальных свойств жизни *имеют место*. Даже если интерпретация Дриша слишком смела, как это часто случается в пионерских исследованиях (например, в его утверждении о том, что определение становящегося не может быть дано в морфологической и пространственной форме), финализм продолжает иметь место как факт и как проблема, особенно в свете хорошо описанных чудес с хромосомами. Компоненты обозначаемых в качестве генов хромомеров подразумевают не только план построения, но и управление построением индивида, они *структурно локализованы*. Следовательно, возникает вопрос о том, как из морфологического (не важно, уже открытого или ещё скрытого) возникает *формообразование* [Gestaltung]? А за ним скрывается ещё один вопрос: каким образом плазма *сформирована* так, что она сама может осуществлять *формообразование*? Это и есть вопрос о финализме. Ошибкой вывода является заключение о том, что из факта пространственно определяющей, так сказать, управляющей организации [Gestaltung] следует отсутствие надстоящего начала, отсутствие «энтелехии». Вывод такого рода содержит в себе крайне сложное *метафизическое* утверждение о том, что морфология плазмы автономна, первична, лишена происхождения. В ботанике, где рано начался спор о законности концепции финализма, следует упомянуть имена Швенденера, Вестермейера, Уршпрунга. Они защищали эту кон-

цепцию ещё в те времена, когда это требовало изрядного мужества. Сегодня совершенно ясно, что концепция финализма обоснована. А. Уршпрунгом и его школой (и особенно Г. Блумом) в течение продолжавшихся четыре десятилетия исследований проблемы сокодвигания (поднятие сока в больших деревьях на высоту более 30 метров) было доказано, что действующие силы всасывания и давления (способные принимать существенные, превышающие любые ожидания значения) – это физические силы, и как таковые они действуют каузально, однако приводятся в действие они «биологически». Другими словами, при сугубо физических условиях, без биосреды, в действие они не приводятся. Таинство биологии в том, что эти силы используются для сохранения и развёртывания жизни, то есть в рамках конкретных задач, регулярно вступая в действие только при «биологических» условиях.

Текущее положение дел не даёт подлинно *естественнонаучного* решения о бесспорном наличии финалистского порядка. Оно оставляет место для опережающих своё время вспомогательных представлений, *легитимных* рабочих гипотез, являющихся ничем иным, как исходными посылками для вопрошания природы – для индуктивного метода. Исследователь должен ограничивать себя, иметь терпение, уметь ждать. Включая в рассмотрение те или иные многообещающие возможности в качестве гипотез, он должен в первую очередь задать очевидные вопросы природе и в её ответах увидеть направление следующих шагов. Квантовая биология, молодая и уже разросшаяся ветвь биофизики, является подобным направлением, позволяющим добиться более глубокого понимания жизни в её взаимосвязи с физическими законами. Распространение квантового представления о дискретном воздействии, сформулированного в 1921 году в исследованиях процессов воздействия рентгеновского, гамма, ультрафиолетового излучения на живую ткань и получившего название «попадания» [«Treffer»], позволило добиться заметных успехов в генетике, понимании биокатализаторов и биологических молекул.

В нашем обзоре зоны жизни рассматриваются в сущности лишь некоторые черты, присущие всякой жизни. Мы не можем уделить время каждому отдельному элементу этого невероятного разнообразия, простирающегося от отдельной клетки до самого большого из млекопитающих, кита, от мельчайшего грибка до секвойи. Постоянным в этом разнообразии остаётся характер квантовых построений в потоке вещества и энергии, который – при всей его необозримой множественности – регулирует себя самостоятельно в упорядоченном взаимодействии, черпая из среды и возвращая ей, будучи в своей связности управляемым посредством *principium ineffabile*. Этому невыразимому принципу дали множество имён, потому что он не изве-

стен; мы и сейчас очень далеки от его понимания. Вне всякого сомнения, в капельке белковой плазмы после оплодотворения заложено скрытым образом всё последующее, так что целое есть и управляет до каких-либо частей. Многое в зоне жизни поражает, даже в мелочах. Более десяти миллиардов нервных клеток содержит всякий человеческий мозг, руководящий орган. И кроме *факта* взаимодействия, разыгрывающегося между сигналами внешнего мира и рефлексами и реакциями, между исходящими от органов возбуждениями и отдаваемыми периферии распоряжениями, в круговороте, в обмене веществом, в том числе и в процессах мышления, чувствования, стремления, воспоминания, представления, научения, забывания, мы не знаем о соединении биологического и психического, о том, как оно осуществляется, решительно ничего. Но мы не отказываемся, мы исследуем. Мы уже не произносим легковесное *ignoramus et ignorabimus*, подобно Дюбуа Реймону, не философствуем, умозрительно предвосхищая способы разрешения поставленных проблем: мы действуем, присоединяя одно к другому. Нам давно уже известно, что каждое решение вызывает к жизни новые вопросы, более глубокие и более общие. Нас это больше не пугает. Но не пугало ли нас нечто другое при взгляде на биосферу? Мы видели это прежде, однако отводили взгляд. Тут работает старая человеческая привычка отворачиваться от *ужасного*. Однако оно никуда не исчезает.

Пугающее и враждебное в зоне жизни угрожает человеку; человечество сегодня способно с ним бороться – с вирусами, бактериями, паразитами, глистами, клещами, насекомыми, с мириадами смертоносных микроорганизмов, отражать их нападения, с чумой, малярией, дизентерией, холерой, дифтерией, полиомиелитом и со всем остальным, как бы оно ни называлось. Они побеждены или будут побеждены. Но поколениями люди умирали от них и всё еще продолжают умирать. А судьба животных? Разве она нас не заботит? Их страдания неопишимо велики и они не в состоянии бороться со своими убийцами подобно человеку. Мы, люди, за счёт этих опасностей получили хороший стимул к действию. Если бы нам ничто не угрожало, разве мы были бы бдительны? Если бы мы не переживали бед, разве были бы мы находчивы? Здесь видна и позитивная сторона подобного зла. Но кто поможет животным?

Не слишком ли многое с начала земного пути определяется смертью? Разве человек и всякое высшее животное живёт не за счёт смерти сотворённых вместе с ним существ? Разве мы и они не оснащены ужасающе целесообразными органами, чтобы обманывать, охотиться, убивать? Мы восхищаемся целесообразностью в организмах, очень часто соединённой с красотой. Однако целесообразность ужасного распространена ничуть не менее; параз-

иты, кровососы, впрыскиватели ядов созданы с не меньшим совершенством, нежели прекраснейшие из цветов и благороднейшие из животных. Кто изобрёл маленькую люминесцирующую лампу, висящую перед пастью рыбины, к которой во тьме глубин подплывают маленькие рыбы, чтобы закончить свои дни в зубах хищника? Это только один пример, а их тысячи! Является ли это животное злым? Злы ли полипы, ядовитые змеи, бактерии? Было бы заблуждением переносить на них подобные ценностные суждения из сферы человеческого. Враждебные нам, выглядящие дьявольскими индивиды мира жизни послушны неумолимому, предстоящему им закону. Послушны ему и мы, когда питаемся трупами растений и животных; животных, которых мы забили, то есть насильственно убили, или же такими, которых мы перехитрили приманкой, то есть обманули, или затравили, изнурили и таким образом превзошли. Этические суждения о «добрых» и «злых» животных – проекции наших человеческих ценностных порядков на объект, этим порядкам не принадлежащий. При этом возникает ещё и подмена понятий: в качестве доброго и прекрасного ценится то, что нам полезно, в качестве злого, коварного, плохого, часто ужасного – то, что нам угрожает. Иными словами, речь идёт об антропоморфном эгоизме. В целом это лишь *один* из случаев общей тенденции, заключающейся в навязывании человеческих ценностных норм, в особенности этических (но и эстетических тоже) чуждым предметным областям. Исследователю следует прилагать усилия, чтобы быть от подобного свободным. В основе поведения действительно лежит подлинный мотив: человеком он часто не осознаётся, однако постоянно живёт в бессознательном как составная часть человеческой созданности, прорываясь иногда с первозданной силой наружу. Поэзия Иосифа Виктора Видмана проникнута им. Он заключается в подлинно трагической схваченности, в том числе и человека, законом земной жизни, законом *жить за счёт смерти*.

Знание о том, что жизнь зависит от смерти других, уже у досократиков – мы говорили о них в первой главе – привело к полаганию о том, что жизнь неразрывно связана с виной. Здесь царит непрозрачная для нас тайна. Все находки свидетельствуют о том, что смертельный закон жизни, жизнь из смерти, многократно старше появления человека на нашей планете.

Лишь человек кажется достаточно оснащённым, чтобы в историческом (то есть коротком) периоде времени эмансипироваться от многих опасностей биосферы. Пусть мы, избранные, каковыми мы и являемся, предпочитаем не обращать внимания на таинство враждебного, угрожающего, нам тем не менее дана возможность облегчить страдания нашим поведением, нашими поступками. Уважение к жизни ближнего, в целом всякого существа, несущего

в себе чудо биосферы; помощь в страданиях в том числе и животным; забота, пощада, а там, где мы должны убивать или приносить страдания – совестливая продуманность, исключение любой ненужной жестокости, всякого удовольствия, – в этом изначальная обязанность человека. Убийство для развлечения, в качестве спорта – это недочеловеческая, варварская низость, пусть она даже скрывается за благородными именами. Размышляя над этими вопросами, мы уже перешагнули границу зоны жизни, в которой этос не обнаруживается, но властвуют законы, требующие упорядочивания, управления из другой, более высокой сферы.

Как бы ни было привлекательно исследование этой космической зоны жизни, мы должны двигаться дальше. Наш взгляд притягивает сфера, которая располагается над зоной жизни некоторым, кажется, скрытым образом, однако она всё более раскрывается в ясных и отчётливых чертах, возвышаясь над жизнью и простираясь в бесконечность.

7. Граница. Зона духа

Биологу в его области исследований встречается не только эта, в целом чуждая физике и в принципе неизученная черта задачесообразного упорядочивания, он сталкивается и с другими чертами. А. Портманн (в докладе 1946 года) обобщил характеристики, свидетельствующие об особенном способе бытия живых систем, в особенности у людей, однако вполне отчётливо и у высших животных, в менее выраженной форме – на нижних ступенях животной и растительной жизни.

В поведении живых существ открывает себя царство субъективности [Innerlichkeit]. Живые существа ведут себя, реагируют, действуют, основываясь на внутреннем своеобразии, на некотором имманентном им богатстве: и чем выше они стоят, тем с большей мерой «свободы», то есть несвязанностью жёсткими типами реакций, самобытностью (для этого само-бытия, само-поддерживания [Selbst-Sein, Sich-Selbst-Tragen] подходит слово «субстанция» в смысле Аристотеля), как это проявляется, например, в играх животных. В игре животное относительно свободно от страстей, демонстрирует индивидуальные черты, в большой степени немеханистично, не так жёстко связано закреплёнными формами инстинкта и влечения. Что управляет им в игре? И что определяет в живом существе формы выражения, часто удивительно прекрасные, как, например, цвета свадебного украшения, принимаемые животными в соответствующее время? И что обозначает впечатляющее многообразие внешних форм органов, при том что формам внутренних органов оно не свойственно? Всё это вполне производит впечатление соотнесённости со средой, социальной связности, не будучи в элементарном смысле непосредственно направленным на функциональное поддержание жизни. Здесь

действует нечто, основания чего нам ещё не ясны, некоторый управляющий «принцип». Это впечатление чрезвычайно усиливается, когда мы переходим к человеку – пока в рамках сознательно себя ограничивающей установки естествоиспытателя, какой, пребывая в своей науке, стремится получить ответ от самой природы и по этой причине не провозглашает ничего, о чём не спросил или пока ещё не получил на свой вопрос ответа от природы. Таким образом, речь идёт о человеке сначала как о биологической сущности, как о системе, закрытой в качестве индивидуальности и открытой в качестве социального существа. Как таковой он демонстрирует признаки, делающие его «*homo sapiens*», возвышающие его своим своеобразием в развитии от зародыша, который детерминирован, структурно не исследован, но содержит в себе потенцию, до носителя высших культурных ценностей. Эти признаки делают человека чем-то особенным, а именно *sapiens*, духовным сознательным существом. Если такой признак должен быть назван, то пусть это будет язык: он происходит из сущности человека, документирует его субъективность, является свидетельством овладения выражением, всегда средством выражения чего-то, средством подлинно неисчерпаемого содержания. Биолог исследует его – прослеживает признаки в их развёртывании с раннего детского возраста. Он обнаруживает многое – целый мир форм, которые нечто выражают; однако чем больше он обнаруживает, тем больше становится тайна. Он стоит перед морфологией мозга, зная, что она значима для функции духа, однако он не обнаруживает структурных взаимосвязей, посредством которых стремится истолковать функции.

И тем не менее всё то, что мы именуем «духом», наличествует. Ни один разумный субъект не сомневается в наличном бытии, в жизненных выражениях духа. Он изменяет картину поверхности Земли, её внешний облик, вещи и положения дел на ней – наш космический странник это наглядно показал. Проблема духа вынуждает исследователя в его специальной области – физика, биолога – выйти за пределы сознательно ограниченного пространства своего предмета, чтобы соприкоснуться с духом.

8. Человек в космосе. Космос в человеке

Этот раздел наших размышлений я начну с анекдота. В кулуарах одного из заседаний Королевского общества было сформулировано предложение к учёным: чтобы расслабиться после дня работы, каждый должен был рассказать шутку из своей области. Один исследователь из Скандинавии сказал следующее: учёные, занимающиеся большой областью знания, не могут знать частности так хорошо, как специалисты, занимающиеся отдельными предметами. Чем больше область, тем менее точным должно становиться знание. Следовательно,

подлинный универсальный учёный – это человек, ничего не знающий обо всём, а настоящий специалист – это тот, кто знает всё ни о чём.

Этот забавный вывод прекрасно иллюстрирует два типа учёных и мыслителей, являющихся *одинаково необходимыми* и зависимыми друг от друга. Тип *специалиста*, осознанно суживающего своё внимание единичными сущностями и строго следящего за тем, чтобы не выходить за границы своей предметной области, и *синоптический* тип, пытающийся обозреть большие области исследований, чтобы на максимально широком основании проникнуть в даль.

Благодаря позитивизму, модному до недавнего времени в естествознании и философии природы, поколения исследователей немного отучились от поспешных спекуляций и обобщений в неподготовленных вопросах. Однако тот же позитивизм склонен, противореча себе, развешивать на пути исследования – слева, справа, а часто и впереди – запрещающие таблички: «этот вопрос лишён смысла» на его языке для исследования означает «идти по этому пути запрещено». Запрещающие таблички идти не мешают. Но они могут предупредить идущего, чтобы он помнил о том, что присуще его области, чтобы ясно видел и мог сообщить, когда он привлекает иные области, попросить при этом совета.

Всякий, кто исследует космос, целостный предметный мир явлений, кто задаёт вопросы о его основаниях, сталкивается с тем, что с незапамятных времён обозначается многозначным словом «дух». Он сталкивается с ним как с чем-то действительным, *действенным*, что не вызывает сомнений, но не локализуется ни в какой предметной области. Это столкновение в каждой дисциплине разное. В физике мир энергий и веществ обнаруживается как *упорядоченный* и познаваемый из его порядка, только из него. Хаос можно констатировать, понять его нельзя. *Порядок, правило, закон*, общезначимость – великие законы природы не обнаруживают ни следа изменчивости – это то, что соразмерно познающему духу, то, что может быть схвачено только в трансцендентном, в объекте. По этой причине познающий человеческий дух в упорядоченном, схватываемом, предлагающем себя познанию чувствует *родственное* себе самому; столетиями он называет его объективным, имманентным миру духом, делающим так, чтобы мир не был хаосом, чтобы он был подчинён нерушимым законам. Мы следуем этой традиции и называем духом именно то, что только и делает природу познаваемой, её порядок. Он пронизывает природу целиком и он один нас интересует. В этой встрече с духовной, то есть упорядоченной и тем самым познаваемой структурой физического мира человек переживает *противопоставленную ему превосходящую силу*. Она раскрывается в двух смыслах. Во-первых, в

её *неисчерпаемости*. Всякий ответственный вопрос будит новые вопросы, всякая познанная сфера демонстрирует новые проблематические сферы, всегда наличествует нечто большее, и большей частью оно иное, нежели ожидалось. Во-вторых, превосходящая сила объективного духа показывает себя в *овладении, претерпеваемом* человеческим духом в познании. Ничто человек не может привнести, добавить от себя – ему остаётся только прислушиваться, всматриваться, безусловно принимать в свете доверяемых ему откровений. И сегодня всей человеческой смекалки не достаёт, чтобы раскрыть порядок одной частицы пыли, состоящей из миллиардов молекул, которые соединены силами и сами состоят из атомов, наше знание о которых только начинается.

Объяснив, что он понимает под духом, физик может сказать лишь следующее: дух есть упорядоченное, не знающее исключений законосообразное, не хаотическое и потому познаваемое. *Но поскольку он не только физик*, но человек, обладающий доступом к другим предметным областям, он вправе напомнить себе при этом, что такое обнаружение духа в объекте имело место и тысячелетия назад. Сократ называл это припоминанием. Для Платона бытие духа (мир идей) было объективным, покоящимся бытием. Аристотель говорил об энтелехии, внутренней осмысленности субстанции. Они, как и многие другие, переживали познание в космосе как столкновение с духом. Биологу также известно то, с чем сталкивается физик, – порядок неживой природы. Однако он направляет внимание на иначе устроенное многообразие космоса, на зону, покоящуюся на физике, но превосходящую её. Биологический порядок иного рода, хотя и связан с физическим.

Его столкновение с духом, связанное с биосферой, ещё более загадочно, нежели у физика. Никогда дух не исчерпывается биосферой. Если биологический порядок как надстройка над физическим является загадкой, то в ещё большей степени это верно для «духа», как он надстраивается над жизнью и её переплетающимися взаимодействиями. Что организует плазму, как из рядоположенности в пространстве рождается функция? Как следует понимать то, что в *порядке бытия живых систем целое предшествует частям*, другими словами, что некоторый «принцип» целостности с самого начала координирует части? В капле плазмы оплодотворённого белка задано всё живое существо, в том числе и непредставимая морфологическая сложность, например, человеческого мозга и её функции. Однако капля плазмы своей структурой не даёт ни намёка на то, что из неё последует. Тем не менее она несёт в себе принцип целого. Он наличествует до формирования любого органа живого существа. Что делать с субъективностью живых существ, с их свободным выражением жизни?

Что делать с усилением этого расширения изнутри наружу у человека – с его языком, с *его способностью называть*, и тем самым завоёвывать власть, – со всей этой эфирной надстройкой над кругом космоса, которую мы называем духом? *Ведь существует* ещё и общественный порядок, экономический порядок, существует искусство поэзии, музыка, живопись, существует история, существует, одним словом, «духовная жизнь», настолько же определённно, насколько существуют камни, дома, горы, звёзды и т.д. И разве не смог философ Рудольф Ейкен, проследивая эту *духовную жизнь* сквозь столетия, увидеть в ней некоторую субстанцию, пребывающее вне времени, реальное всеобъемлющее абсолютно существующее, – он видел его предельно ясно!

Всё это несомненно существует в слоистом строении космического бытия. Пусть естествоиспытатель в качестве профессионала, сознательно пребывающего в своей специальной области, и не может этого увидеть во всей полноте. Однако исследователь – не только профессионал, ему известно нечто большее, он постоянно подразумевает это большее, оно заложено в априори его работы, иначе он ни на минуту не смог бы стать исследователем. Человек, чувствующий в себе *призвание* к познанию, – которое и делает его профессиональным исследователем – переходит в зону общих великих проблем, сознательно нарушая запреты, занимает «синоптическую» позицию. Речь не идёт о персонаже из приведённого анекдота, который настолько расширил свою жажду познания или любопытство, что в конце концов лишился удовлетворительного знания о какой-либо вещи. Речь о том, что во всех предметах получены базовые результаты, связанные с фундаментальными проблемами, их тщательная и кропотливая разработка в рамках синоптической позиции может позволить добиться синтеза и взгляда, выходящего за пределы отдельного специального предмета. Это естественная практика, заложенная в понятии науки, пусть даже и выходящая за пределы отдельных научных дисциплин. Если нашему познанию суждено проникнуть в глубины основ, то и базис, из которого оно исходит, должен быть широким.

Если бы мы спросили нашего космического странника о том, что он знает о первом появлении жизни и о первых симптомах духовного финалистского преобразования на нашей планете, он рассказал бы, вероятно, о миллиардах лет времени без жизни, о миллионах лет растительной и животной жизни, и затем добавил бы: человек появился ближе к концу, буквально только что. Если обозначить возраст Земли до сегодняшнего дня как один мировой день, то человек присутствует здесь всего лишь одну мировую минуту, и именно он является причиной сильных преобразований, планомерно, геометрически изменивших «облик Земли». В нём

реализовано *соединение* обоих естественных слоёв бытия, физического и биологического, с третьим, загадочным, называемым нами «духом», в *индивидуальном единстве*. Здесь они соединились, чтобы сформировать сущность человека.

Я хотел бы с точки зрения опытных наук определить человека как существо, в котором слои бытия соединены в индивидуальное единство. Он принадлежит физическому слою бытия; всё происходящее в нём соответствует физическим и химическим законам, автономному порядку этого слоя. Но он также принадлежит растительному и животному слоям бытия, обладающим своими собственными порядками законов, накладываемыми на физические. И психическое образует действительный, не растворяющийся в других, действенный слой бытия, с собственными, пока слабо познанными законами. Над ним строятся царства разума, рассудка, этоса, эстетизма – все слои «духа», слои совсем другого рода, однако не менее действительные и каждый со своими нормами. Всё это чудесным образом переплетено в человеческом индивидууме в жизненном единстве, направлено на взаимодействие порядков, каждый из которых своеобразен, где нижние несут на себе верхние, создавая для них условия возможности, в то время как верхние, управляя, используют нижние.

Столь сложное существо, объединяющее в себе полноту взаимодействующих автономных порядков, может существовать лишь в том случае, если действует иерархия порядков, так чтобы их взаимодействие не приводило к хаосу. Зоны взаимодействия, области соприкосновения этих слоёв – зоны сражений, как нам известно. Ведь каждая норма стремится быть осуществлённой, реализовать себя. В нижних зонах подобные регуляторы взаимодействия хорошо известны, но не понятны. Приведу один пример из многих. Существует центр регулирования температуры, который при самых различных условиях среды поддерживает температуру тела около 37 градусов Цельсия; управляемыми являются сердечная деятельность, дыхание, обмен веществ. Акты мышления, волеия, чувственного переживания не только соединены с нижними слоями, с физико-химическими и биологическими процессами, но и воздействуют на них. Пусть эта иерархия будет обозначена как гармония или как-то иначе, это выражение того, что верхние слои управляют нижними – выбранное слово есть выражение для «собственного» бытия человеком, для переупорядочивания слоёв бытия, которое всегда реагирует на вызовы, всегда под угрозой и никогда не исполняется в идеальной форме. Быть человеком – значит становиться человеком, быть в пути. Насколько этой гармонии угрожает превалирование «служебных» слоёв бытия, оснащённых их собственными, ценными самими по себе механизмами осуществления законов, мо-

гут проиллюстрировать примеры гормонального нарушения эндокринных желёз, гипер- или гипопункция гипофиза, щитовидной железы, половых желёз, способные обрушить всю надстройку, привести к полному кретинизму или патологической склонности к преступлениям.

Отсюда раскрывается взгляд на зло в этическом смысле: это не собственный принцип, но нарушение гармонии, приватизация (захват, уменьшение) иерархии порядка, перехват дирижёрской палочки в оркестре человеческих сфер бытия и действия. Руководить должна основанная на разуме и анализе воля, а не инстинкт биосферы, каковой необходим, правилен, важен, но должен выправляться, управляться и направляться дирижёром.

Отсюда видны и другие аспекты – аспекты человеческого существования. Тем самым представляется перспективным с позиций этой пока лишь только намеченной картины человека, с нашей текущей точки зрения посмотреть на человека в космосе. Мы сможем удостовериться, нет ли здесь ключа.

Нашей исходной предпосылкой – как современных людей, обозревающих весь являющийся космос – было противопоставление Я (познающего духа, рассудка) и мира как объекта. Впервые это было сделано ещё греками. Теперь мы добрались до того, чтобы противопоставить собственный рассудок и человека, людей. Мы стремимся и в дальнейшем действовать так, как действовали ранее. Мы опредметили слой бытия физики с его порядком, затем слой бытия растений и животных, биосферу. А теперь – людей, наших ближних. Мы начали это делать, анализируя приходящие от них известия, формы выражения, особенно наиболее свободные (такие, как игра), и устанавливая, что выражения субъективности у человека восходят к неизмеримым высотам, что здесь над биологическим слоем бытия надстроен совершенно новый слой, слой «духовной жизни». Мы руководствовались при этом процедурой наблюдения в познании, противопоставлением Я и объекта «человек», сохранив Я наблюдателя и заменив объект, бывший до этого физическим и биологическим. Попробуем разобраться, что именно мы сделали. Наблюдая в человеке язык и то, что посредством него выражено, мы с неизбежностью *привносим самих себя в объект*. Ситуации, где объектом исследования является орбита планеты, далёкие галактики, атомное ядро или же человек, существенно различаются. В случае физических объектов я не привношу своё собственное «я» в объект. Наоборот, я избегаю этого всеми силами. Сам факт успешного отделения себя от объекта в физике подтверждается действительностью опирающейся на физику техники. Но когда Я исследователя превращает формы выражения человеческой жизни (такие как язык, мелодия, картина) и сверх этого то, что посредством этих форм

выражается, в объект, оно переносит на этот объект собственные формы и содержания, собственное мышление и ощущение. Следует отметить, что в некоторой степени мы делаем это уже при изучении животной жизни, – иначе, нежели посредством собственных антропоморфных аналогий, мы не в состоянии толковать глубинные формы выражения. В случае человека как объекта исследования исследователь более не является чётко и внятно отделённым субъектом, каковым он был в исследовании светового спектра, закона сохранения энергии и тому подобного. Исследуя, он во многом сам себя превращает в объект. Не существует более такого внутреннего, которые было бы ясно отделено и противостояло бы тому, что «транс-», что по ту сторону. Исследующий субъект и исследуемый объект частично перекрывают друг друга, смешиваются, уже не могут быть разделены с должной чистотой. В образной формулировке можно сказать, что познание других слоёв бытия подобно проникновению лучей в объект; однако при изучении человека лучи частично отражаются. Слой «отражает», ослепляет; ход лучей перестаёт быть однозначно направленным, процесс познания усложняется.

На основании фактов из атомной физики, эмпирической физики и эмпирической физиологии мы знаем, что следы подобного рода имеют место и в физике. Однако для физического познания как познания внешнего мира это имеет в большей степени научное, нежели практическое значение. Для всех известных задач техники полностью достаточно объективации физических методов. В случае же человека как предмета исследования возможность объективации весьма ограничена.

В этом свете становится понятным особое положение *психологии*. В качестве науки она стремится к надёжному основанию, объективности результатов, стремится примкнуть к естественным наукам. Она вбирает в себя слои бытия природы: физики, на которой всё основывается, биологии растительного мира, биологии животного мира. Но затем она должна продвинуться дальше, и в этом месте начинается опасный перехлест Я и предмета. Образно выражаясь, Я может сделать себя предметом так, как если бы оно сидело перед зеркалом и наблюдало само себя. Вопрос в том, что при этом оно воспринимает? В материальном и духовном отражении, в отражающемся в самом себе мышлении Я исследователя никогда *не познает самое себя до конца*. Исследователь объективирует то, что он воспринимает, и занимается поиском того, что это обозначает. Я попытаюсь проиллюстрировать это в образной форме. Весь колоссальный ландшафт бессознательного находится в темноте. Исследователь включает над ним прожектор внимания. Он шарит им по возвышенностям, низинам, поверхностям и высвечивает, то есть поднимает на уровень сознания каждый раз небольшие фрагменты,

некоторый кружок света, чаще – направленную движущуюся полосу огромной тёмной страны. Исследователь может перемещать луч прожектора быстрее или медленнее – остановить его полностью невозможно – и доходит до границ, по ту сторону которых больше ничего не высвечивается. Там ничего нет? Или дно слишком глубоко, чтобы лучи могли в него проникнуть?

Некоторые моменты в свете прожектора сознания проступают отчётливо. Можно видеть черты свойств и процессы. Долгое время именно они одни и составляли предмет психологического исследования. Лишь постепенно стало проясняться, насколько велик неосознаваемый состав, более того, сколь многое в нём происходит, сколь большую роль играет происходящее в бессознательном, как на границах между освещённой и тёмной зонами совершается своего рода борьба, продвижение вперёд и отступление, возвышение и погружение.

Не будем выжимать этот образ до конца – *exempla trahunt, sed claudicant*; иллюстрации помогают, но они же и сковывают.

В этом психологическом обзоре ландшафта становится очевидным, что сознательное покоится на бессознательном. Центральная система нашего нервного аппарата, координирующая приём и передачу возбуждений, запросов из внешнего мира и из мира нашего собственного тела, стократно превосходит любую автоматическую телефонную службу любого города мира (если использовать это популярное сравнение) в *управлении* теми процессами, которые или вообще не доходят до сознания, или доходят лишь в исключительных случаях. Такие феномены, как регуляция, компенсация, секреция, рефлексы определяются биологией; однако вполне ясно, что они составляют основание бессознательного как «собственно» психического, что имеют место длящиеся взаимодействия. Что-то из соматического постоянно проникает в психическое, что-то из психического слоя постоянно опускается в соматическое основание. Так в обзоре раскрывается *психическая* зона космоса – понимая под космосом порядок природы в целом – в переплетениях, сопряжениях, взаимопроникновениях. *Космос*, с которым исследователь имеет дело в качестве объекта, – *и в самом исследователе*. И это то, что можно исследовать. Психология, таким образом, – пограничная область естествознания в той мере, в какой она занимается космосом в человеке. Мы не можем далее заниматься этой игрой биологических и физических порядков в человеческом бытии, то есть в бессознательном и сознательном. Это – уже на предметном языке, а не на языке образных представлений – тема многих и объёмных психологических исследований. Известно, насколько парадоксальные по своей сути образования покоятся в бессознательном и творят в темноте; известно также, что в наши дни удаётся

направить на них луч света, сделать их осознаваемыми. Этим мы заниматься не будем и перейдём к другому вопросу, имеющему для нашего обзора ещё большее значение.

Что узнаёт о себе рефлектирующий, исследующий себя человек? Человек, сидящий перед своим духовным зеркалом? (Мы ведь понимаем, что он сидит перед ним и тогда, когда исследует других людей, своего ближнего, сущность человека, homo sapiens, человеческую психику.) Видит ли человек, символически, созерцая себя в *техническом* зеркале, своё Я? Ответ – *нет*. Он видит лишь поверхностную картину. *Могу ли я познать себя?* Есть ли наука, с помощью которой Я познаёт Я? Мы стремимся выразиться яснее. Что это за процесс? Расщепление надвое! Я делаю *себя* научным объектом. Является ли то, что я делаю предметом, действительно полностью идентичным с субъектом Я, который это делает? Или объект – отделённое от Я «Меня», «самость»? Может ли Я схватить Я средствами рассудка без изменений? Легко установить, что оно этого не может. Ведь когда оно начинает исследование такого рода и формулирует обнаруженное, и с точки зрения мышления, и с точки зрения языка это приводит к высказываниям, соответствующим тем, посредством которых изображают «космические» положения дел в физике и биологии. Всегда посредством подобных высказываний изображается *являющееся* из бездонного океана. Это то, что выражается в различных способах говорения, когда, например, утверждают, что из-за непреодолимого зазора между субъектом и объектом Я может схватить только свою «самость», то есть именно своё *не-Я*. В этом смысле человеческий дух как субъект в своей предельной сущности *науке* не доступен. Другими словами: космос на него не простирается.

Это лишь *одно* недостижимое среди других. Разве неизменный *порядок* физических законов не является неисчерпаемой тайной? Эти законы «действуют» [«gelten»]. «Действовать» – *это их «бытие»*, и в этом случае очень сильное бытие, сильнее, нежели всё телесное, проталкивающееся вперёд бытие в его брэнности. Разве не является глубокой тайной надстраивающаяся над ним зона биологии (жизни)? *Порядок*, законосообразность как черты духа видны и здесь. Этот порядок, с одной стороны, слабее, нежели физический, на котором он основывается, с исполнением которого он связан, но, с другой стороны, сильнее, поскольку это управляющий порядок, строящий в пределах физики то, на что физика сама по себе не способна: неизмеримо многообразное царство живых существ со всеми их формами и занятиями. И это царство своим инаковым порядком демонстрирует черты тайны, которой мы даём имя духа. В наибольшей же степени их демонстрирует «мыслящий» человек, созерцающий всё это, чтобы

познать, то есть проникнуть своим духом, наталкивающийся при этом на самого себя, потому что он в космосе – и знает без сомнения, что *космос и в нём тоже*, пронизывает его самого. Он осознаёт, что может постепенно исследовать космическое в своей самости, но только не познающее Я, не духовного субъекта, который выходит за пределы естественного, за пределы биологического созерцания. Сознание делает возможным научное исследование. Однако количество неосознаваемого и тем не менее наличествующего и действующего бесконечно больше, нежели скользящий круг света сознания, который вынужден двигаться дальше, вновь отдавая освещённые зоны темноте. Во тьме бессознательного, когда удаётся сделать их видимыми, встречаются многие загадочные, непонятные нам формы. Но то, что не может быть высвечено никогда, что не попадает в круг света прожектора, – это субъект, сам дух, который бдит. Физика даёт здесь хорошую аналогию: свет высвечивает, свет делает видимым, но *свет как таковой невидим*. Никто никогда не видел свет – только луч света. Только след луча в освещённой танцующей пыли. Так и познающий дух, рассудок может в принципе пытаться высветить то, что он в состоянии сделать объектом: всё космическое, связанное с жизнью, тем самым и *основания* ощущений, желаний, чувств, действий, решений, то есть многое из того, что принадлежит порядку психики, – однако субъект, познающий дух остаётся при этом самим собой и научно не познаваемым.

Это не означает сомнения в его существовании. Ведь существует знание, предшествующее всякому рассудочному познанию. Существует надёжное «обладание» [«Haben»] до акта объективации. Дух больше, нежели рассудочное познание. В этом заключается граница всякой идеалистической теории познания прошлого. Мы называем это неразстворимое Я, возвышающееся над любой самостью, не объективируемое подобно космическому, то есть не превращаемое в предмет, так, как называли его и другие до нас: духом.

9. Над космосом

Наша космическая экскурсия показала нам миры звёзд, неизмеримые пространства, непредставимые времена, вызывающие головокружение построения, взаимопроникновение постоянного и длящегося, конечного и бесконечного. Всё это упорядочено – мы назвали упорядоченность *одухотворённостью*, – определено духом и тем самым познаваемо. Она показала нам живой мир, живое, надстраивающееся над физическим с новым, гораздо более высоким порядком: со степенями свободы управления, выбора, с признаком финализма, соотносённости с целым, энтелехии. Это порядок иного, более сложного рода, познаваемый, *одухотворённый*. Когда мы обратили внимание на формы

выражения, показывающие внутренний мир живых систем, особенно среди высших животных, мы обнаружили зону свободы от биологического порядка, с наибольшей степенью характеризующую homo sapiens, который выстраивает слой бытия, обозначаемый в качестве цивилизации, культуры, духовной жизни. Этот слой, хоть и расположенный высоко над физическим основанием и над биологической надстройкой, но тесно с ними связанный, наиболее отчётливо демонстрирует черты духа.

Сквозь всё исследование, сквозь все усилия познания прослеживается один признак. Он заключается в *превосходстве объектов*. Познавать – значит твёрдым усилием подстраивать собственный дух к их бытию, смиренно прислушиваться к откровению, к обнажению их сущности, без привнесения своего. Лишь на этом выстраданном пути добывается то, что мы называем *истиной, в победе объективного духа над рассудком*.

Человек, это соединяющее зоны существо – физическое, растительное, животное и духовное, – появился на планете совсем недавно. Он расположен во временной середине, не попадая ни в начало земного времени, ни в его конец. Он расположен и в пространственной середине, так что его охватывает головокружение при всякой попытке представить себе системы мира или нуклоны. Поэтому он никак не может начинать с начала, но исходит из своей середины во все стороны. Но он возвышен, потому что все слои бытия соединены в нём в существующее единство. Он может сделать предметом своего познающего мышления, научного усилия всё, что относится к космосу, и тем самым – самого себя в той мере, в какой он с ним соотносён. Но и в этом случае – всегда из своей середины, из которой он простирает руки во всех направлениях духовного пространства, ища опоры. Очевидно, что успешность этого предприятия ограничена. Чем больше познаёт его дух, тем больше ещё не познанных пространств встаёт перед ним: возникает впечатление, с одной стороны, продвижения в познании, с другой, – невозможности дойти до конца. В своём научном, то есть ориентированном на объект усилии рассудка он наталкивается ещё на одну границу. Эта граница – собственный исследующий дух как субъект всего того, что мы называемы духовными силами. *Я есть*, в этом нет сомнений, но если сделать его объектом, это уже не то же самое Я. В объекте проявляется космическая часть – но её слишком мало. Следует ли нам в этом месте остановиться? Есть ли ещё вдохновение? Мы попробуем!

Когда мы приняли решение предпринять обзор космоса, нам пришлось отказаться от позиции предметного специалиста и стать синоптиками. Ведь речь не идёт о том, чтобы истолковать весь космос только механически, физически, только биологически, только психически. Он неисчерпа-

ем в каждой из областей. Лишь на пути освоения важнейших результатов и проблемных положений дел в различных областях достигается подъём до некоторого обзора. Что если мы и теперь призовём на помощь некоторое расширение обзора? Является ли наш дух только познающим, соотносённым с объектом рассудком? Со времён досократиков ему уделяли столько внимания, что иногда почти забывали о других, также соотносённых с объектом силах души. Но существуют ли в нашем духе иные силы усвоения [Erwerben] – в том смысле, например, что наш глаз есть не единственная сила восприятия? Они существуют. То, что схватывается этими связанными силами, превосходит область рассудочного знания нашей современности, а в некотором смысле и силу рассудка как такового. Рассудок познаёт и то, что он со своей силой усвоения объектов не один.

Человек *до* предметного мышления воспринимает себя и мир как данные. *Он верит, прежде чем знать*. Если бы он не верил в себя и мир, в его бытие, в его данность, в какие-либо сущностные свойства, перед ним было бы ничто и он не смог бы приступить к исследовательскому, соотносённому с объектом мышлению. Верить – *более ранняя* установка, более общее, *всеохватывающее* отношение между Я и космосом, нежели соотносённая с объектом, логико-дискурсивная деятельность рассудка, нежели исследование. Последнее, очевидно, может приводить к большой определённости. Вера ведёт дальше, в недоступные рассудку сферы, выше космоса, и тем не менее она не должна быть рассеянным блужданием, у неё есть свои критерии определённости. Вера с самого начала содержит в себе акт воли, согласие со свидетельством, содержит в себе, кроме рассудка, душевные силы доверия, надежды, упования, она – волевая уверенность в исполнении. Вера содержит в себе компоненты напряжения, схватывания и охваченности, она – вдохновение всех сил души, включая любовь, она есть обладание и усвоение. В психологическом плане вера – удивительно богатый феномен. Она антиципирует ещё не объяснённое рассудком, и сквозь это – всякое сущее, вовнутрь которого научное познание пока или даже вообще не ведёт. Поэтому у веры другие формы выражения, нежели чем у науки. *Вера особенно нуждается в несущей способности символов* и поэтому предметно её часто путают с субституирующими, местозамещающими символами. Стоит подумать над следующим примером. Я произношу слово «мысль». В слое бытия *физики* это колебание, вибрация голосовых складок и несущей звук среды, *и ничто более*. В слое бытия биологии это звук или – в качестве записи – картина, некоторое восприятие, элементарное *переживание, и ничто более*. Но в слое бытия духа звук, линия, восприятие *пропадают* и *остаётся* «собственное», смысл, *подразу-*

мевая сущность, значение. Таким образом, в качестве посредников между слоями бытия символы суть чувственно воспринимаемые вещи, часто – предметы привычного окружения, если смотреть на них снизу. Но если смотреть на них сверху, раскрывается их совершенная иная, действительная, собственная сущность, *их смысл*. Положение человека в бытии в качестве соединения физической, биологической и духовной действительностей есть причина того, что он должен посредством знаков задавать символы того, что он не в состоянии непосредственно выразить, представить себе и сообщить другому. Он передаёт *символ* и ожидает, что воспринимающий воспримет смысл, собственную сущность. Об этой огромной области знаков и символов в этом месте скажем лишь следующее: там, где в схватывании действительности участвуют кроме рассудка другие силы духа, особенно *в вере*, символы как посредники между слоями бытия обретают расширенное и возвышенное значение.

Вера предшествует всякому знанию, обволакивает всякое знание. Ведь и отрёкшийся подтверждает своим образом жизни, что он верит, пусть даже это и безнадёжная вера в бессмысленность наличного бытия.

Человек предрасположен к вере и нуждается в ней. Если он бежит от благородной высокой веры, в нём образуется некоторый эрзац вроде безумной, низкой веры во власть или в суеверия, в знаки угнетённых или неразвёрнутых сил души. Вера несёт в себе ключ к разгадке глубоких вопросов. Ответы, даваемые верой, не являются научными в смысле естествознания. С чудесной ясностью это прояснил *Августин*: *credo et intelligam*. Он имеет в виду следующее: я своей волей принимаю позицию веры, и эта позиция открывает для меня новое понимание. Согласно этому высказыванию верующему достаётся озарение, что подтверждается опытом бесчисленных мыслителей. Неразрешимые посредством рассудка шифры, о которых говорит экзистенциальная философия, теряют свою отталкивающую замкнутость и начинают открывать себя в некоторой особенной форме. Язык науки, которого не хватает для выражения новых находок на собственной территории, никогда не способен полностью схватить это откровение.

Мы обнаружили, что даже в физике исследующее *познание* осуществляется посредством *вопрошания* (в индуктивном методе) и требует безусловного принимающего приспособления к *открывшемуся* ответу, то есть полностью определяется *откровением*. Таким образом, мы можем легко понять, что изначально на откровение ориентирована именно вера. Верить означает пытаться схватить откровение там, где оно за счёт ответа космоса ещё не наложило с необходимостью на рассудок, или же там, где оно превосходит космос. Разумеется, вера как мощное приспособление для

объединения всех высоких сил души должна быть направлена на наиболее возвышенные предметы, разумеется, ей угрожают заблуждения, она отягощена отказом от возможности полностью схватить высшие предметы, вынуждена подниматься лишь через символы. Поэтому вера взывает к помощи, *к милости*.

Подобно тому, как знание соответствует ищущему рассудку, но никогда его не удовлетворяет, потому что рассудок постоянно продолжает вопрошать, вера соответствует множеству духовных сил стремления, среди которых рассудок – лишь одна. Всякий исследователь сначала верит, сопровождается верой в своё дело и посредством результатов исследования направляется к дальнейшей вере. Подобным образом верой обволакивается не только всякое исследование, но и всякое действие духовного человека. Без полагания истинным того, что осуществляется на основании «свидетельства», невозможно действовать. Когда вера слабеет, исчезает способность к действию. Возможно, побочное явление нашего века успешных исследований заключается в том, что значение человеческой позиции веры сегодняшним поколением осознаётся всё менее живо, и это основа ослабления Западной Европы.

Верить – дело человека; достойно и необходимо направлять силы на высшие откровения, даруемые нам в космосе, в истории, посредством благороднейших образов, посредством провозглашения евангелия, в собирании собственной души перед ликом бога. Многое из отвергаемого знанием открывается верующему, доверяющему, склоняющемуся с любовью на пути от знания к мудрости. Заботы наличного бытия уступают место упованию, на смену страху приходит чувство защищённости, «экзистенция» – теперь уже не парение над бездной, не бытие к ничто, к смерти. Пусть космос со своими законами простирается в том числе и в нас, но он не *царит* как тиран, когда мы верим. Человеческое существование за счёт веры становится странствием к откровению, *направляемым надёжным компасом*. Космос не охватывает Я, и поэтому Я осознаёт свою бессмертность. Квантовые построения несут на себе мир жизни, натиск энтропии его в конечном счёте парализует. Однако невыразимое, непроговариваемое в Я – у нас нет для него слов, лишь лепет – к нему не относится. Человек умирает – да: лира разбивается, струны рвутся. Но музыка с ней не умирает, она *есть*.

Библиографический список / References

Dessauer, Friedrich (1948), *Mensch und Kosmos*, Ein Versuch, o.J., Otto Walter A.G.

Submitted: 17.05.2022

Accepted: 20.06.2022

*Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского:
творчество – литературный контекст – восприятие – наследие**

*Russian grandeur of N.G. Garin-Mikhailovsky:
oeuvre – literary context – perception – heritage***

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60

Дата поступления: 11.04.2022

рецензирования: 06.06.2022

принятия: 17.06.2022

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: mperepelkin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

**Крах инженера Гарина:
Н.Г. Гарин-Михайловский и А.Н. Толстой**

Аннотация: в данной статье предпринят сопоставительный анализ двух повестей о детстве – «Детства Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского и «Детства Никиты» А.Н. Толстого. Анализируя исходные сюжетные ситуации двух повестей, ключевые эпизоды и финалы, автор статьи приходит к выводу о том, что А.Н. Толстой предпринял своего рода ревизию повествования своего предшественника, написав не просто другую версию «детства», а откровенно антигаринское сочинение. Причины этой ревизии имеют как биографические, так и творческие корни: лично знакомый с Н.Г. Гариним-Михайловским в юности и находившийся под его влиянием, впоследствии А.Н. Толстой пришёл к необходимости переосмыслить свои юношеские идеалы, противопоставив аналитизму Гарина синтетизм, а поэзии краха и дисгармонии – поэзию полноты бытия и жизнерадостного утверждения. Внимательному рассмотрению в ходе исследования подвергаются мотивы страха, смерти, осмысления отцовства; отдельное внимание уделяется анализу «вертикальных» эпизодов в каждой из двух повестей, выделяющихся на фоне общего «горизонтального» повествования (в случае Н.Г. Гарина-Михайловского это эпизод спуска героя в старый колодец, у А.Н. Толстого – «молитва» героя в домике на колёсах).

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «Детство Тёмы»; А.Н. Толстой, «Детство Никиты»; сопоставительный анализ; гармония; вертикаль и горизонталь; семиотика страха; ревизия.

Цитирование: Перепелкин М.А. Крах инженера Гарина: Н.Г. Гарин-Михайловский и А.Н. Толстой // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 50–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2022 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: mperepelkin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

* Статьи публикуются в рамках научного проекта «Николай Георгиевич Гарин-Михайловский: Проблемы изучения творчества, литературного контента и рецепции»

** The articles are published within the scope of the scientific project “Nikolai Georgievich Garin-Mikhailovsky: the oeuvre research problems, literary content and reception”

«The collapse» of engineer Garin: N.G. Garin-Mikhailovsky and A.N. Tolstoy

Abstract: in this article, a comparative analysis of two stories regarding childhood has been carried out – “Tyoma’s Childhood” by N.G. Garin-Mikhailovsky and “Nikita’s Childhood” by A.N. Tolstoy. Analyzing the initial plot situations of the two stories, key episodes and denouements, the author of the article comes to the conclusion that A.N. Tolstoy has undertaken a kind of revision of the narrative of his predecessor, writing not just another version of “childhood”, but simply an anti-Garin literary work. The reasons for this revision have both biographical and creative roots: being personally acquainted with N.G. Garin-Mikhailovsky in his youth and influenced by him, later A.N. Tolstoy came to the conclusion of reconsidering his juvenile ideals, contrasting synthetism with Garin’s analyticism, and collapse and disharmony poetry – with the poetry of fullness of being and cheerful affirmation. The motives of fear, death, and comprehension of fatherhood are carefully examined. Furthermore, special attention is paid to the analysis of “vertical” episodes in each of the two stories that “stand out” against the background of the general “horizontal” narration (in case of N. Garin-Mikhailovsky, this is the episode of the protagonist coming down / descent into the old well, in A. Tolstoy – the protagonist’s “praying” in the traveling coach).

Key words: N. Garin-Mikhailovsky; “Tyoma’s Childhood”; A. Tolstoy; “Nikita’s Childhood”; comparative analysis; harmony; vertical and horizontal; semiotics of fear; review.

Citation: Perpelkin, M.A. (2022), The collapse of engineer Garin: N.G. Garin-Mikhailovsky and A.N. Tolstoy, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 50–60, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-50-60>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Perpelkin M.A., 2022** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Прежде всего, следует сказать о том, что имена Н.Г. Гарина-Михайловского и А.Н. Толстого уже не раз и не два соседствовали на страницах одних и тех же работ исследователей, обращавшихся к анализу творчества А.Н. Толстого и, в частности, его повести «Детство Никиты» (Привалова 1953, с. 11; Скобелев 1981, с. 153). Правда, чаще всего это соседство ограничивалось упоминанием первого из них в ряду авторов автобиографических произведений о детстве, которые так или иначе повлияли или могли повлиять на художественный почерк А.Н. Толстого и стиль его повести. Здесь надо заметить, что из работ последних лет, исследующих претексты и интертексты «Детства Никиты», имя Н.Г. Гарина-Михайловского практически исчезло, – например, о нём ни словом не обмолвилась Е.Д. Толстая, включившая в список «претекстов» и «интертекстов» толстовской повести мать писателя А.Л. Толстую, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М. Горького и некоторых других (Толстая 2013, с. 282–292). Досадное упоминание в этом ряду Гарина связано, на наш взгляд, как раз с тем, что из сферы внимания исследователей оказались выпавшими существенные для А.Н. Толстого, но не отрефлексированные наукой факты, о которых пойдёт речь ниже. Между тем есть все основания говорить о том, что влияние Н.Г. Гарина-Михайловского на автора «Детства Никиты» и ещё ряда других произведений, задумывавшихся Толстым как ответ в том числе и «инженеру

Гарину», было гораздо большим, чем это до сих пор представлялось исследователям, и заслуживает более скрупулёзного анализа, начать который нам и хотелось бы в этой работе.

И прежде всего – несколько фактов.

В начале июня 1900 года А.Н. Толстой сообщил родителям, что, добираясь на пароходе от Самары до Бригадировки (село в Ставропольском уезде), куда он ехал по приглашению Н. Тресвятского, «познакомился с Михайловским и его женой, вот интересные субъекты, она мне больше его понравилась» (А. Толстой и Самара 1982, с. 175). Однако, как выяснилось чуть позже, это не стало новостью для матери будущего писателя А. Л. Толстой, вскоре сообщившей, что «от Тейтеля я узнала уже, что ты ехал с Михайловским и что вы вместе обещали» (Переписка А.Н. Толстого 1989, с. 63).

Здесь надо заметить, что имя Н.Г. Гарина-Михайловского в доме родителей А.Н. Толстого было хорошо известно и ранее, до этого знакомства двух писателей, один из которых, Гарин, в 1900 году находился в зените писательской славы, а второй ещё учился в Самарском реальном училище и о писательстве даже не помышлял. Что касается А.Л. Толстой, то её знакомство с Н.Г. Гариним-Михайловским произошло ещё в начале 1895 года в Петербурге при посредничестве Я.Л. Тейтеля, о чём она рассказала, в частности, в письме к ожидающему её возвращения на хуторе возле Сосновки (Павловки тож) двенадцатилетнему сыну, Алексею

Толстому: «Вчера, дружок, ездила я в Царское Село. Это уездный городок Петербургской губернии, где часто теперь живёт молодой император. Конечно, всего города я не видела, но то, что я видела, было прелестно. Представь себе широкую улицу, с одной стороны дома, буквально тонущие в массе деревьев, с другой – длинный бульвар. Все деревья осыпаны инеем и вся эта картина белая, чистая, залита голубым электричеством высоких фонарей, так что свет льётся сверху. Получается картина, похожая по своей красоте на волшебную декорацию. У Михайловских видела очень милого мальчика, их сына Серёжу. Ему десятый год, он очень маленький, можно дать ему лет восемь на вид, личишко у него серьёзное, и он говорит, как большой, все дела отца и матери знает, и очень входит в их интересь» (ОР ИМЛИ. № 6314/5). Примерно тогда же и сам Алексей Толстой в ответном письме к матери сообщил ей о прочитанном в «Мире Божьем» рассказе Гарина («В “Мире Божьем” есть очень хорошая статья Михайловского: “Бурлаки”. Это говорится про татар. Вот один красивый татарин пришёл со службы, и ему приглянулась одна богатая красавица. Но так как он был бедный, то он не мог на ней жениться, и вот он нанимается к её отцу в ямщики. К ним заехал раз богатый барин, который подарил отцу этой красавицы кусок земли, для того чтобы он просватал её за ямщика. Он просватал. Тогда ямщик поступил к барину на службу. Барину приглянулась жена ямщика, и ей приглянулся барин. Ямщик это заметил и ушёл от барина. Тут подросло жнитво, ямщик ушёл на жнитво артельщиком. На базаре его подкупил приказчик, чтобы он непременно согласился за ту цену, за которую он ему скажет условным жестом. Приказчик выехал на базар и сказал, что хлеб зелёный. Татары приуныли и стали приставать к приказчику, чтобы он их пустил, он подзвал к себе ямщика и стал с ним рядиться. Подрядчик сказал за 4 рубля. Ямщик не соглашался, но вдруг увидел, что подрядчик сделал ему условный жест, и согласился. Потом другие приказчики стали рядить за 6,5 рублей. Оказалось, что хлеб вовсе не зелёный, татары хотели перейти к другим подрядчикам, которые давали дороже, но не могли. Тут они так озлобились, что убили ямщика. Конец уж очень хорош, как отец горюет о сыне» (Алексей Толстой и Самара 1982, с. 92). Со своей стороны, родители Толстого выразили полное удовлетворение этим пересказом, поощрив сына и, что немаловажно, в некотором смысле закрепив таким образом его любовь к творчеству автора «Бурлаков» (А.А. Бостром – А.Л. Толстой: «А мне, Сашурочка, так было приятно увидеть <...> что у Лёли не пропал дар изложения прочитанного: как хорошо в кратких словах он передал тебе сюжет прочитанного нами рассказа Гарина» (ОР ИМЛИ. № 6330/24); А.Л. Толстая – А.Н. Толстому: «Очень

мило ты рассказал, дружок мой, о статье Гарина “Бурлаки”, я порадовалась, что ты можешь так хорошо изложить содержание прочитанного», 7 февраля 1895 г. (ОР ИМЛИ. № 6314/9)).

Знакомство А.Л. Толстой и её гражданского мужа А.А. Бострома с Н.Г. Гариным-Михайловским и его семьёй, начавшееся в середине 1890-х гг., продолжалось в течение десяти с лишним лет, до самой кончины А.Л. Толстой, а потом – и Н.Г. Гарина-Михайловского, ушедших друг за другом в 1906 году с разницей в несколько месяцев. При этом они встречались в Самаре и в Петербурге, Гарин арендовал у Толстой и её родственников их родовое имение – село Тургенево (где летом 1902 года А.Н. Толстой вступит в брак с Ю.В. Рожанской), А.Л. Толстая искала у более успешного, чем она, в писательском отношении Гарина его литературного покровительства, обращаясь за посреднической помощью, в том числе и к жившему с середины 1901 года в Петербурге А.Н. Толстому, и т.д.; и даже в доме у Бострома и Толстой, как становится понятно из их переписки, стояла мебель, ранее принадлежавшая всё тому же Н.Г. Гарину-Михайловскому (подробнее об этом см. здесь: Перепёлкин, 2020, с. 91–101). Приходится ли в таком случае что-то ещё говорить о том, что будущий автор «Детства Никиты», будучи лично знаком с Гариным и зная о том, как высоко ценят литературный талант последнего его родители, должен был сам хорошо знать самое знаменитое из гаринских произведений – повесть «Детство Тёмы», а зная её – иметь в виду при работе над собственным автобиографическим сочинением о детстве?

Итак, всё, сказанное выше, позволяет, на наш взгляд, перекалифицировать вопрос о влиянии Н.Г. Гарина-Михайловского на А.Н. Толстого из гипотетически-неопределённого в утвердительный: да, это влияние имело место. А вот каким оно было и в чём заключалось – об этом мы и подумаем дальше.

Ход исследования

Но прежде – слово исследователям гаринского «Детства Тёмы».

«Тут воспроизведены все мелочи обыденной жизни; выведены типы и фигуры – живые, облечённые плотью и кровью люди, с их психологией, то обыкновенной, незамысловатой, то сложно, загадочной, – писал в предисловии к первому посмертному собранию сочинений писателя, увидевшему свет в 1916 году, П.В. Быков. – Какой-то свежестью веяло от этой истинно-художественной вещи, от этого простого, безыскусственного, правдивого, чистосердечного повествования. Именно эта, бросающаяся в глаза, неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность прежде всего подкупали читателя» (Полное собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского 1916, с. I).

А вот, по мнению И.М. Юдиной, «эпиграфом к “Детству Тёмы” могли бы служить слова из “Очерков бурсы” Н.Г. Помяловского: “Все уверены, что детство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный период жизни, но это ложь: при ужасающей системе нашего воспитания... – это самый опасный период, в который легко развратиться и погибнуть навеки”. Изображая взаимодействие характера, среды и обстоятельств, Гарин рисует пору детства (и юности) как “опасный период”» (Юдина 1969, с. 85).

И ещё одно наблюдение, на этот раз принадлежащее В.П. Скобелеву: «Н. Гарин-Михайловский мог бы назвать тетралогию “Историей моего современника”. Здесь тоже история развивающегося самосознания, история поиска человеком своего места в жизни не столько в бытовом, сколько в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле» (Скобелев 1984, с. 8).

Итак, «живые» и «облечённые плотью и кровью люди», «неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность» повествования, с одной стороны; «пора детства (и юности) как “опасный период”», с другой; и, наконец, «история поиска... своего места в жизни... в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле», с третьей. Таковы читательские и исследовательские ощущения от гаринского «Детства Тёмы» – ощущения, может быть, и не исключают друг друга, но требующие от современного исследователя, во-первых, того, чтобы он соотносил свои наблюдения с каждым из них, а, во-вторых, попробовал бы объяснить некоторый диссонанс в предпринимавшихся ранее попытках интерпретации анализа детства, предпринятого Н.Г. Гариним-Михайловским в его повести.

Следует напомнить о том, что Н.Г. Гарин-Михайловский обратился к написанию «Детства Тёмы» в начале 1890-х гг., когда, оставив службу железнодорожного инженера, поселился с семьёй в деревне Гундоровке Самарской губернии и занялся сельским хозяйством. Почти одновременно с этим Гарин взялся за повесть о своём детстве, выведя себя самого на её страницах под именем восьмилетнего мальчика Тёмы (а год спустя после первой публикации повести Михайловские назовут этим именем родившегося у них сына, Артемия Николаевича). Какие задачи ставил перед собой при этом писатель, и удалось ли ему эти задачи решить? Для того, чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, остановимся на трёх эпизодах повести.

Первый эпизод – это эпизод, которым открывается повесть, – эпизод с цветком (глава «Неудачный день»). Всего несколько мгновений назад в мире царил полная гармония: герой, «проснувшись, помолится Богу, напился чаю, причём съел с апетитом два куска хлеба с маслом, одним словом –

добросовестным образом исполнив все лежащие на нём обязанности, вышел через террасу в сад в самом весёлом, беззаботном расположении духа», а в саду – «так хорошо было» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Но теперь – не то: «Маленький восьмилетний Тёма стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Обратим внимание на два момента: непременно условием гармонического бытия является, по Гарину, добросовестное исполнение всех лежащих на человеке обязанностей, а немедленно после того, как гармония рушится, виновник или свидетель этого краха начинает «с ужасом вдумываться» в случившееся, пытаясь найти и понять его причины. Замечательна и эта причина, найденная героем: «Всему виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали, и всегда руки. И он придёт к отцу и прямо скажет ему: Папа, зачем тебе сердиться даром, я знаю теперь хорошо, кто виноват, – мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко» (Гарин-Михайловский 1957, с. 55). Итак, гармония является следствием добросовестного выполнения обязанностей, а для её восстановления требуется, во-первых, найти причину краха гармонии и, во-вторых, «отрубить» виновные в дисгармонии «руки», находящиеся в разладе с «всех люблю».

Следующий эпизод – спуск героя за Жучкой в колодец в главе «Старый колодезь». Известно, что именно этот фрагмент повести «Детство Тёмы» не однажды издавался в советские годы отдельными изданиями с заголовком «Тёма и Жучка», – издавался, на наш взгляд, только в силу глубочайшего заблуждения издателей и редакторов, полагавших, что смысл этого фрагмента сводится к банальной бытовой смелости юного героя, отважившегося прийти на помощь другу, который в этой помощи нуждается и т.п. По нашему убеждению, настоящий смысл «Старого колодезя» заключается совсем в другом, и если бы редакторы указанных изданий просто заподозрили, в чём здесь дело, едва ли увидело бы свет хотя бы одно издание «Тёмы и Жучки».

Напомним, что глава открывается сном героя, в котором он видит себя на берегу моря, «с замираньем и наслаждением» ожидающим «холодного прикосновения» морской волны, вместо которого дожидается, как «волна обдаёт его каким-то удушливым жаром, тяжело наваливается и душит». Мир, в котором видит себя спящий герой, переворачивается с ног на голову, в нём меняются местами холодное и горячее, сон и реальность, верх и низ. Это касается всего, что окружает героя, – и мира в целом, и деталей, этот мир составляющих

(например, абзац, начинающийся словами «День только н а ч и н а л с я», торопится завершиться напоминанием о «вчерашнем вечере со всеми его перипетиями и сладким примирительным к о н ц о м» (Гарин-Михайловский 1957, с. 88–89), а деревья в саду, мимо которых проходит герой, стоят «с о п р о к и н у т о й ветром листвою»). В этом ключе надо понимать и с п у с к героя в колодезь, который в то же самое время есть его восхождение к вершине того самого ужаса, о котором говорилось и в предыдущем эпизоде тоже.

Вообще, «страх» и «ужас» присутствуют в «старом колодезе» в сконцентрированном виде: «Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой... страшной глади... От страха, хватит ли у Жучки силы дожидаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия... На мгновенье в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться... Страх охватывает его... Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова» (Гарин-Михайловский 1957, с. 92–95) и т.д.

Но, прежде чем делать выводы о семантике гаринских «страхов» в рассматриваемом эпизоде, дадим слово Е. Курганову, в противовес расхожим взглядам на страх как на «всё тёмное и уродливое в человеке и обществе, всё, что связано с насилием над личностью», напомнившему о «той глубинной трактовке темы страха, которая была предложена в ряде течений иудаизма, прежде всего в еврейской мистике» (Курганов 2005, с. 36). Речь идёт, в частности, о том многоликом и многоформенном страхе Каббалы, который «образует громадную и всеобъемлющую иерархическую систему, которая собою пронизывает всё человеческое бытие»: «Страх – это структура, населённая не только множеством форм, но и имён, но населённая отнюдь не хаотично. Возникает как бы громадная лестница, каждая ступенька которой поименована... Обретение и культивирование страха – это обретение божественного в человеческом, это понимание того, что высший предел отнюдь не достигнут и недостижим, – нужно исполнить заповедь и искренне бояться, что сделано ещё недостаточно, что можно ещё и ещё» (Курганов 2005, с. 38).

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что спуск героя в старый колодезь можно рассматривать не иначе, как форму религиозного опыта, «метафизического ужаса» (Jaccard 1994, с. 70), опыта в е р т к а л и для человека, до сих пор пребывавшего исключительно в горизонтальном пространстве. Что подталкивает его к этому опыту? Очевидно, тот самый крах гармонии: мир рушится, и для его восстановления от героя, ощущающего себя «виноватым» в крахе гармонии, требуется спуститься в «колодезь» (= взойти по той «громадной лестнице», о которой пишет Е. Курганов). Другой вопрос – восстанавливает ли этот спуск-восхождение героя искомую гармонию? На

наш взгляд, в случае Н.Г. Гарина-Михайловского – нет, не восстанавливает, и вот почему.

Совсем неслучайно глава о спуске гаринского героя в «старый колодезь» начинается со сна героя («Сон то лёгкий, то тяжёлый, кошмарный» (Гарин-Михайловский 1957, с. 87)), а завершается его же, героя, болезнью и бредом («Через час Тёма, лёжа на своей кровати, с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя... Холодное дыхание смерти ярко колеблет вот-вот готовое навсегда погаснуть разгоревшееся пламя маленькой свечки. Быстро тает воск, быстро тает оболочка тела, и уже стоит перед всеми горячая любящая душа Тёмы, стоит обнажённая и тянет к себе» (Гарин-Михайловский 1957, с. 95–96)). Таким образом, в этой главе герой как бы выпадает из той горизонтальной реальности, в которой он «вдумывается» не только в «безвыходность своего положения», но и всего происходящего в мире: «вдумывается» до и после погружения в «колодезь», но не во время этого погружения. В момент спуска в колодезь, герой как бы выпадает из у м н о й горизонтальной, перемещается в другое измерение, но как только опасность смерти миновала – снова в неё возвращается и начинает «вдумываться». Вот в этом и состоит причина того, что спуск в колодезь не восстанавливает рухнувшую гармонию, – «вдумчивость» героя (и писателя) препятствует этому.

Третий эпизод – финал повести и смерть отца героя, хотя на месте именно этого эпизода могли бы быть ещё несколько других эпизодов повести. Смертей в «Детстве Тёмы» так много, что они почти рябят в глазах читателя, перед которыми умирают то жена живущего на наёмном дворе Абрумки, то «старая, восьмидесятилетняя, высокая, толстая, одинокая баба» Пульчиха, которую находят повесившейся, то учитель Борис Борисович Кноп. Смерть не даёт забыть о себе и приближается к герою даже тогда, когда все вокруг живы-здоровы, но и эта жизнь, и это здоровье – временны, а смерть – повсеместна и неизбежна: вот – взгляд героя «случайно падает на кладбищенскую стену», находящуюся возле дома; вот – Тёме становится скучно, «точно все-все умерли вдруг, и никого, кроме него, не осталось»; а вот – фантазия уносит героя на необитаемый остров, и он, «всласть завоевавшись с дикарями и со всевозможными чудовищами мира, надумался, наконец, умирать» («Умирать Тёма любил. Все будут жалеть его, плакать; и он будет плакать... И слёзы вот-вот уж готовы брызнуть из глаз Тёмы» (Гарин-Михайловский 1957, с. 130)).

В связи со сказанным совсем не кажется случайным, что и завершается повесть тоже смертью, – правда, на этот раз «дыхание смерти» перемишивается с солнечным светом и «ароматом молодой весны», которые, соединившись, образуют новую эмоцию, которой не было в самой повести – ли-

нию обретения той гармонии, о которой мечтал и к которой стремился автор «Детства Тёмы» на протяжении всей повести, но которая так и осталась для него недоступной: «Хочется ласки, любви – любить мать, людей, любить мир со всем его хорошим и дурным, хочется жизнью своею, как этим ясным, светлым днём, пронестись по земле и, совершив определённое, скрыться, исчезнуть, растаять в ясной лазури небес...» (Гарин-Михайловский 1957, с. 198).

Итак, рассмотрев три эпизода гаринской повести, мы можем констатировать следующее. На первых её страницах Гарин задумывается над вопросом, что стало причиной распада гармонии и кто виноват в этом распаде. Напряжённое обдумывание этого и смежных с ним вопросов составляет сюжет и всей дальнейшей повести: совершая те или иные поступки, вступая во взаимодействие с окружающими и т.д., герой вновь и вновь ставит и решает тот же самый вопрос, – и все попытки найти ответ на него оказываются безрезультатными. Есть, впрочем, в сюжете повести и такие ходы и повороты, когда инженерная мысль её автора, стремящегося вычислить формулу гармонии, как бы ослабевает, и тогда герой «выпадает» из у м н о г о пространства в другое – ужасное и не поддающееся пониманию, но зато вовлекающее героя и читателя в другое проживание мира, отличное от математических расчётов и конструирования. Именно с этим другим опытом не у м н о г о, а иного понимания мира читатель сталкивается, например, в главе «Старый колодезь», – впрочем, и опыт погружения в этот самый колодезь, и другие подобные ему, эпизодичны и, скорее, исключительны, чем закономерны и являются чем-то, что определяет развитие сюжета. Наконец, финал повести свидетельствует, с нашей точки зрения, о полном крахе всех «умных» попыток найти причину разрушения гармонии и восстановить её: отец, который мог бы «отрубить» Тёме виноватые во всех бедах руки, мёртв, а мир, который держался на строгости покойного отца, продолжает жить и вовсе не собирается умирать. «Что-то здесь не то, какая-то в эти расчёты закралась ошибка», – таков вывод, с которым остаётся читатель гаринской повести по её прочтении. Какая ошибка – ответа на этот вопрос Гарин, разумеется, не даёт, и каждый из исследователей предлагал, как мы видели выше, свой собственный ответ на него. Если говорить о П.В. Быкове, то никаких или почти никаких нерешённых противоречий в отношениях героя гаринской повести с миром он практически и не заметил, – в глаза ему, современнику писателя, бросились «неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность» «Детства Тёмы». По мнению И.М. Юдиной, причиной дисгармонии, которую ощущает герой повести, является его собственный «опасный» возраст. В.П. Скобелеву представля-

лось, что эта причина вытекает из самого факта поисков человеком «своего места в жизни не столько в бытовом, сколько в нравственно-психологическом и социально-мировоззренческом смысле». На наш взгляд, каждый из исследователей по-своему прав, но от всех них ускользнуло как раз то, что лежало внутри всех исканий и метаний героя (а вместе с ним – и автора) повести, написанной писателем Н.Г. Гариним, но почти в каждой её строчке остававшимся инженером Н.Г. Михайловским, который пытался подвергнуть гармонию анализу, расщепить её на составляющие, найти дефект и пересобрать целое так, как это привычно делать инженеру, – и каждый раз эта попытка анализа и пересборки терпела крах, причинявший страдания и герою, и автору, и читателю. Отсюда и то эмоциональное ощущение внутренних мучений, страдания, которое не покидает читателя на протяжении практически всей гаринской повести.

Думается, что именно это ощущение и было главным, что запомнил читатель Н.Г. Гарина-Михайловского А.Н. Толстой, а запомнив, оттолкнулся от него в своей собственной автобиографической повести о детстве.

Если говорить о характере отклика А.Н. Толстого Гарину, то точнее всего, с нашей точки зрения, говорить именно об отталкивании. Вся толстовская повесть от начала и до самой последней строчки – это «Детство Тёмы», в котором всё поставлено с ног на голову: не осталось ни одной детали, ни одной характеристики, которую Толстой не подверг бы критическому рассмотрению и самой решительной перелицовке. Фактически, вся толстовская повесть – это Гарин, вывернутый наизнанку, анти-Гарин, переписанный решительно, с азартом и точным пониманием не только того, что автор «Детства Никиты» ценит, но и того, что он не приемлет.

Различия начинаются с самого начала, которым является заголовок повести. Если Гарин назвал свою повесть выдуманным именем, а потом дал это имя родившемуся в 1893 году сыну, то Толстой поступает обратным образом, называя повесть о своём детстве именем сына, родившегося за два года до начала работы над ней: Никита Толстой появился на свет в феврале 1917-го, А.Н. Толстой приступил к написанию «Повести о многих превосходных вещах», как называлась журнальная редакция «Детства Никиты», в 1919-м. Существенно ли это как будто бы случайное обстоятельство, касающееся почти исключительно биографии двух писателей? На наш взгляд, да, существенно. Если в случае Гарина вымысел как бы опережает реальность, то у Толстого всё обстоит ровно наоборот – сначала появился на свет Никита Алексеевич Толстой, а уже после этого его отец взялся за сочинение повести, которую «с глубоким уважением» посвятил ему, сыну, явившемуся первым и главным адреса-

том автобиографического повествования Толстого о «русском детстве» (здесь стоит напомнить, что повесть «Детство Никиты» писалась А.Н. Толстым в эмиграции – во Франции и в Германии).

Но этим, первым, отличием дело, разумеется, не ограничивается, касаясь и многих других существенных сторон поэтики двух произведений.

Вот, например, глава, открывающая толстовскую повесть, – она называется «Солнечное утро». Напомним, гаринское «Детство Тёмы» открывается главой «Неудачный день», и первая же фраза этой главы ставила читателя перед «ужасной» ситуацией: цветок сломан по вине героя, и положение последнего «безвыходное». Не то у Толстого: «Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене» (Толстой 1982, с. 211). Если герой Н.Г. Гарина-Михайловского с первых же строк испытывает ужас и раскаяние, а впереди его ожидает наказание, то герой А.Н. Толстого с тех же первых строк буквально купается в счастье: мороз расписал на окнах звезды и лапчатые листья, его комната приветствует его снежно-белым светом, а скользнувший с умывальной чашки солнечный зайчик терпеливо ждёт его пробуждения. Весь мир открыт толстовскому герою, радуется ему и вместе с ним, готовит ему только приятные сюрпризы и подарки («Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так: В каретнике, на верстаке, среди кольцом закрученных, пахучих стружек Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края – с носа – срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки точёные; в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, – после этого она делалась, как зеркало, к верхней доске привязывалась веревочка – возить скамейку, и когда едешь с горы, то править. Сейчас скамейка, конечно, уже готова и стоит у крыльца. Пахом такой человек: “Если, говорит, что я сказал – закон, сделаю”» (Толстой 1982, с. 211)). Единственной заботой героя в этой ситуации становится стремление «одеться в минуту» и «удрать на двор», а единственным огорчением – «голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой», просунувшаяся в приотворённую дверь со словами: «Встаёшь, разбойник?» (Толстой 1982, с. 212). Разумеется, ни эти заботы, ни огорчения не идут ни в какое сравнение с гаринскими: счастье толстовского героя так полно и безоблачно, что его не могут ни разрушить, ни поколебать никакие огорчения, включая заботли-

во-ироничного обладателя ярко-рыжей бородки учителя Аркадия Ивановича.

Так же, как и Гарин, Толстой не раз и не два ставит своего героя в ситуацию, когда от его сообразности и умения на время переместиться из горизонтали бытия на его вертикальную ось, ось экзистенции и предельных вопросов и ответов, зависит то, каким быть миру и быть ли ему вообще. Выше, говоря о «Детстве Тёмы», мы видели, что в повести Гарина наиболее зримо эта ситуация разработана в главе «Старый колодезь», где герой, ненадолго покидая горизонталь у м н о г о существования, восходит по лестнице страха и ужаса к вершине другого опыта, отличного от привычного ему опыта «вдумывания». В «Детстве Никиты» такой «вертикальной» главой является глава «Домик на колёсах».

Место главы «Домик на колёсах» в сюжете толстовской повести рождает больше всего вопросов, так выбивается из общего повествования и сама эта глава, и её центральный образ – какая-то плугарская будка, куда неведомо как и для чего забредает герой, вдруг проникающийся внезапно нахлынувшим на него религиозным чувством и молящийся, глядя на «ложку, бутылку и черенок от ножа». Но если принять во внимание сказанное выше, глава «Домик на колёсах» уже не кажется ни странной, ни нарушающей логику повествования, а случайно оказавшиеся в плугарской будке предметы выстраиваются в семиотическую цепочку, в которой нет ни одной лишней или недостающей детали. Плугарская будка – это и место тайной вечери, и Гефсиманский сад, и Голгофа в одно и то же время (к слову сказать, глава «Домик на колёсах» почти соседствует в повести с другой главой – «Страстная неделя»), нет поэтому ничего странного в том, что в будке герой находит «евхаристический набор», состоящий из ложки и бутылки («И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»), и – черенок от ножа как знак будущей казни, за которой последует воскресение.

Представляет интерес и «молитва», которую сочиняет герой, оказавшийся на этой неожиданной для самого себя евхаристии в домике на колёсах: «Господи... дай, Господи, чтобы было опять всё хорошо. Чтобы мама любила, чтобы я слушался Аркадия Ивановича... Чтобы вышло солнце, выросла трава... Чтобы не кричали грачи так страшно... Чтобы не слышать мне, как ревет бык Баян... Господи, дай, чтобы мне было опять легко...» (Толстой 1982, с. 259). Чтобы говорить об этой «молитве» толстовского героя, надо попробовать понять, что, собственно, его волнует и

тревожит. Ответив на этот вопрос, мы поймём и то, как и для чего он оказался в «домике на колёсах». А волнует его, что «три дня дул мокрый ветер, съедая снега. На буграх оголилась чёрными бороздами пашня. В воздухе пахло талым снегом, навозом и скотиной» (Толстой 1982, с. 258); ещё тревожит, что «всё – земля, животные, скот, птицы перестали быть понятными ему, близкими, – стали чужими, враждебными, зловещими» (Толстой 1982, с. 258–259); наконец волнует и тревожит, что, когда «он возвращался домой, мокрый, одичавший, пахнувший собакой, матушка глядела на него внимательно, неласково, осуждающе» (Толстой 1982, с. 259). Гармоничный и понятный мир изменился, сдвинулся со своей оси, переполнился весенней животной силой и от этого стал неприглядным и пугающим.

Что в этих случаях преимущественно делал гаринский герой? «Вдумывался», пытался проанализировать ситуацию, найти виновного и спасти мир. Преимущественно – разве что за исключением погружения в старый колодец, которое, как мы видели, происходит между сном и болезнью. А вот что делает в этой ситуации герой А.Н. Толстого: «Сонный, встревоженный, бродил он по двору, по разбухшим дорогам, уходил на гумно, где от початых ометов мякины пахло хлебной пылью и мышами... Никита шёл вдоль омета, с подветренной стороны... Никита подошёл к стоящей недалеко от гумна, в поле, плугарской будке – дощатому домику на колёсах... Никита взобрался в него по лесенке в пять жёрдочек» (Толстой 1982, с. 258–259). Как видим из приведённых цитат, герой Толстого далёк от анализа и поисков виновного: он, не прекращая, действует – бродит по разбухшим дорогам, идёт на гумно и в поле, взбирается в домик на колёсах и т.д. То есть рефлексии Толстой предпочитает действие, а перед поиском виновных он отдаёт предпочтение попытке найти выход из тревожащей ситуации.

Там, где Гарина тревожит разломавшаяся по вине человека гармония его взаимоотношений с миром, тревога Толстого связана совсем с другим – природный мир так переполнен происходящим в нём, что человек просто не в силах вместить в себя этой полноты и боится не справиться, не удержать себя в человеческих рамках. Именно эта боязнь и подталкивает героя толстовской повести к молитве в «домике на колёсах», о которой мы уже говорили выше.

Но боязнь охватывает героя Толстого не внезапно, она накапливается медленно и постепенно и разрешается в молитве. Вот, например, одна из первых волн страха, подступающих вплотную к герою в «Домике на колёсах»: «Сонный, встревоженный, бродил он по двору, по разбухшим дорогам, уходил на гумно... Ему было мутно и тревожно, точно что-то должно произойти страшное,

то, чего нельзя понять и простить» (Толстой 1982, с. 258). А вот ещё одна волна страха: «В этом омете ещё остались норы, выкопанные рабочими и девками поздней осенью, когда домолачивали последние скирды пшеницы. В норы и пещеры в глубине омета люди залезали спать на ночь. Никита вспомнил, какие он слышал разговоры там, в темноте тёплой пахучей соломы. Омет показался ему страшным» (Толстой 1982, с. 259). Но максимально близко волна страха подступает к герою в момент самой импровизированной молитвы, после первых же слов которой по спине героя «побежали холодные мурашки». Герою страшно не справиться с собой, «он ничего плохого не сделал за эти дни, а всё-таки было тревожно, будто он тоже виноват в каком-то ни с того ни с сего начавшемся во всей земле преступлении», имя которому – весна.

Если вертикаль у Гарина была точкой временного выпадения героя из состояния дисгармонии, то у Толстого вертикаль, напротив, – временная приостановка гармонии, а по возвращении героя повести из «вертикали» домика на колёсах и молитвы к его нормальному состоянию, его встречают нежная улыбка матери и её обращённый к нему вопрос: «Ну, что, набегался? Хочешь чаю?» (Толстой 1982, с. 260). «Чай» здесь – подведение черты под «набегался», знак возврата к привычному и не-«преступному»: помолвившись на импровизированный иконостас, герой обретает необходимые ему силы, чтобы не раствориться в природном и остаться человеком.

Следует упомянуть и ещё об одном важном отличии толстовского «детства» от гаринского: если мир Гарина насыщен болезнями и смертью, которая окружает героя, проникает в его память и даже – в мечты, то в мире Толстого смерти нет вообще. При этом биографический автор А.Н. Толстой был хорошо знаком с тем, что такое болезнь и смерть, писал и о том, и о другом в детских письмах родителям (Перепелкин 2021, с. 280–281), но в тексте «Детства Никиты» смерти не нашлось места совсем, а болезнь хоть и есть, но не смертельная, а завершающаяся радостным выздоровлением. И даже это выздоровление отца героя, Василия Никитевича, Толстой, как нам это представляется, противопоставил болезни и смерти отца Тёмы у Н.Г. Гарина-Михайловского: в последнем случае болезнью, смертью и похоронами отца завершается вся повесть и детство героя, – хрупкая гармония, державшаяся в том числе за счёт военной выправки и воли отца-генерала, рушится, и герой остаётся на её руинах – с желанием жить и неумением наладить жизнь по-новому; у Толстого же болезнь отца проходит в череде многих других дел и забот и не только ничего не разрушает, но даже, кажется, и не очень заметно влияет на ход вещей, и если что-то с ней и завер-

шается, так это весенние хлопоты и беспокойство, вызванное пробуждением природы.

Вообще тема взаимоотношений героев двух повестей с родителями и с отцами, в частности, – тема, требующая отдельного пристального рассмотрения. Раскрывая эту тему в своей повести, А.Н. Толстой, по нашему мнению, самым пристальным образом оглядывался на Н.Г. Гарина-Михайловского, но, оглядываясь, вновь делал это по принципу отталкивания.

Осмысление своих взаимоотношений с отцом для взрослеющего ребёнка, подростка – существенный этап процесса взросления, и в обеих повестях герои оказываются вынужденными через этот этап пройти. Вот только проходят они его по-разному: если гаринский герой, заставляя себя любить отца, всё-таки испытывает по отношению к нему, прежде всего, страх и ненависть, прорывающиеся наружу в моменты жестоких наказаний («Противный, гадкий, я тебя не люблю! – кричит он с бессильной злобой» (Гарин-Михайловский 1957, с. 77)), то отношение толстовского героя к отцу хоть и несколько ироничное, но нежное, заинтересованное и выражающееся по-толстовски, прежде всего, через действие: «Никита сидел на коленях на стуле и, наваливаясь животом на стол, так и лез отцу в рот» (Толстой 1982, с. 264).

Представляются любопытными два характерных эпизода из повестей Гарина и Толстого, связанные с осмыслением двумя героями роли отцов в их жизни. В повести Гарина героя внезапно посещает мысль, неожиданная для него самого: «Вот хорошо, если б Томылин был мой отец» (Гарин-Михайловский 1957, с. 153) (Томылин – гимназический учитель Тёмы – М.П.). Откуда эта мысль взялась в его сознании, что ему с ней делать – этого герой не знает, поэтому она «неприятно передёргивает» его: «Томылин в эту минуту как-то сразу делается ему чужим, и взамен его выдвигается образ сурового, озабоченного отца. “Я очень люблю папу, – проносится у него приятное сознание сыновней любви. – И маму люблю, и Еремея, и Бориса Борисовича, всех, всех”» (Гарин-Михайловский 1957, с. 153). С этим эпизодом гаринской повести отчётливо «рифмуется» другой, толстовский: «Матушка сильно загрустила над письмом и вечером, показывая его Аркадию Ивановичу, говорила: – Бог с ним, с этим наследством, если из-за него столько неприятностей; всю зиму живём в разлуке. Вот мне даже кажется, что Никита уже начал забывать отца» (Толстой 1982, с. 249). Сразу вслед за этим следуют размышления Никиты, но размышления не бездейственные, а сопровождающие деятельность – рисование Америки, в продолжение которого Никита «с любовью и нежным весельем думал об отце», и завершающиеся выводом: «Совесть его была спокойна, – матушка напрасно сказала, что он его забыл» (Толстой 1982, с. 251).

Размышления героев об их отцах – это во многом и есть то, как герои понимают мир, своё место в нём, связь с прошлым и роль в будущем. Если материнская гармония – изначальная, природная, то отцовская – обретаемая (или не обретаемая) в процессе познания мира и взаимодействия с ним. И вот как раз в этом смысле гармония гаринского героя представляет собой недоразрешённую (и нерешаемую в принципе) проблему, для толстовского же героя никакой нерешённой проблемы и в этом плане тоже нет и не может быть: «любовь и нежное веселье», с которыми он вспоминает отца, прекрасно характеризуют его взаимоотношения с миром в целом.

Заключение

Наконец, нам осталось ответить на один, но очень существенный, вопрос: что, собственно, заставило взявшегося за повесть о детстве А.Н. Толстого написать, как было сказано, антигаринское сочинение, не просто по-новому и иначе расставив акценты, а переосмыслив и целое, и частности?

Ответ на этот вопрос целесообразно начать, вернувшись к исходному пункту наших размышлений о личном знакомстве одного писателя, младшего, с другим – старшим. Чем был Н.Г. Гарин-Михайловский для юноши Толстого? С одной стороны, он был безусловным авторитетом – и в писательском, и, скорее всего, в человеческом отношении тоже: петербуржец, инженер-путеец, популярный писатель, прогрессивный помещик, либерал, законодатель литературной и иной моды в провинции и т.д., и т.п. С другой стороны, Толстой ощущал и не мог не ощущать некой двойственности в личных принципах Гарина и тяжести в его творчестве. Если говорить о биографической стороне дела, Толстой, скорее всего, был осведомлён о так и не возвращённом Гариным большом денежном долге его матери, образовавшемся после сдачи ему в аренду одного из родовых имений, принадлежащих матери А.Н. Толстого и её сёстрам – села Тургенево. Оставшись в должниках, Гарин просто «забыл» об этом долге, в результате чего разговор о нём просто свёлся на нет (Перепёлкин 2020, с. 98–100). Возможно, знал Толстой и о других обстоятельствах личной жизни и поведения Гарина, не украшавших последнего и осуждавшихся обществом: оставив жену с шестью детьми, последний стал жить гражданским браком с «миллионершей» В.А. Садовской; при этом отношения Гарина с обеими жёнами – законной и гражданской – оставались недооформленными в юридическом и человеческом плане, что, естественно, рождало массу сплетен в провинции, совершенно скандализованной этой свободой нравов. Гарин же только подливал масла в огонь, появляясь на людях то с одной, то с другой женщиной и не очень заботясь о соблюдении ка-

ких бы то ни было, хотя бы внешних, приличий (Перепелкин 2020, с. 96). Если же говорить о творчестве, то юноша не мог не признавать таланта Гарина-литератора и психолога, не мог не считаться с тем, что его имя не просто хорошо известно в столичных литературных кругах, но что с его мнением считаются, ему подражают и т.д., в 1916 году издательство А.Ф. Маркса выпустило в качестве приложения к журналу «Нива» восьмитомное собрание сочинений писателя, разошедшееся по стране и сделавшее имя Н.Г. Гарина-Михайловского не просто ещё более известным и популярным, но и даже в чём-то равным классикам, чьи собрания также выходили в качестве приложений к этому журналу для семейного чтения. Но, признавая литературный талант Гарина, Толстой не мог не отдавать себе отчёта в его внутренней ущербности и чуждости собственному мироощущению. Толстой – поэт бытийной полноты и счастья, «фламандец», по выражению Б. Парамонова и И. Толстого (Парамонов, Толстой 2017, с. 405). Гарин – по-своему тоже поэт, но поэт излома, «внутренней разорванности» (Догнал 2004, с. 22), поэт вины и наказания, поэт «непоправимости совершившегося факта». Как известно, в своё время М. Горький назвал Гарина «поэтом труда» (Горький 1952, с. 77); согласимся и с этим, но с одной оговоркой: труд, который поэтизирует Гарин, – это труд восстановления гармонии, обречённый на успех, которым заканчивались почти все начинания Н.Г. Гарина-Михайловского – от строительства железных дорог до эффективного помещичьего управления и крестьянского хозяйства: железнодорожная служба не приносила удовлетворения и разочаровывала по одним причинам, помещичье управление и крестьянское хозяйство терпели крах по другим. Исходя из этого, формулировка Горького могла бы звучать так: «поэт труда, приведшего к краху». Поэтому, как только А.Н. Толстой созрел до пересмотра и ревизии своих детских и юношеских взглядов и идеалов, одним из первых идолов юности, к которым он приблизился с целью этой ревизии, и был автор «Детства Тёмы» Н.Г. Гарин-Михайловский. Интересно, что многие годы спустя после этой «ревизии» Гарина, предпринятой Толстым, состоялось знакомство детей двух писателей – внучки Н.Г. Гарина-Михайловского Ирины Юрьевны Неуструевой и сына А.Н. Толстого Никиты Алексеевича Толстого. Знакомство произошло благодаря посреднической помощи сотрудника Самарского литературного музея З.В. Стрелковой, сообщившей И.Ю. Неуструевой адрес Н.А. Толстого. В письме от 3 июля 1981 года к З.В. Стрелковой И.Ю. Неуструева поблагодарила её за адрес и телефон Н.А. Толстого и сообщила о том, что они с двоюродным братом давно собирались посетить его и установить с ним контакт. В другом пись-

ме, от 1 ноября 1988 года, уже на имя директора музея М.П. Лимаровой сестры И.Ю. и Э.Ю. Неуструевы поблагодарили её за выступление по Ленинградскому телевидению в передаче «Телекурьер», где М.П. Лимарова рассказала о полученной ею тетради с воспоминаниями их бабушки М.В. Неуструевой, «после того, как, согласно её воле, с ними познакомились сыновья А.Н. Толстого». Любопытно, что ни Н.А. Толстой, ни внучки Н.Г. Гарина-Михайловского ни о какой «ревизии» либо не подозревали, либо не обмолвились ни словом в своих письмах в Самарский музей. Самой же ревизией Гарина и своего юношеского отношения к нему стало для Толстого его «Детство Никиты». Но одной этой ревизии Толстому показалось недостаточно – так, в середине 1920-х из-под пера писателя вышел роман «Гиперболоид инженера Гарина». Впрочем, это уже совсем другая история.

Библиографический список

Zizek, Sl. (1993), *Grimaces of the real: Jacques Lacan or the monstrosity of the nude*, Cologne, Germany.

Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев, 1982.

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: В пяти томах. Том I. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

Горький М. Собрание сочинений: В 30 тт. Т. 17. Москва, 1952.

Догнал Й. Место реализма в системе литературных направлений в настоящую эпоху // *Opera Slavica*. 2004. № 1 (XIV). S. 19–28.

Курганов Е. О необходимости страха // *Семиотика страха*. Москва: Русский институт – «Европа», 2005. С. 36–43.

Парамонов Б., Толстой И. Бедлам как Вифлеем. Беседы любителей русского слова. Москва: Издательский дом «Дело», 2017.

Перепелкин М.А. Вокруг «Детства Никиты»: мир – слово – смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021.

Перепелкин М.А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Самара: ООО «Слово», 2020.

Переписка А. Н. Толстого. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1989.

Полное собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского. Том I. Петроград: Издание т-ва А.Ф. Маркс, 1916.

Привалова Е. Творчество А.Н. Толстого для детей. Москва: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953.

Скобелев В.П. В поисках гармонии. Художественное развитие А.Н. Толстого 1907–1922 гг. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1981.

Скобелев В.П. О двух повестях и их авторе // Гарин-Михайловский Н.Г. Детство Тёмы. Гимназисты. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. С. 3–18.

Толстая Е.Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. Москва: Новое литературное обозрение, 2013.

Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 тт. Том третий. Москва: Художественная литература, 1982.

Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность. Ленинград: Наука, 1969.

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y., USA.

Jaccard Jean-Philippe. Возвышенное в творчестве Даниила Хармса // Wiener Slavistischer Almanach. 1994. Band 34. S. 61–80.

References

Alexey Tolstoy and Samara: From the writer's archive (1982), Kuibyshev, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1957), *Collected works: In five volumes. Volume I*, State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia.

Gorky, M. (1952), *Sobr. soch.: In 30 tt. vol. 17*, Moscow, Russia.

Dognal, J. (2004), The place of realism in the system of literary trends in the present era, *Opera Slavica*, no. 1 (XIV), pp. 19–28.

Kurganov, E. (2005), About the necessity of fear, *Semiotics of fear*, Russian Institute «Europe», Moscow, pp. 36–43.

Paramonov, B. (2017), *Tolstoy I. Bedlam as Bethlehem. Conversations of lovers of the Russian word*, Publishing House «Delo», Moscow, Russia.

Perepelkin, M. (2021), *Around «Nikita's Childhood»: mir – slovo – smysl*, Scientific and Technical Center, Samara, Russia.

Perepelkin, M. (2020), *Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara pages of life and creativity*, Slovo LLC, Samara, Russia.

Correspondence of A. Tolstoy (1989), vol. 1, Fiction, Moscow, Russia.

The complete works of N. Garin-Mikhailovsky. Volume I (1916), Publishing House of A. Marx, Petrograd, Russia.

Privalova, E. (1953), *Creativity of A. Tolstoy for children*, State Publishing House of Cultural and Educational Literature, Moscow, Russia.

Skobelev, V. (1981), *In search of harmony. The artistic development of A. Tolstoy 1907–1922*, Kuibyshev Book Publishing House, Kuibyshev, Russia.

Skobelev, V. (1984), *About two stories and their author; Garin-Mikhailovsky N. Theme's Childhood. High school students*, Voronezh University Press, Voronezh, Russia.

Tolstaya, E. (2013), *Keys of happiness. Alexey Tolstoy and Literary Petersburg*, New Literary Review, Moscow, Russia.

Tolstoy, A. (1982), *Sobr. op.: In 10 tt. Volume three*, Fiction, Moscow, Russia.

Yudina, I.N. (1969), *Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and social activity*, Nauka, Leningrad, Russia.

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y.

Jaccard Jean-Philippe (1994), The Sublime in the works of Daniil Kharmis, *Wiener Slavistischer Almanach*, vol. 34, pp. 61–80.

Zizek, Sl. (1993), *Grimaces of the real: Jacques Lacan or the monstrosity of the nude*, Cologne, Germany.

Submitted: 11.04.2022

Revised: 06.06.2022

Accepted: 17.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68

Дата поступления: 21.04.2022
рецензирования: 06.06.2022
принятия: 17.06.2022

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского

Аннотация: в данной статье идет речь о роли пространственных образов в сознании писателя. Писатель, имеющий богатый опыт путешествий и сравнительного восприятия «своего» и «чужого», будет выглядеть куда более авторитетным и объективным описателем отечественных пространств и жизненных реалий. Поездки инженера-путейца и писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского расширяли багаж пространственных впечатлений и непосредственно влияли на его творчество. Пространственный опыт нашел отражение в путевых очерках «Картинки Волыни», «Карандашом с натуры. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света». Такие отражения и составляют уникальную метагеографию – свод субъективных образов земных пространств. Особое значение приобретала в сознании Н.Г. Гарина-Михайловского дорога как таковая и ее переплетающиеся символические смыслы. Это связано было и с участием инженера Михайловского в осуществлении масштабных транспортных проектов. Дорога в сознании русского человека, помимо чисто утилитарного значения, обрела и более широким семантическим приращением. Сознание Н. Гарина-Михайловского не ограничивалось провинциальной темой, его интересовали проблемы развития цивилизации, возможности и вызовы современной технической эпохи, события и процессы социальной истории. Находясь в уездном городке или в заволжской деревне, он всегда чувствовал свою принадлежность к большому миру. Примечателен очерк «Вокруг света», отразивший впечатления от кругосветного путешествия, совершенного в 1898 году. Весьма значимы цивилизационные, социальные и психологические аспекты размышлений автора.

Ключевые слова: метагеография; мировидение; пространственный опыт; путевой очерк; символика дороги; семантическое приращение; цивилизация; повествовательная оптика.

Цитирование: Голубков С.А. Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 61–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2022 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

The dimensional outlook levels of the writer N.G. Garin-Mikhailovsky

Abstract: in the present article the author analyzes the role of images in the writer's consciousness. A writer, possessing extensive travel experience and comparative perception of "his" / "her" and "someone else's" concepts and ideas, will look like a much more trustworthy and objective descriptor of domestic spaces and life realities. The railway trips of the engineer and writer Nikolai Georgievich Garin-Mikhailovsky have produced an impact on the dimensional impressions and his work. The author's dimensional experience is reflected via the travel sketches "Volynia Pictures", "Drawing from Nature with a Pencil. Across the Western Sibe-

ria”, “Across Korea, Manchuria and Liaotung Peninsula”, “Through the Window of the Wagon”, “Around the World”. Such literary images constitute a unique metageography – a set of subjective images of the surrounding spaces. The concept “road” and its intertwining symbolic meanings has acquired special significance for N.G. Garin-Mikhailovsky. The above-mentioned influence may be interpreted due to the participation of engineer Mikhailovsky in the implementation of huge transport projects. In addition to its purely utilitarian meaning, the road in the consciousness of the Russian person has acquired a broader semantic increment. N. Garin-Mikhailovsky’s consciousness has not been limited to the provincial theme, he has also been interested in the problems of the civilization development, the opportunities and challenges of the modern technical era, events and processes referring to the social history. Being in a county town or in the Volga Region village, he has always felt that he belonged to a bigger world. The sketch “Around the World” is notable in this case, reflecting the impressions of a round-the-world trip made in 1898. The civilizational, social and psychological aspects of the author’s reflections are of great relevance and significance.

Key words: metageography; worldview; spatial experience; travel essay; road symbolism; semantic increment; civilization; narrative optics.

Citation: Golubkov, S.A. (2022), The dimensional outlook levels of the writer N.G. Garin-Mikhailovsky, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 61–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Golubkov S.A., 2022** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Россия находится в одном из срединных мест огромной Евразии. Масштаб широкого континентального мышления не позволяет ограничиваться только своим уголком. Огромный внешний мир с его знаменитыми и малоизвестными городами, тихими поселениями, заповедными и укромными «затерянными мирами» живет во многих тысячах литературных отражений. Такие отражения и составляют уникальную *метагеографию* – *свод субъективных образов земных пространств* (Замятин 2004). Эти образы множатся, наслаиваются один на другой.

Писательскую жизнь, творческую судьбу можно определить по-разному, что и делали в своих трудах критики, литературоведы, да и сами художники слова. Среди великого множества подобных определений возможно и такое: жизнь писателя – это бесконечный *роман с пространством*. Даже, вернее, со многими пространствами. Их, в самом деле, немало – этих пространственных сфер. Есть ближний круг – те топосы, с которыми связана каждодневная жизнь писателя во всем многообразии личностных контактов и отношений. Наблюдения над этой средой дают художнику многое для понимания человеческих характеров и механизмов социального взаимодействия. Есть дальний круг, состоящий из отечественных и чужеземных пространств, опыт постижения которых приобретает в ходе деловых поездок, вынужденных миграций, мучительных скитаний. В этой беспредельно широкой пространственной сфере писателю открываются города, страны, континенты. Идет приобщение к глобальному сообществу землян. Приобретаемая широта взгляда, несомненно, влияет

на ценностную шкалу писательской Личности. А есть еще внутреннее пространство, собственный духовный и душевный мир, в который писатель на протяжении своей творческой жизни вглядывается с немалым интересом и энтузиазмом, – в «тайное тайных» глубин персонального «Я». Как говорится, «большое видится на расстоянии». Писатель путешествуя, открывающий новые земли, неизбежно будет лучше понимать и масштаб разных величин отечественного бытия, острее воспримет зов «родных осин». Пресловутый «кулик», бездоказательно «хвалящий свое болото», страдает, как правило, узостью пространственного мышления. Он лишен главного аналитического инструмента – способности сопоставить. И, напротив, писатель, имеющий богатый опыт сравнительного восприятия «своего» и «чужого», будет выглядеть куда более авторитетным и объективным описателем отечественных пространств и жизненных реалий. И это понятно – в восприятии «своего» пространства нам порой не хватает эффекта *остранения*, взгляда «со стороны». Ведь «свое» примелькалось, давно стало привычным фоном. В нашем восприятии рутинной повседневности уже нет элемента удивления. А без удивления невозможно обнаружить необычное, новое, открыть странное в старом. Петербург, увиденный *петербуржцем* Блоком, и Петербург, увиденный *москвичом* Андреем Белым, суть разные города. Надо быть выходцем из уездной Лебедяни Евгением Замятиным, чтобы обнаружить в 1916 году в английской жизни непривычные, странные черты машиноподобия, а в жителях элементы манекенности. Вспомним, как описываются обитатели Джесмонда в повести «Островитяне».

Писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский и по обстоятельствам биографии, и в силу склада своего динамичного характера, присутствующей природной любознательности, и благодаря своей первой профессии (инженер-путеец), а также под воздействием общественных настроений эпохи очень много ездил по России, а однажды совершил и кругосветное путешествие. Все это значительно расширяло багаж пространственных впечатлений и непосредственно влияло на его творчество. Уже заглавия произведений писателя содержат маркеры такого пространственного опыта: «Несколько лет в деревне», «Деревенские панорамы», «В сутолоке провинциальной жизни», «Картинки Волыни», «Карандашом с натуры. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света».

Ход исследования

Несмотря на то, что как писатель Н. Гарин-Михайловский начинался с художественного освоения провинциальной темы, он мыслил широко, его сознание было лишено герметизма, его интересовали проблемы развития цивилизации, возможности и вызовы современной технической эпохи, события и процессы социальной истории. Находясь в уездном городке или в заволжской деревне, он всегда чувствовал свою принадлежность к большому миру. Грандиозное и малое, отечественное и зарубежное, приватное и общественное – самые разные начала совместились в этой жизни. Масштабные проекты, в которых принимал участие инженер-путеец, строительство великой сибирской железной дороги, неожиданное увлечение сельским хозяйством, уроки бытия самарского помещика, семейные радости чадолюбивого отца, просветительство, писательский дебют, вхождение в разноликую литературную среду, возвращение в круг профессиональных инженерных забот, увлечение собиранием и переложением корейских сказок, встреча с царем в Аничковом дворце, кругосветное путешествие, свое «открытие» Америки, увлечение гражданскими идеями общественной жизни – сколько самых разных граней российской действительности отразилось в жизни одного человека!

Особое значение приобретала в сознании Н.Г. Гарина-Михайловского *дорога* как таковая и ее переплетающиеся символические смыслы. Дорога в сознании русского человека, помимо чисто утилитарного значения (путь сообщения между населенными пунктами), обрастала и более широким семантическим приращением.

Такой дорогой – многомерным концептом – могла быть Волга. И в творчестве целого ряда писателей она становилась смыслоемкой доминантой. Река в жизни волжского города была не

только удобной транспортной магистралью, но была чем-то значительно большим – *позвоночным столбом нации*, наглядным выражением общенародного единства, ведь река «собирала» на своих берегах рассыпанное по российским просторам население. Именно этот мировоззренческий, духовно-сакральный смысл имел в виду Василий Розанов, когда в своей известной статье назвал Волгу «русским Нилом»: «“Русским Нилом” мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил – не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому, как мы говорим “святая Русь” в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание “кормилицы”. “Кормилица-Волга”... Кроме этого названия, она носит другое и еще более священное – матери: “матушка-Волга”... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. “Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, матушка, все стоит (течет)” – так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней, как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно существующему и живому, тельному условию своего бытия и своей работы. “Мы – дети ее; кормимся ею. Она – наша матушка и кормилица”. Что-то неизмеримое, вечное, питающее...» (Розанов 1989, с. 192–193). Именно здесь сформировалась особая созерцательность русского человека, поселявшегося на берегах великой реки. Река манила путешествовать, она обещала новые горизонты и новые судьбоносные встречи.

Но в исторической судьбе России в XIX–XX вв. все большее значение стала приобретать *железная дорога*, которая позволяла надежно «сшить» воедино отдельные «куски» огромного континентального пространства. Инженер Н. Михайловский в силу своих профессиональных обязанностей был связан с проектированием и строительством самых различных дорог – и железнодорожных путей, и шоссейных дорог с твердым покрытием.

В 1983 году во время летней командировки в болгарскую Стара-Загора мне удалось побывать в Бургасе. Коллеги из местного Института усовершенствования учителей, где мы читали лекции, однажды повезли нас на черноморское побережье по старинной дороге, которую когда-то строил молодой российский инженер Николай Георгиевич Михайловский, впоследствии приобретший себе

литературную известность как писатель Н. Гарин. Работая в 1972–1974 годах в литературно-мемориальном музее имени М. Горького в Куйбышеве, я познакомился с любопытными подробностями жизни и творчества этого талантливый инженера и писателя, «русского Монте-Кристо», как его когда-то называли. Много раз я водил экскурсии по залу Н.Г. Гарина-Михайловского, много раз перечитывал его очерки и повести, обращался и к серьезным научным исследованиям (скажем, одной из первых монографий была обстоятельная книга И.М. Юдиной (Юдина 1969)), и к популярной, весьма занимательно написанной книге Л.Н. Тыняновой «Неукротимый Гарин» (Тынянова 1974). А в 1980 году написал и предисловие к одному томику избранных сочинений Гарина, издававшемуся Куйбышевским книжным издательством.

Молодой инженер Н. Михайловский, вчерашний выпускник Петербургского института путей сообщения проектировал в напряженные годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов дорогу к Бургасу как дорогу стратегического назначения. Это был первый важный проект в его жизни. В наше время на дороге современное асфальтовое покрытие, и она не совсем та, какой была в годы далекой Балканской войны. По мирной дороге, к счастью, сейчас не везут пушки, не передвигаются в походном марше войска, по ней едут к Черному морю беспечные отдыхающие с отпускным настроением и летними планами.

В последующие годы Н.Г. Гарин-Михайловский получал назначение и в Бессарабию на реконструкцию Бендеро-Галацкой железной дороги (1879), и на Закавказскую железную дорогу (1880–1884). А с 1886 года Н. Михайловский на протяжении ряда лет увлеченно работал на строительстве масштабной Транссибирской железнодорожной магистрали, открывшей удобный транспортный выход к Японскому морю и тихоокеанским просторам. А в 1898 году Н. Михайловский, уже ставший к тому времени известным писателем, опубликовавшим под псевдонимом Н. Гарин, совершил большое кругосветное путешествие. Чем он был примечателен, этот 1898 год? Что знаменовал, какие порождал надежды или, напротив, тревоги? В исторических справочниках и хрониках можно найти весьма пеструю россыпь самых разнородных фактов. Вот только некоторые из них. Построен по проекту С.О. Макарова первый русский ледокол «Ермак». Вышел первый номер журнала «Мир искусства». К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко основали Московский художественный театр. В Петербурге открыт Русский музей. Опубликован роман Герберта Уэллса «Война миров». Пьер и Мари Кюри открыли радий. Создатель высокоэффективного двигателя Рудольф Дизель получает широкую известность и становится в 1898 году

миллионером. В Самаре владелец Жигулевского пивоваренного завода Альфред фон Вакано возводит заводскую электростанцию с первоначальной мощностью 150 киловатт, которая (опять же впервые в Самаре) обеспечивает электрическим освещением не только производственные помещения, но и квартиры заводского персонала. В перечне разнообразных событий этого года, больших и малых, как видим, немалую долю занимает техническая составляющая (открытия, изобретения).

Входящие в бытовой обиход новые средства транспорта, скажем, вполне комфортабельные для того времени пароходы и поезда, делают возможными и увлекательными весьма продолжительные странствия на очень и очень большие расстояния. Широко раздвигается горизонт запросов и ожиданий. Из сферы иллюзорно-романтических мечтаний они переходят в сферу вполне реальной жизненной практики. Не только профессиональные мореплаватели, но и даже далекие от морских профессий люди начинают обдумывать планы кругосветных путешествий. Вот и известный тогда многим самарцам инженер-путеец, публицист и писатель Н.Г. Гарин-Михайловский отправляется в такую поездку. Намеченный маршрут весьма заманчив: Харбин, Гонолулу, Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Россия...

Все эти впечатления от поездки нашли отражение в путевом очерке Н.Г. Гарина-Михайловского «Вокруг света», опубликованном в 1904 году. Одна из первых остановок – Гонолулу, прибрежный городок на Гавайях, или, как тогда говорили, на Сандвичевых островах. Гарина-Михайловского, этого любознательного человека с седой бородкой и «с удивительно молодыми глазами» (как подметил наблюдательный К. Чуковский) интересует в поездке абсолютно все – и экзотика тропических мест, и непривычный уклад жизни населения, и подробности развивающейся в Америке новой цивилизации, связанной с бурным техническим прогрессом. В путешествии инженер Михайловский и писатель Гарин как бы сменяют друг друга, каждый находит в созерцаемом внешнем мире что-то свое. Конечно, Гарина-писателя интересуют, прежде всего, люди. Люди разных национальностей, разного цвета кожи, различных вероисповеданий, культурных традиций, трудовых навыков и творческих предпочтений. Эти люди по-своему интересны все, начиная с пассажиров океанского парохода, с которыми Гарину приходится делить радости и трудности путешествия.

«Время идет однообразно, я знакомлюсь со своими спутниками. Там, на суше, все эти люди будут опять и сухи, и деловиты. Вся проза будничной сутолоки опять четко выпишется на их лицах и складках их лиц, но теперь у нас у всех – месяц обреченных мерно качаться на этих волнах,

покой и праздничный отдых. Мы не хотим прозы, мы избегаем поглубже заглядывать в душу друг другу; мы верим на слово, что мы все таковы, какими хотим казаться» (Гарин-Михайловский 1988, с. 211–212).

Некоторые фрагменты разговоров писателя со спутниками можно квалифицировать как неразвернутые сюжеты возможных новелл, порой лирически проникновенных и трогательных. Таков, скажем, рассказ француза Н. о любовных отношениях со своей японской женой Ми-хо-то.

«Однажды вечером он (француз Н.) зашел в мою каюту, держа в руках простой, но красиво сделанный деревянный ящичек.

– Сегодня я немного грустен, cher maître. Не хотите ли вы съесть со мной это печенье и выслушать историю той, которую вы никогда не видели, а я не увижу больше.

Я хочу рассказать вам о той, которая подарила мне этот ящик с печеньями. Это моя японская жена Ми-хо-то, с которой я расстался в Иокогаме. Это печенье она принесла, провожая меня на пароход, и, по обычаю, спрятала его у меня в каюте так, чтобы я не заметил его, и я только сегодня совершенно случайно нашел его и вспомнил обычай. Я был тронут. У них такое поверие, что если бы я, найдя, съел это печенье один, то это значило бы, что я опять вернусь к ней» (Гарин-Михайловский 1988, с. 215–216).

Картины гавайской жизни привлекают Гарина своим динамизмом, своей карнавальностью, живостью и сочностью ярких красок. «Приятно увидеть опять землю, а тем более такой исключительно счастливый уголок вечной весны, как Гонолулу. То, о чем читал только, что снилось, может быть, вечная весна, вечное тепло, то я вижу теперь собственными глазами. Великолепные пальмы, ананасы, бананы... Весь в зелени тропической растительности тонет плоский берег Гонолулу. Там, на берегу, стоит толпа в самых легких костюмах: лица смуглые, загорелые. Вот бронзовое лицо малайца, вот черное негра, оливковое испанца, метиса, японца. Вот веселая свадебная группа местных колонистов: веселые, крикливые, сухие, длинноногие, все увитые гирляндами цветов. Яркая, пестрая картинка юга в блеске радостного южного утра земли» (Гарин-Михайловский 1988, с. 218).

Писатель Гарин, имевший дальневосточный опыт собирания, обработки и публикации корейских сказок, и тут, на Гавайях, восприимчив к легендарному прошлому островов, к архетипам мифологического сознания местного населения, к событиям мистического и обрядового характера. Вот он пишет об одном из таких случаев: «Вот красивое лицо молодой малайки, – это дочь одного из Каракао, бросившаяся в кратер в начале нынешнего столетия. Тогда был страшный голод,

и жрецы требовали человеческой жертвы, и, чтобы спасти свою родину, она бросилась в вулкан. Память народная навсегда увековечила ее, – дух ее считается покровительницей всех этих островов. Я опять подхожу к картине здешнего громаднейшего в мире вулкана. Он имеет в окружности несколько миль, и в период сильных извержений от него течет огненная река в Тихий океан» (Гарин-Михайловский 1988, с. 219).

Гарина-Михайловского, рационально мыслящего инженера-практика и одновременно неисправимого мечтателя, поражает знакомство с Америкой, ее богатством и технической вооруженностью. Вот он стоит на калифорнийском берегу, продуваемый тихоокеанскими ветрами, вот несется в пульмановском вагоне трансконтинентального поезда Сан-Франциско – Нью-Йорк, жадно присматриваясь и к людям, и к устройству социальной жизни, и к техническим подробностям машинной цивилизации. Инженер-путеец Н.Г.Михайловский, чья жизнь была самым теснейшим образом связана с масштабным строительством российской Транссибирской магистрали, здесь, на другом континенте, с особым любопытством и некоторой ревностью присматривается к американской трансконтинентальной железной дороге, связывающей берега двух океанов.

«Мы мчимся со скоростью 90 верст в час через всю Америку в Нью-Йорк. Шесть дней пути, но как облегчен переезд! Вагоны, о которых мы и понятия не имеем по роскоши и удобствам. С моей точки зрения, прямо безумная роскошь. Штофная мебель, атлас, шелк, бронзы, инкрустации, хрусталь. Библиотека, читальная, курильная, парикмахерская, разговорная, вагон-столовая. Громадный вагон, каждое утро сменяющийся новым, с новым рестораном, новой кухней, новыми блюдами. Я вспоминаю наш бедный сибирский поезд, все с тем же воздухом, закусками и блюдами от Москвы и до Иркутска – от испарений одного пива противно войти в наш вагон-столовую» (Гарин-Михайловский 1988, с. 236).

«Вокруг света» – очерк. Выбор жанра неслучаен. У этого жанра есть свои возможности для фиксации мимолетных впечатлений и своеобразной социальной диагностики. Об очерке существует серьезная теоретическая литература (Михельсон 1974; Маслова 1980; Скибина 2009). *Склонность к очеркизму* вообще была главной особенностью художественной ориентации Гарина-Михайловского. «Несколько лет в деревне», «Деревенские панорамы», «В сутолоке провинциальной жизни» – это все не что иное, как развернутые очерки. А написанные Н. Гариным «Картинки Вольни», «Карандашом с природы. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света» по жанро-

вой принадлежности следует отнести к *путевым очеркам*. Надо заметить, в русской литературе второй половины XIX века очерк был чрезвычайно популярным жанром. Кто только ни обращался к этому жанру! М.Е. Салтыков-Щедрин, С.Я. Елпатьевский, П.В. Засодимский, Н.Н. Златовратский, Н.К. Михайловский, Н.Е. Каронин-Петропавловский, В.Г. Короленко, Н.Г. Гарин-Михайловский, этот авторский ряд впечатляет своей немалой протяженностью.

Очерк «Вокруг света» представляет собой отнюдь не праздные путевые заметки любопытствующего туриста. Очерк написан с оглядкой на российскую действительность, сопоставление жизненных укладов имеет явно выраженную практическую направленность. В американской хозяйственной жизни он видит отсутствие тех досадных преград, которые характерны для российского типа ведения предпринимательской деятельности. В тексте есть социально-экономические рассуждения, даже статистические выкладки. Конечно, писатель видит и позитивные, и теневые стороны стремительного технического прогресса. Так, Гарина оттолкнула картина чикагских боен.

«А вот и Чикаго. Между двумя поездами мы успеваем осмотреть знаменитые здесь бойни, на которых ежедневно убивают несколько тысяч крупного скота и до 15 тысяч свиней; бойни устроены за городом, их окружают изгороди, и в них множество скота всякого сорта и вида. <...> Так отвратительно впечатление от всего этого, от ужасного запаха, что долго еще после того смотришь на все с точки зрения этих боен, этого равнодушия, этой вереницы движущихся мертвых белых трупов, а в центре их – фигура, распространяющая всюду эту смерть, вся в белом, спокойная и удовлетворенная, с длинным острым ножом» (Гарин-Михайловский 1988, с. 239–240).

Автор очерка пишет о поразительной ограниченности человека, упоенного богатством и одержимого идеей безостановочного накопления. Модель такого человека формирует реклама, газеты, общественные институты.

Разбираясь в своих противоречивых впечатлениях от Америки, Н.Г. Гарин-Михайловский порой активно спорит с самим собой: «Можно говорить, что ... в Америке много денег, но мало поэзии, мало искусства, нет вчерашнего дня; что американец – человек без тени, которая не успела еще вырасти... И, несомненно, известная ремесленность чувствуется и шокирует, скучно за прошлым, и мало философии у этих деловых людей. Но все это кажущееся и второстепенное в сравнении с тем, что уже есть; и то, что есть, красноречиво говорит, что и остальное так же пышно и быстро расцветет, как уже расцвели здесь общественная жизнь, свобода женщин и мужчин, как расцвели техника и экономическое благосостоя-

ние этой великой страны» (Гарин-Михайловский 1988, с. 242).

Америка привлекает писателя своей деловитостью, умением без излишней суеты поддерживать высокие темпы преобразований. Кстати, не случайно американские образы и соотнесения часто использовались для чисто российских сопоставлений. Так, Самару, сообразуясь с такой логикой, называли «*русским Чикаго*», имея в виду как раз высокий темп ее развития в конце XIX века. Наверное, вполне закономерно свое стихотворение об исторической будущности России А.Блок называет «Новая Америка». Америка всегда удивляла русских писателей, удивляла, привлекала и одновременно порой отталкивала. Как отметил однажды художник Мартирос Сарьян, способность удивляться – один из величайших даров, которым наградила человека природа. Таким чувством многогранного удивления был наполнен цикл очерков Владимира Маяковского «Мое открытие Америки», который создавался в 1925–1926 годах. Очерки не претендуют на исчерпывающую полноту. Это скорее текст-пунктир, но его парадоксально-яркие и точные строки позволяют воочию представить облик Мексики и Северо-Американских Соединенных Штатов тех лет. Удивление, которое испытывает поэт, имеет разные источники и разную эмоциональную окраску. Выдающиеся технологические достижения Штатов вызывают у поэта, столь открытого будущему, и удивление, и интерес, и творческое приятие. Увиденные сцены социального и расового неравенства, напротив, добавляют к удивлению эмоцию вполне объяснимого гнева.

В путевых очерках Н. Гарина-Михайловского мы наблюдаем реализацию *двойной повествовательной оптики*. С одной стороны, внешний мир оценивает рационально мыслящий инженер-прагматик, а, с другой стороны, красотой далеких, весьма экзотических пространств с их первозданной природой любителю искусства, имеющий развитый эстетический и творческую способность удивляться. В цикле очерков «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» мы находим отражение такой двойной оптики. «Заведуя в этом районе участком сибирских изысканий, я навлек на себя тогда гнев томских газет за то, что провёл магистраль не через Томск, ограничившись веткой к нему. Но дело в том, что ветка вышла короче удлинения магистрали, если бы она прошла через Томск. При таких условиях, принимая во внимание транзитное значение Сибирской дороги, не было никаких оснований заставлять пробегать транзитные грузы лишних сто двадцать – сто пятьдесят верст. Основное правило идеальной дороги – кратчайшее расстояние и минимальные уклоны. В этом отношении – образец, как это ни странно, наша первая Николаевская желез-

ная дорога. Затем мы точно разучились строить, и Московско-Казанское общество дошло в этом отношении до обратного идеала, умудрившись накрутить между Москвой и Казанью лишних двести верст. <...> Но ближе к сухим пригоркам попадаетесь поразительной красоты лес, ушедший вершинами далеко в небо. Желтые стволы сосен, там вверху заломившие, как руки, свои ветви. Нежная лиственница с своим серебряным, стройным стволом. Могучий кедр темно-зеленый, пушистый. Целая куртина нарядных кедров: больших, стройно поднявшихся кверху, маленьких, как дети, окружившие своих отцов. Между ними сочная мурава, и яркие солнечные пятна на ней, и аромат, настой аромата в неподвижном, млеющем воздухе. Поднимешь голову и, где-то там, вверху, в беспредельной высоте, видишь над собой кусочек яркого голубого неба. Все притихло и спит в веселом дне. Но треск ветки гулким эхом разбудит вдруг праздничную тишину, и проснется все: какой-то зверек прощмыгнет, отзовется редкая птица, а то, ломая сухие побеги, прокатит и сам хозяин здешних мест – косолапый, проворный и громадный мишка» (Гарин-Михайловский 1988, с. 265–266).

Мы видим, как чисто технические деловые рассуждения уступают место поэтическому любованию открывающейся пространственной перспективой. Наверное, такая поэтическая жилка помогала Н. Гарину-Михайловскому не только в литературных начинаниях, но и в инженерной деятельности. Любое творчество – и художественное, и техническое – невозможно без чувства прекрасного. А Николай Георгиевич этим чувством обладал сполна. И конечно, творчество невозможно без фантазии. Об этой склонности к творческой фантазии писал А.И. Куприн в своем мемуарном очерке о Н. Гарине-Михайловском: «В эту пору Николай Георгиевич был занят изысканием для постройки электрической железной дороги через весь Крымский полуостров от Севастополя до Симферополя через Ялту. Этот огромный план давно уже привлекал внимание инженеров, но никогда не выходил из области мечтаний. Михайловский первый вдохнул в него живую душу и по чести может быть назван его отцом и инициатором. Он нередко говорил своим знакомым, полушутя-полусерьезно, о том, что постройка этой дороги будет для него лучшим посмертным памятником и что два лишь дела он хотел бы видеть при своей жизни оконченными: это – электрический путь по Крыму и повесть «Инженеры». Но – увы! – первое начинание было прекращено внезапной вспышкой японской войны, а второе – смертью. Каким он был инженером-строителем, я не знаю. Но специалисты уверяют, что лучшего изыскателя и инициатора – более находчивого, изобретательного и остро-

умного – трудно себе представить. Его деловые проекты и предложения всегда отличались пламенной сказочной фантазией, которую одинаково трудно было как исчерпать, так и привести в исполнение. Он мечтал украсить путь своей железной дороги гrotами, замками, башнями, постройками в мавританском стиле, арками и водопадами, хотел извлечь электрическую энергию из исторической Черной речки и действительно думал создать беспримерный волшебный памятник из простого коммерческого предприятия» (Гарин-Михайловский 1988, с. 521).

Заключение

Н.Г. Гарин-Михайловский своими путевыми очерками, несомненно, обогатил корпус текстов отечественной *литературной метагеографии*, и без этой странички наше знание большого мира, находящегося вне «сутолоки провинциальной жизни», было бы неполным.

История литературы убеждает нас в том, что, постигая чужеземные пространства, писатель на самом деле очень часто торит дорогу к самому себе, ведь любое путешествие – это сложный, порой рискованный и мучительный *путь к себе истинному*, поэтапное восхождение к верховным авторитетным инстанциям, составляющим нравственный мир Личности. И духовное пространство человека, и пространство внешнего по отношению к человеку мира (то есть пространство города, страны, континента, целой планеты!) и, наконец, пространство Культуры со всеми ее высями и глубинами являют сообщающиеся между собой сферы. Поэтому путевой очерк в конкретной художественной практике того или иного писателя порой сближается и с автобиографическими жанрами.

Библиографический список

- Гарин-Михайловский Н.Г. Проза. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст. и ком. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. Москва: Правда, 1988. 576 с.
- Гордович К.Д. Н.Г. Гарин-Михайловский: Личность и творчество. Санкт-Петербург: Издательство «Петроний», 2014. 312 с.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. Москва: Аграф, 2004. 512 с.
- Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. Москва, 1980.
- Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону, 1974.
- Скибина О.М. Жанр путевого очерка на страницах периодики 80-90-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 6.

Розанов В.В. Русский Нил // Новый мир. 1989. № 7. С. 188–231.

Тынянова Л.Н. Неукротимый Гарин. Москва: Дет. лит., 1974. 143 с.

Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 238 с.

References

Garin-Mihajlovskij, N.G. (1988), *Prose. Memoirs of contemporaries*, Comp., intro. art. and com. G.M. Mironov and L.G. Mironov, Pravda, Moscow, Russia.

Gordovich, K.D. (2014), *N.G. Garin-Mikhailovsky: Personality and creativity*, Izdatel'stvo «Petronij», St. Petersburg, Russia.

Zamjatin, D.N. (2004), *Metageography: The space of images and images of space. Dmitry Zamyatin*, Agraf, Moscow, Russia.

Maslova, N.M. (1980), *Travel essay: problems of genre*, Moscow, Russia.

Mihel'son, V.A. (1974), *"Journey" in Russian literature*, Rostov n/D, Russia.

Skibina, O.M. (2009), Genre of travel essay on the pages of periodicals of the 80-90s of the XIX century, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Serija 10, Zhurnalistika, no. 6.

Rozanov, V.V. (1989), Russian Nile, *Novyj mir*, no. 7, pp. 188–231.

Tynjanova, L.N. (1974), *Indomitable Garin*, Det. lit., Moscow, Russia.

Yudina, I.M. (1969), *N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and Social Activity*, AN SSSR, Institut ruskoj literatury (Pushkinskij dom), Nauka. Leningr. otd-nie, Leningrad, Russia.

Submitted: 21.04.2022

Revised: 06.06.2022

Accepted: 17.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-69-77

Дата поступления: 21.04.2022
рецензирования: 06.06.2022
принятия: 17.06.2022

Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: largenn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

В.Н. Иванова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tigrel@ya.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6463-1763>

**«Орхидея» Н. Г. Гарина-Михайловского:
особенности коммуникативных стратегий драматурга**

Аннотация: авторы статьи обращаются к писательскому наследию Н.Г. Гарина-Михайловского, сочинителя, работавшего в самых разных жанрах: от сказки до повести, от рассказа до драмы. Драматургия писателя остается теоретически крайне малоизученной, хотя она вбирает в себя ряд знаковых особенностей, отражающих развитие драмы рубежа XIX-XX веков, в текстах Гарина видны изменения драматического языка. В статье дается краткая характеристика драматургии Н.Г. Гарина и подробно анализируется его пьеса «Орхидея». Интерес исследователей сосредоточен на организации авторского взаимодействия с читателем/зрителем и на отдельных особенностях поэтики драмы, дающих возможность сопоставить пьесу Гарина с новодраматической эстетикой. В методологическом плане авторы опираются на коммуникативную теорию и историческую поэтику. Эмпирическим материалом является текст пьес Н.Г. Гарина-Михайловского. Как источник фактического материала используется пятитомное собрание сочинений автора, выпущенное Гослитиздатом в 1957–58 гг. Среди научных результатов работы: систематический анализ пьесы Гарина-Михайловского, описание авторских стратегий взаимодействия с читателем/зрителем, выявление структуры центральных образов и ключевых сцен в драматическом действии. По своей внутренней природе пьеса «Орхидея» является своего рода драматизированным психологическим исследованием с новым типом драматического героя, с чертами эпической драмы, с особой «литературностью», которую отмечала современная Гарину критика.

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; драма рубежа веков; новая драма; авторские стратегии; ремарка.

Цитирование: Тютелова Л.Г., Иванова В.Н. «Орхидея» Н.Г. Гарина-Михайловского: особенности коммуникативных стратегий драматурга // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 69–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-69-77>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Тютелова Л.Г., 2022 – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Иванова В.Н., 2022 – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.G. Tyutelova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: largenn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

V.N. Ivanova

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: tigrel@ya.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6463-1763>

“Orchid” by N.G. Garin-Mikhailovsky: features of the playwright’s communicative strategies

Abstract: the authors of the article analyze the literary heritage of N.G. Garin-Mikhailovsky, a writer who has worked in a variety of genres – from a fairy tale to story, from a story to drama. The writer’s dramaturgy characterizes by a relatively low percentage rate of coverage studies on the theoretical level, although it comprises a number of significant features that reflect the drama development at the turn of the 19th-20th centuries – the changes in the dramatic language may be pointed out in Garin’s texts. The article gives a brief description of N.G. Garin’s dramaturgy, and his play “Orchid” is analyzed in detail. The interest of researchers is focused on the organization of the author’s interaction with the reader / viewer and on the certain features of the drama poetics, which make it possible to compare Garin’s play with neo-dramatic aesthetics. Methodologically, the authors rely on the communicative theory and historical poetics. The empirical material is the text of N.G. Garin-Mikhailovsky. As a source of factual material, five-volume collected works of the author, published by Goslitizdat Publishing House in 1957–1958, have been used. Among the scientific results of the work the authors point out systematic analysis of the play by Garin-Mikhailovsky, description of the author’s strategies for interacting with the reader / viewer, revealing the structure of central images and key scenes in a dramatic action. In accordance with its inner nature, the play “Orchid” is a kind of dramatized psychological research with a new type of dramatic protagonist, bearing the features of the epic drama with a special “literary quality”, which has been noted by the contemporary reviews relating to the Garin-Mikhailovsky times.

Key words: N.G. Garin-Mikhailovsky; turn-of-the-century drama; new drama (modern drama); the author’s strategies; remark.

Citation: Tyutelova, L.G. and Ivanova, V.N. (2022), “Orchid” by N.G. Garin-Mikhailovsky: features of the playwright’s communicative strategies, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 69–77, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-69-77>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Tyutelova L.G., 2022 – D.Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Chair of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Ivanova V.N., 2022 – Assistant of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

170 лет отмечается в текущем году со дня рождения русского писателя, инженера и путешественника Николая Георгиевича Гарина-Михайловского. Как любая неординарная личность своего времени, он оставил значительный вклад во всех областях, которыми интересовалась его деятельная натура: блестящий инженер железных дорог, помещик, намеревающийся создать образцовое хозяйство, писатель, пробующий себя во всех литературных жанрах, путешественник и исследователь, скрупулезно фиксирующий свои наблюдения в области этнографии и географии посещенных им стран, публицист.

Н. Гарин не стал «писателем первого эшелона», однако его вклад в литературу русского реализма и модернизма представляется довольно значительным, и в его творчестве проявили себя многие веяния эпохи, в которой он жил. В связи с отсутствием систематических исследований дра-

матургии Н. Гарина актуально вписать его творчество в указанной области в контекст достижений и открытий рубежа веков.

Постановка проблемы

Драматургия Н. Гарина представлена пятью текстами: «В медвежьих углах» («Жонглеры чести», 1890-е гг.), «Орхидея» (1898), «Зора» (1900–1906–1909), «Деревенская драма» (1903–1904), «Подростки» (1907). Только две из этих пьес были включены в собрание сочинений в 5 томах 1958 года.

Пьеса с двойным названием («В медвежьих углах» – «Жонглеры чести») так и не была опубликована. Драма «Орхидея» в четырех действиях и пяти картинах – крупное полотно, неоднократно подвергавшееся редактуре автора. «Зора» – пьеса, состоящая из пролога и двух действий, единственная имеет активную сценическую жизнь: драма была несколько раз переведена на чувашский

язык, вошла в страницы национальной чувашской драмы, была экранизирована. «Деревенская драма» (в четырех действиях) свой сюжет по признанию автора берет из действительности. Одноактный драматический этюд «Подростки» также срисован Гариным с конкретной жизненной ситуации, но это уже история его семьи.

Стоит отметить, что творчество Н.Г. Гарина-Михайловского попадает в поле зрения исследователей скорее в конкретных тематических областях. Первая из них – детство и мир ребенка в литературе (см. работы С.В. Бурдиной и О.А. Мокрушиной (Бурдина, Мокрушина 2014), К.А. Выборновой (Выборнова 2010), статьи и диссертационное исследование В.Н. Ханина (Ханин 1998, 2000)), тексты Гарина попадают и в поле зрения лингвистов как материал для анализа семантического и лингвокультурологического аспектов языковой картины мира ребенка (см. монографию В.В. Сальниковой (Сальникова 2015)). Близкой предыдущей, но все же самостоятельной темой, в связи с которой исследователи интересуются творчеством Гарина, является автобиографичность в художественной прозе (см. статьи и диссертационное исследование М.А. Крыловой (Крылова 1998, 1999, 2000), монографию Л.Н. Савиной (Савина 2002)). Отмечается особый взгляд писателя на провинцию и провинциальное: будучи личностью столичных масштабов, Н.Г. Гарин-Михайловский фиксирует свои наблюдения о той среде, в которой оказывается в разные периоды своей жизни и деятельности. В серии самарских очерков он напрямую говорит о провинциальном – «В сутолоке провинциальной жизни» (см. работу А.В. Жестковой (Жесткова 2011)). Его творчество становится материалом для иллюстраций образа российского дворянства и его устремлений (см. статьи С.В. Смахниной (Смахтина 2005), Ю.Д. Кузина (Кузин 2005)). Целый ряд работ посвящен исследованию инационального в русской литературе и в творчестве Гарина (см. статьи Н.И. Степановой (Степанова 2015), Л.Н. Сарбаш (Сарбаш 2013), Е.А. Ключковой (Ключкова 2019)).

Драматургия Гарина оказывается вовсе мало исследованной (см. работу Л.Н. Сарбаш (Сарбаш 2020)). Однако она весьма показательна в контексте новых явлений рубежа веков в области драмы (см. об это подробнее в работах Л.Г. Тютеловой (Тютелова 2015), Mary Luckhurst (Luckhurst 2019), David Krasner (Krasner 2012)).

Пьесы Гариным написаны тогда, когда становится очевиден кризис драмы и театра и идут поиски новой драматической формы. В частности, в тесной связи с создателями Московского Художественного Театра (МХТ) развивается театр А.П. Чехова как самого яркого представителя «новой драмы» в России и в мире.

По замечанию Б.И. Зингермана, «авторы новой драмы оказались в положении обоюдоостром: они борются с ремесленными штампами современной «хорошо сделанной пьесы» и противопоставляют свои произведения всей индивидуалистической ренессансной театральной системе, полагая, что она не соответствует больше современной жизни» (Зингерман 1979, с. 12). В итоге формируется представление о новом драматическом герое, действии, рассматриваемых драмой коллизиях. И, что важно для современной драматической теории, о новых законах художественной коммуникации.

Драматург организует диалогическое взаимодействие с читателем/зрителем посредством героя (если это образ личности) или драматической картины как отражения особенностей авторского видения мира без непосредственного диалога с героем как носителем индивидуальной точки зрения. Это взаимодействие предполагает большую активность читателя. Во многом от его способности видеть и оценивать увиденное, а также умения вступать в диалог с «другим» зависит «завершенность» драматической картины как целостной. Собственно, эта особенность новой драмы и породила режиссерский театр, в котором театральный текст является результатом диалога режиссера с автором литературного текста.

Пьесы Гарина-Михайловского как новодраматические не рассматриваются. При этом важно понять, насколько изменения драматического языка оказывают влияние на творчество писателей, которые не считают себя театральными авторами, но их творчество способно показать общие тенденции развития литературы своего времени.

Ход исследования

Первый драматургический опыт Гарина, так и оставшийся в черновых набросках, как свидетельствуют биографы, создавался во второй половине 90-х годов. Уже в этом опыте писателя можно обнаружить идеи и устремления, которые будут волновать Гарина и в его зрелой прозе, и в драме. Для главного героя пьесы – инженера Холмского – крайне важны его идеалы: практическая деятельность, уважение к человеку, разумная и культурная работа на благо общества, страны, однако, сталкиваясь с «жонглерами чести», с их подлостью и пошлостью, герой терпит поражение. Однако он может только просить «главного суда всего русского общества» и тщетно звать к общественному мнению, как описывают этот драматургический опыт писателя Г.М. и Л.Г. Мироновы во вступительной статье к изданию прозы Гарина-Михайловского (Миронов и Миронов 1988, с. 14). Уже здесь Гарина серьезно волнует тема окружающего мира и общества: тема ответственности человека за свою деятельность и гражданскую позицию, его противостояние обществу.

Но мы остановимся на пьесе, которая, с нашей точки зрения, и соответствует времени, когда она создана, и говорит о Гарине-драматурге – на «Орхидее». Она написана в 1898 году, когда уже содана «Чайка» А.П. Чехова.

В «Орхидее» автор вступает в диалог с читателем уже с помощью афиши. Оговоримся заранее: будем считать, что афиша и ремарки оформляют речь так называемого «ремарочного субъекта». В тексте драмы он является аналогом повествователя в эпическом тексте и позволяет автору при необходимости и возможности организовать диалогические отношения с читателем и героем одновременно.

В афише «Орхидеи» отмечены характеристики действующих лиц, которые даются с позиции, с одной стороны, всеведущего автора, с другой – стороннего наблюдателя, который ориентируется на собственный личностный опыт понимания «другого». Как всезнающий автор, он называет возраст нескольких персонажей: Натальи Алексеевны Рославлевой, Бориса Павловича Беклемишева и Марии Васильевны Беклемишевой. Но уже при представлении Александра Сергеевича Зорина указывается, что ему лет 50. И об остальных героях предлагается судить по платью, фигуре. Указывая на вероятностные характеристики персонажей, автор создает условия для возникновения диалога читателя с собой и героем.

О Наталье Алексеевне Рославлевой ремарка сообщает, что она «одевается по моде». И далее на ее туалеты Гарин обращает особое внимание: за первое действие она переодевается два раза, в третьем действии есть указание, что она «одета просто» и с простой прической, а в четвертом действии сама Рославлева будет обращать внимание Беклемишева на то, что на премьеру его пьесы она пришла в платье, которое было на ней в момент их знакомства.

Вероятно, деталь – описание особенностей гардероба героини – должна указать читателю на ее статус дамы полусвета. Рославлева сбежала от мужа, живет в богемной среде, общается с литераторами, которые часто бывают в ее доме: среди персонажей мы видим Александра Сергеевича Зорина – уже пожилого литератора, Бориса Павловича Беклемишева – литератора 32 лет. Есть еще и Владислав Игнатьевич Босницкий, который ведет себя в доме Рославлевой на правах хозяина и в разговоре с Зориным признается, что познакомил Наталью Алексеевну с Беклемишевым специально: «Немного больше психологии женской души ему, художнику, не помешает» – с одной стороны и «нет времени, нет денег, чтобы поспевать за всеми ее сумасбродствами» (Гарин-Михайловский 1958, с. 600) – с другой.

Босницкий представлен в афише как мужчина «средних лет, высокий, худой, неопределенной

профессии, с эффектными жестами, подвижным лицом, мимикой которого подчеркивает свою речь».

Князь – имя не указано – «студент-белоподкладочник», влюбленный в Рославлеву, – фигура шутовского характера: появляется там, где его не ждут, выгнать его оказывается чрезвычайно сложно (то придет не вовремя, то забудет головной убор, то придет нетрезвым), но при этом он одержим спасением своей возлюбленной и устремлен «открыть ей глаза» на ее жизненную ситуацию.

Семья Беклемишевых – супруги Борис Павлович и Мария Васильевна и двое детей (мальчик 5 лет и девочка 2 лет). В афише подчеркнута, что жена Беклемишева «интеллигентная особа», она и ведет себя почти всегда сообразно своему статусу и старательно исполняет роль идеальной жены.

Санин, в афише «зять Беклемишева», что подчеркивает попытку Гарина все же объединить распадающуюся семью. Алферьев – «бедно одетый студент», тоже, вероятно, влюбленный в Рославлеву, но осознающий свою несостоятельность в этом, оказывается в роли посыльного и помощника в издании пьесы Беклемишева.

Ту же стратегию «включения» читателя в диалог выбирает Гарин и в своих ремарках. Уже в первом действии ремарка представляет место действия («Богатая приемная в большом отделении при гостинице. Посреди накрытый стол. На столе самовар, кофейный прибор» (Гарин-Михайловский 1958, с. 591)) и перемещает читателя в пространство героя, минимально комментируя его особенности. Гарин фиксирует только важные для действия детали и называет тип помещения, которое читателю нужно представить самому («Столовая Беклемишевых в Петергофе. Открыта дверь в детскую» (Гарин-Михайловский 1958, с. 615)), «Сцена представляет заднюю сторону кулис» (Гарин-Михайловский 1958, с. 631)).

Важна и еще одна особенность ремарки: она показывает, что действие пьесы будет разворачиваться в бытовом пространстве, вполне в традициях психологической драмы XIX века, и, скорее всего, будет связано с обыденным течением жизни. Поэтому появляется предупреждение, что между первым и вторым действием проходит шесть месяцев, между третьим и четвертым – три.

Гарин нарушает законы традиционалистской драмы с ее единством действия, основанном на единстве и сущностной целостности изображенного события. Тем не менее, действие строится по линии судьбы одного персонажа (об этом говорит и название пьесы), представленной ее отдельными эпизодами. Гарин не принимает предложенный А.П. Чеховым закон децентрализации действия драмы, который позволяет со всей очевидностью читателю/зрителю увидеть не драму

в жизни, а драму самой жизни. А еще он членит действие на явления, что в случае организации сцен или картин (как у А.Н. Островского или А.П. Чехова) уже перестает быть актуальным. Но стоит отметить, что возникающие между действиями большие временные паузы расставляют эпизоды, отчасти изолируют их. И это позволяет читателю рассматривать их как завершенные картины, не сливающиеся в поток постоянно развивающегося, даже ускоряющегося действия. А потому читатель начинает сопоставлять картины между собой. Это позволяет видеть повторение в судьбах героев (точнее – героинь), в их образах, а не противопоставление их. Так проявляются общие жизненные законы, которые и исследует новая драма.

Эпизоды жизни героинь – это выражение одного и того же образа сомневающейся и несчастной женщины. Непоследовательность и алогичность женского поведения, ее неприспособленность к общественной жизни, способность быть реализованной лишь в узком спектре функций. В первом действии Босницкий упрекает Рославлеву в жестокости по отношению к нему из-за ее радости из-за вести, что Беклемишев раздумал ехать к родным и придет к ней, и иронизирует над «женской благодарностью» (Гарин-Михайловский 1958, с. 594). Зорин обобщает все устремления женщин и их поведение: «Вы, женщины, ведь любите, чтобы вас описывали... Иная на все пойдет: до печати – миленький, голубчик, сделайте надпись, а потом и не кланяется» (Гарин-Михайловский 1958, с. 602). О своей несостоятельности в жизни говорит сама Рославлева: «Вначале я мечтала о подвигах и жертвах, а что вышло из всего этого? Я бросила дом, общество, ушла на курсы. Я не могла поступить на высшие курсы, потому что умела танцевать, ездить верхом, говорить на четырех языках, умела носить парижские платья, но диплома у меня не было» (Гарин-Михайловский 1958, с. 608). «Год была невестой, обещала, совместно было обмануть... Думала, что замужество отворит мне какие-то двери...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 608). О своей жизни после побега от мужа и до встречи с Беклемишевым героиня говорит так: «Я топтала себя, хотела совсем втоптать, задохнуться в грязи <...> Я хотела конца и боялась его до безумия... Я просыпалась, думала о смерти и думала, как бы скорей опять пришла ночь, чтобы напиться и ничего не помнить, чтоб все как-нибудь само собой пришло к роковой развязке... И вместе с тем я делала беспечный вид какой-то львицы...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 610). Делать вид, играть, изображать, лгать – только это остается делать героине.

Сходной оказывается и ситуация Марии Васильевны, что видно в начале второго действия. Она старается никак не реагировать на издевательские

намекы о возможных интригах Беклемишева и почти прямые оскорбления в адрес женского пола от Зорина: «...русские мужчины честнее, что у них нет, как у французов, потребности в женской грации, ласке, потребности обладания, – но полагаться на это все-таки не советую... Тем более – импрессионист... Вы не ревнивы, конечно», «Вы ведь думаете, что ваше образование делает вас совсем другим человеком...», «Но случись вдруг, что мой Боря перестал быть моим: куда полетит и бог, и гений, и общественный деятель!», «Нет ведь консервативнее элемента, как ваш брат – женщина» (Гарин-Михайловский 1958, с. 616–618).

Объясняются в любви женщины почти одинаково. В первом действии Рославлева просит быть с ней «до могилы», обещает быть «до могилы работой» (Гарин-Михайловский 1958, с. 612–613). Жена Беклемишева, узнав когда-то об интрижке мужа, «поняла все, но просто организм не вынес, и она год была между жизнью и смертью» (Гарин-Михайловский 1958, с. 613), о чем сообщает Беклемишев Рославлевой. А во втором действии метафору могилы использует уже Беклемишева: «Так и до могилы, конечно, не подниму...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 621) в ответ на реплику мужа о том, что она одна до сих пор не поднимала оружия против него и ни в чем его не упрекала, не подозревала.

Каждая из женщин одинаково страдает, ни одна из них не может делить с кем-то любимого человека, но они не представлены как соперницы, не противопоставлены друг другу – они как одно любящее и страдающее существо в двух лицах, направленных к третьему лицу – Беклемишеву, который ничего не предпринимает и одинаково горячо и сильно привязан к обеим. Более того, Беклемишев, которому, очевидно, необходимо совершить выбор, так и не делает его: за него все решает сама ситуация: когда Мария Васильевна приходит в дом Рославлевой после театра, Беклемишев бежит за ней, не догоняет, возвращается и снова уходит со словами: «Выбора нет: за ее жизнь я заплачу жизнью» (Гарин-Михайловский 1958, с. 641).

«Диалог» читателя с героем возникает не только благодаря ремарочному субъекту, указывающему на необходимость занять позицию наблюдателя относительно героя, но и благодаря второстепенному персонажу. В частности, первое действие открывается словами Лакея. Он говорит с самим собой и для самого себя, поскольку Гарин использует так называемую «четвертую стену» в драме, не предполагающую прямого диалога с залом: «В деревне рассказать, так и не поверят: "тыщи" летят... Это вот хоть понял, значит, человек, зачем он жить на землю пришел... Деньги есть – все возможно... Мужа побоку спустила, каждый день нового молодца... А уж нашему бра-

ту на водку никто во всей гостинице больше не дает» (Гарин-Михайловский 1958, с. 591–592).

Возникает субъективный портрет героя, автор предлагает читателю сопоставить его с афишным «портретом» персонажа. Так становится понятна работа автора с образом: читателю предстоит увидеть множество его версий, принадлежащих разным субъектам, и на их основании, и на основании собственного видения того, что происходит с героем, понять, кто есть кто, и дать ему свою оценку.

Так, например, возникает множество версий того, кто такая Наталья Алексеевна:

Князь. «Сами знаете: пьете – всякого пьяницу за пояс заткнете, все ночи в оргиях, меняете любовников» (Гарин-Михайловский 1958, с. 596).

Босницкий называет Рославлеву «самостоятельной женщиной», а Князь – ребенком. На Беклемишева она тоже производит «впечатление ребенка, заблудившегося, который мечется, судорожно плачет от страха, от ужаса, оттого, что нет около нее тех, кого она хочет любить» (Гарин-Михайловский 1958, с. 612). Санин характеризует ее как женщину, способную иссушить мозг, тело и разбивать жизни, а в последнем действии Босницкий назовет ее орхидеей с корнями в сердце любимого человека.

И с помощью своих же персонажей Гарин указывает читателю, что доверять суждениям персонажей нельзя. Например, в разговоре с Рославлевой Босницкий указывает ей, что ее портрет, созданный Князем, не достоверен: «Охота вам обращать внимание на слова человека с приросшими мозгами...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 597).

Дело не только в недостоверности. С самого начала Гарин показывает, что герои сосредоточены на своих собственных мыслях и проблемах. Чтобы не было скандалов и никто никого не скомпрометировал перед обществом, нужно сохранять приличия, не ссориться. Поэтому во втором действии пьесы Беклемишевой приходится принять приехавшего к ней Зорина, которому ни она, ни ее сын не рады: сын раздраженно просит «не водить дядю Зорина к нему», а сама она говорит с горечью. Героиня вынуждена «овладевать собой», чтобы быть приветливой, рассеянно переспрашивает значение слов, которые ради красивых метафор использует пожилой литератор.

А в первом действии Наталья Алексеевна сохраняет видимость отношений с Князем, но это вынужденное общение. Ее реплики звучат как направленные не на конкретного собеседника («Рославлева (садится в кресло, упрямо, равнодушно, ни к кому не обращаясь). Терпеть не могу сидеть далеко от сцены. (Смотрит в камин.)») (Гарин-Михайловский 1958, с. 599).

Откровенными герои могут быть только с самыми близкими. Гарин сохраняет большие мо-

нологи героя, как, например, признание Рославлевой, рассказывающей о своей жизни в первом действии пьесы. При этом важно, что, с одной стороны, монолог героя – свидетельство того, что есть герой, только он сам может о себе сказать (так было, например, в драме И.С. Тургенева еще 40-х годов XIX века). Но, с другой стороны, уже в «Иванове» А.П. Чехова было показано, что рубежное время не дает герою возможности не только сориентироваться в пространстве жизни, но и разобраться в себе самом. Отсюда признания героя – это только его версия собственной судьбы, часто опровергаемая его окружением, а в конечном итоге – автором и его читателем. Но герой при этом оказывается искренним, хотя сути себя и ситуации не раскрывает, потому что не может в них разобраться. Как, например, Беклемишев в сцене разговора с женой:

Беклемишев Я люблю тебя, Маня! Ты знаешь это... Могу ли я не любить тебя? Кто создал из меня художника, кто, когда никто, кроме тебя, еще не знал меня?.. Когда я в отчаянье рвал свое писанье, кто плакал, собирал клочки и склеивал их потом? Маня, как то солнце, как та весна прекрасная, так прекрасна ты в моем сердце!.. (Дико.) А-а!!

Беклемишева (бросается к нему). Боря, что с тобой?!

Беклемишев. Но это ужасно, Маня: я не могу жить без тебя, я люблю, люблю тебя, детей... а ты не веришь. (Гарин-Михайловский 1958, с. 624).

В ситуации коммуникативного кризиса (в том числе и в случае диалога с собой как с «другим») Гарин полагает, что герои могут только строить догадки о «другом», в том числе и о самом себе. А в итоге и у читателя появляется задача самому разобраться с героями и обстоятельствами их жизни и выносить им оценки.

Втягивают читателя в диалог с автором и «недоговоренности». Между некоторыми действиями проходит несколько месяцев. И за это время жизнь героев меняется. Но автор не останавливается на том, что произошло. Он только отмечает изменения во внешности героев. Модно одевающаяся и меняющая наряды в первом действии Рославлева потом появляется просто одетая: «Она похудела, одета просто, в капоте, прическа простая, лицо озабоченное, печальное...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 625). В ней ничего не остается от того ребенка, на которого она была похожа, когда «с недовольным лицом» наливала себе «кофе, лениво и рассеянно» пила «его, избалованно, по-детски разламывая печенье» (Гарин-Михайловский 1958, с. 593).

А прилично выглядящий в начале пьесы Князь в финальном действии появляется «грязный, волосы взерошены, один ус вниз, другой вперед, глаза мутные» (Гарин-Михайловский 1958, с.

636). О том, что происходит с персонажами, читатель догадывается самостоятельно.

Интересно, что Гарин оставляет на сцене героя, который сам заявляет о своей роли – роли зрителя. Это Босницкий, который признается: «Во имя чего оставаться? Вы все-таки должны помнить, что если я слишком самолюбив, чтобы насильственно занимать чужое место, то тем менее желаю быть в роли зрителя...» (Гарин-Михайловский 1958, с. 594)

И он предупреждает Рославлеву: «Какая там любовь, герой, когда вся стихия современного человечества – ложь <...> какое геройство во лжи? А бросьте вы эту ложь, и вы уже на дне; поверьте, в том искусство, тот только приспособлен, кто умеет скользить по жизни, не обманываясь ее глубинами» (Гарин-Михайловский 1958, с. 595).

Но это не слова автора, спрятавшегося под маской «другого» и вступившего напрямую в диалог с героем. Это лишь один из вариантов видения судьбы героини и ее самой, поскольку он обусловлен собственными интересами персонажа: Босницкий и сам не против особенной благосклонности к нему Натальи Алексеевны. Человек без определенной деятельности, он почти всегда включен в действие, берет на себя роль кукловода, а своими комментариями даже соотносим с образом гетевского Мефистофеля. Для него жизнь оказывается игрой. Он постоянно демонстрирует свою образованность, осведомленность и знание жизни, но о роде его занятий так и остается ничего не известно.

В итоге у Гарина герой, который со своими волевыми устремлениями двигал традиционное действие, уходит в сторону и превращается в наблюдателя, хотя и старается выглядеть в глазах «другого» основным «игроком» на сцене, который с удовольствием наблюдает за результатами своей игры.

При этом и ремарочный субъект продолжает фиксировать свои наблюдения. Его особое внимание привлекают жесты героя. Также он высказывает, скорее всего, предположение стороннего наблюдателя, ориентирующегося на свой личный опыт, об эмоциональном состоянии героя. Так, в первом действии Рославлева говорит «равнодушно», «радостно», «с злой и в то же время веселой интонацией», «с наслаждением смеется, смотрит, не сводя глаз, с той же злой интонацией», «протягивает ему руку, смущенно» и т.п. Все эти замечания помогают и читателю сориентироваться в происходящем.

Выводы

В конечном итоге читатель, попадающий в мир героев Гарина и во многом самостоятельно разбирающийся в происходящем, открывает для себя и позицию драматурга, и свою собственную. Она

позволяет ему соглашаться или нет с авторской версией героев и событий. Авторское во многом проявляется в итоге действия – в гибели героини – орхидеи. Ее предупреждали, что любовь – это часто ложь, которая ведет к падению в грязь. И героиня в ней оказалась и по своей воле, и не по своей. А потому, вероятно, она ответственна за свою судьбу не меньше, нежели мир. Гарин не прощает ей отступление от законов семьи, но у читателя остается и возможность сочувствия Наталье Алексеевне, к которой, благодаря автору, он приблизился настолько, что может в ней, как в «другом», увидеть и себя.

Источники фактического материала

Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 5. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 720 с.

Библиографический список

Krasner, D. (2012), *A History of Modern Drama*, I, John Wiley & Sons, Ltd., Publication, UK. DOI: <http://doi.org/10.1002/9781444343762>.

Бурдина С.В., Мокрушина О.А. Изображение школы в русской литературе XIX в.: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 2 (26). С. 99–108.

Выборнова К.А. Образ детства в русской мемуарной прозе: стилистические средства передачи «Детского взгляда» на мир // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 3. С. 5–11.

Жесткова А.В. «Провинциальный текст» Н.Г. Гарина-Михайловского (очерки «В сутолоке провинциальной жизни») // Вестник СамГУ. 2011. № 85. С. 199–204.

Зингерман Б.И. Очерки истории драмы 20 века: Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй / Ответст. ред. А.А. Аникст. Москва: Наука, 1979. 392 с.

Клюйкова Е.А. Образы приморских корейцев в русской литературе XIX–XX веков // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 151–155.

Крылова М.А. Деятельностная сущность человека в свете православного учения (по повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Инженеры») // Православие и проблемы воспитания: Матер. VII Рождеств. православно-филос. чтений. Н. Новгород, 2000. С. 319–323.

Крылова М.А. Решение вопроса о жизни и смерти в повести Н. Гарина-Михайловского «Детство Темы» (к пробл. традиций) // Проблема традиций в русской литературе. Н. Новгород, 1998. С. 88–95.

Крылова М.А. Художественное пространство Петербурга в повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Студенты» // Художественный текст и культура: материалы и тез. докл. на междунар. конф., 13–16 мая 1999 г. Владимир, 1999. Вып. 3. С. 186–188.

Кузин Ю.Д. Поиски «Всеобщего вечного счастья» Н.Г. Гарина-Михайловского и идея гуманизма в философии В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2005. № 2 (11). С. 75–86.

Миронов Г.М., Миронов Л.Г. «Да, нет выше счастья, как работать на славу свое и отчизны». Опыт литературного портрета // Н.Г. Гарин-Михайловский. Проза. Воспоминания современников. Москва: Издательство «Правда», 1988. С. 3–20.

Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в.: Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы». Волгоград: Перемена, 2002. 282 с.

Сальникова В.В. Репрезентация языковой картины мира ребёнка в русской автобиографической прозе (на материале повестей С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.Н. Толстого, В.П. Астафьева): Монография. СПб: ООО «Свое издательство», 2015. 266 с.

Сарбаш Л.Н. «Инонациональное» в русской литературе XIX века: чуваша в творчестве Н.С. Лескова и Н.Г. Гарина-Михайловского // Филология и человек. 2013. № 1. С. 32–41.

Сарбаш Л.Н. Концепт «Природа» в драме Н.Г. Гарина-Михайловского «Зора» // Вестник Марийского государственного университета. 2020. № 3 (39). С. 373–378. DOI: <http://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-3-373-378>.

Смахтина М.В. Воспитание ненависти: образ российского дворянства в произведениях художественной литературы XIX в. // Вестник РУДН. История России. 2005. № 4. С. 44–52.

Степанова Н.И. Чувашский этнос как объект исследования в русской публицистике XIX века // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2015. № 2 (86). С. 107–113.

Тютелова Л.Г. «Новая драма» в контексте проблем современной поэтики // MIRGOROD: International Journal of Philology. 2015. № 2(6). С. 29–35.

Ханин В.Н. О педагогическом смысле «Семейной хроники» Н.Г. Гарина-Михайловского // Держачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. С. 282–284.

Ханин В.Н. Психосемиотический анализ школьной жизни // Психологический вестник

Уральского государственного университета. [Вып. 1]: Материалы юбил. конф., г. Екатеринбург, 9 сентября 2000 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 86–94.

Luckhurst, M. (2019), *Bridge Essay: Modern Drama: A Multidimensional Live Form of World Literature*, John Wiley & Sons, Ltd. Published. DOI: <http://doi.org/10.1002/9781118635193.ctwl0269>.

References

Krasner, D. (2012), *A History of Modern Drama, I*, John Wiley & Sons, Ltd., Publication, UK, DOI: <http://doi.org/10.1002/9781444343762>.

Burdina, S.V. and Mokrushina, O.A. (2014), The image of the school in Russian literature of the 19th century: main trends, *Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology*, vol. 2, no. 26, pp. 99–108 (In Russ.).

Khanin, V.N. (1998), On the pedagogical meaning of the “Family Chronicle” by N.G. Garin-Mikhailovsky, Dergachev readings – 98, *Russian literature: national development and regional features: materials of the international scientific conference*, pp. 282–284, Ural University Press, Yekaterinburg, Russia (In Russ.).

Khanin, V.N. (2000), Psychosemiotic analysis of school life, *Psychological Bulletin of the Ural State University*, issue 1, pp. 86–94, Bank of Cultural Information, Yekaterinburg, Russia (In Russ.).

Klyuykova, E.A. (2020), Images of Primorye Koreans in Russian Literature of the 19th–20th Centuries, *Socio- and Psycholinguistic Studies*, vol. 8, pp. 151–155 (In Russ.).

Krylova, M.A. (2000), The Activity Essence of Man in the Light of Orthodox Teaching: (According to N.G. Garin-Mikhailovsky's “Engineers”), *Orthodoxy and Problems of Education: Mater. VII Christmas. orthodox-philosophical. Readings*, pp. 319–323, Nizhny Novgorod, Russia (In Russ.).

Krylova, M.A. (1999), The artistic space of St. Petersburg in the story of N.G. Garin-Mikhailovsky “Students”, *Artistic text and culture: Materials and abstract. report to the international Conf.*, issue 3, pp. 186–188, Vladimir, Russia (In Russ.).

Krylova, M.A. (1998), The solution of the question of life and death in the story of N. Garin-Mikhailovsky “Childhood of the Theme”: (On the problems of traditions), *The problem of traditions in Russian literature*, pp. 88–95, Nizhny Novgorod, Russia (In Russ.).

Kuzin, Yu. D. (2005), The search for “Universal eternal happiness” by N. G. Garin-Mikhailovsky and the idea of humanism in the philosophy of V. S. Solovyov, *Soloviev Research*, vol. 2, no. 11, pp. 75–86 (In Russ.).

Luckhurst, M. (2019), *Bridge Essay: Modern Drama: A Multidimensional Live Form of World Litera-*

ture, John Wiley & Sons, Ltd. Published, DOI: <http://doi.org/10.1002/9781118635193.ctwl0269>.

Mironov, G.M. and Mironov, L.G. (1988), "Yes, there is no greater happiness than to work for the glory of one's own and the fatherland". *Experience of a literary portrait, N.G. Garin-Mikhailovsky Prose. Memoirs of contemporaries*, Pravda Publishing House, Moscow, Russia (In Russ.).

Salnikova, V.V. (2015), *Representation of the language picture of the child's world in Russian autobiographical prose (based on the stories of S.T. Aksakov, N.G. Garin-Mikhailovsky, A.N. Tolstoy, V.P. Astafiev)*, Svoye izdatelstvo LLC, St. Petersburg, Russia (In Russ.).

Sarbash, L.N. (2013), "Other-National" in Russian Literature of the 19th Century: Chuvash in the Works of N. S. Leskov and N. G. Garin-Mikhailovsky, *Philology and Man*, vol. 1, pp. 32–41 (In Russ.).

Sarbash, L.N. (2020), The concept of "Nature" in the drama of N.G. Garin-Mikhailovsky "Zora", *Bulletin of the Mari State University*, vol. 3, no. 39, pp. 373–378, DOI: <http://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-3-373-378> (In Russ.).

Savina, L.N. (2002), *The problems and poetics of autobiographical stories about childhood in the second half of the 19th century: L.N. Tolstoy "Childhood", S.T. Aksakov "Childhood of Bagrov-grandson", N.G. Garin-Mikhailovsky "Childhood of Tyoma"*, Change, Volgograd, Russia (In Russ.).

Smakhtina, M.V. (2005), Education of hatred: the image of the Russian nobility in the works of fiction

of the 19th century, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Russian history*, vol. 4, pp. 44–52 (In Russ.).

Stepanova, N.I. (2015), Chuvash ethnos as an object of study in Russian journalism of the 19th century, *Bulletin of the Chechen State Pedagogical University*, vol. 2, no. 86, pp. 107–113 (In Russ.).

Tyutelova, L.G. (2015), "New drama" in the context of the problems of modern poetics, *MIRGOROD: International Journal of Philology*, vol. 2, no. 6, pp. 29–35 (In Russ.).

Vybornova, K.A. (2010), The Image of Childhood in Russian Memoir Prose: Stylistic Means of Transmission of the "Children's View" of the World, *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary criticism, journalism*, vol. 3, pp. 5–11 (In Russ.).

Zhestkova, A.V. (2011), "Provincial text" by N. G. Garin-Mikhailovsky (essays "In the hustle and bustle of provincial life"), *Bulletin of SamGU*, vol. 85, pp. 199–204 (In Russ.).

Zingerman, B.I. (1979), *Essays on the history of the drama of the 20th century: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Maeterlinck, Pirandello, Brecht, Hauptmann, Lorca, Anui*, Nauka, Moscow, Russia (In Russ.).

Submitted: 21.04.2022

Revised: 06.06.2022

Accepted: 17.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-78-83

Дата поступления: 25.04.2022
рецензирования: 02.06.2022
принятия: 17.06.2022

О.В. Пелевина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: oxanaorlov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8675-5206>

**Издано на средства Н.Г. Гарина-Михайловского:
Р.Э. Циммерман и его книга «Кулачество-ростовщичество,
его общественно-экономическое значение» глазами издателя**

Аннотация: в 1898 году в Петербурге увидела свет книга писателя и журналиста Р.Э. Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение», изданная Н. Гариним-Михайловским на его собственные средства. Причиной интереса последнего к выведенным Циммерманом в его работе идеям общественно-экономического развития страны стали собственные размышления Н. Гарина-Михайловского, легшие примерно десятью годами ранее в основу повести «Несколько лет в деревне». В настоящей статье, во-первых, рассматривается проблематика и поэтика гаринской повести о безуспешной попытке обнаружить причины социальной дисгармонии, а во-вторых – предпринимается попытка прочесть книгу Р. Э. Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» глазами её издателя, увидевшего в труде Р.Э. Циммермана искомый, но не найденный им в своё время ответ на вопрос, кто виноват в крахе его надежд на восстановление гармонического бытия.

Ключевые слова: Н. Гарин-Михайловский; Р. Циммерман; литература и общественная мысль конца XIX века; «Несколько лет в деревне»; «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение»; социальная дисгармония; «кто виноват?».

Цитирование: Пелевина О.В. Издано на средства Н.Г. Гарина-Михайловского: Р.Э. Циммерман и его книга «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» глазами издателя // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 78–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-78-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пелевина О.В., 2022 – аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.V. Pelevina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: oxanaorlov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8675-5206>

**Published at the expense of N. Garin-Mikhailovsky:
R. Zimmerman and his book «Kulak-usury, its socio-economic significance»
through the eyes of the publisher**

Abstract: in 1898 in St. Petersburg at the expense of N. Garin-Mikhailovsky was published a book by the writer and journalist R. Zimmerman «Kulak-usury, its socio-economic significance». The reason for the latter's interest in the ideas of socio-economic development of the country derived by Zimmerman in his work was N. Garin-Mikhailovsky's own reflections, which formed the basis of the story «Several years in the village». This article, firstly, examines the problems and poetics of Garin-Mikhailovsky's story about an unsuccessful attempt to discover the causes of social disharmony. Secondly, an attempt is being made to read R. Zimmerman's book «Kulak-usury, its socio-economic significance» through the eyes of its publisher, who saw in R. Zimmerman's work the answer he sought, but did not find at the time, to the question of who is to blame for the collapse of his hopes for the restoration of harmonious existence.

Key words: N. Garin-Mikhailovsky; R. Zimmerman; literature and social thought of the late XIX century; «Several years in the village»; «Kulak-usury, its socio-economic significance»; social disharmony; «Who is to blame?».

Citation: Pelevina, O.V. (2022), Published at the expense of N. Garin-Mikhailovsky: R. Zimmerman and his book «Kulak-usury, its socio-economic significance» through the eyes of the publisher, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 78–83, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-78-83>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Pelevina O., 2022 – Aspirant, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В 1882 году вчерашний инженер-путеец и будущий писатель Н.Г. Гарин-Михайловский, несколько лет назад женившийся на дочери самарского помещика Н.В. Чарыковой, стал владельцем имения возле деревни Гундоровки в Бузулукском уезде Самарской губернии. Сделавшись самарским помещиком, Н.Г. Гарин-Михайловский предпринял попытку организовать в своём имении экономическое хозяйство нового, европейского типа – «рационально вести сельское хозяйство, восстановить крестьянскую общину, культурно обрабатывать землю с целью получения максимальных выгод как для барина, так и для крестьян» (Голубков 1980, с. 5). Однако этот социально-экономический эксперимент гундоровского помещика потерпел фиаско: поначалу откликнувшиеся были на смелые начинания барина крестьяне постепенно отшатнулись от него, заняв позицию гораздо более близких и понятных им сельских кулаков-мироедов, хлебные амбары и другое имущество помещика были сожжены его недоброжелателями, а на собственном управлении хозяйством пришлось поставить крест. Как пишет С.А. Голубков, «мышление инженера помогало ему в этой работе, однако слепое следование народнической доктрине, незнание исторических перспектив обрекало эксперимент на неуспех» (Голубков 1980, с. 5).

Ход исследования

Но именно благодаря провалу экономического эксперимента, предпринятого помещиком Н. Михайловским, и родился писатель Н. Гарин, рассказавший о неудаче, постигшей его в Гундоровке, в повести «Несколько лет в деревне», названной исследователем «эпитафией теории “малых дел”, концепции героя и толпы» (Голубков 1980, с. 5).

Главный герой повести, в котором без труда угадывается образ самого автора, достигнув тридцатилетия, покупает имение и переезжает с семьей в деревню. Цели своего переезда герой формулирует так: «Цели, которые мы решили преследовать в деревне, сводились к следующим двум: к заботам о личном благосостоянии и к заботам о благосостоянии окружающих нас крестьян» (Гарин-Михайловский 1957, с. 18). Он, человек, до этого не имеющий никакого опыта сельскохозяйственной

деятельности, решил, что причиной обеднения крестьян является, главным образом, неразумное приложение сил в борьбе за свое существование. «У людей под руками неисчерпаемые богатства в лице природы, а почти вся их деятельность направлена не на эксплуатацию этой природы, а на вымогательство у более слабого. В городах это не так режет глаза, но в деревне, у самого источника, так сказать, глупо и дико видеть, как все силы человека направлены на то, чтобы как-нибудь отнять последнюю каплю у ближнего, когда соединёнными усилиями можно овладеть целым источником. Мне и хотелось помочь людям стать на надлежащий путь, хотелось помочь им перенести центр тяжести борьбы за существование на природу» (Гарин-Михайловский 1957, с. 18–19).

Взяв за образец опыт немецких земледельцев, главный герой предпринимает попытки построить прибыльное хозяйство. Для этого он закупает орудия труда, ведет журналы, помогающие контролировать финансовые и трудовые процессы, использует свои инженерные знания для усовершенствования многих хозяйственных систем, создает школу и больницу для крестьян и их детей. Казалось бы, планам главного героя развить собственное хозяйство ничего не мешает. Однако неожиданно главным источником всех проблем становятся крестьяне, не желающие отходить от старых привычек и перенимать новые способы ведения хозяйства: каждое новое предложение главного героя воспринимается мужиками в штыки, а любое нововведение кажется им способом их ограбления.

Стремясь обеспечить себе и крестьянам лучшую жизнь, герой, в конце концов, настраивает против себя и малоземельных «бедных» крестьян, которые видят в каждом действии героя попытку обокрасть их, и кулаков, не желающих терять свои доходы, идущие от залогов своих малоземельных товарищей. Попытки героя изменить привычный деревенский уклад заканчиваются, когда собственные крестьяне поджигают его имение: двор, амбары, сад, мельницу. «Эти добрые, простые с виду люди оказались просто гнусными, недостойными негодьями, тупо и бессмысленно разбивающими своё собственное благо» (Гарин-Михайловский 1957, с. 126–127).

Таким образом, Н. Гарин-Михайловский вместе с героем своей повести приходит к выводу, что источником крестьянских несчастий являются сами крестьяне. А причины этого произрастают из-за невежества и необразованности народных масс, ненависти простого крестьянина к помещику, укрепляющейся в течение столетий, сильной привязанности к патриархальной крепостнической системе, боязни отступить от традиций, категоричного неприятия всего незнакомого и нового.

На глазах у героя повести (а вместе с ним – и у её автора) терпят крах все его попытки вернуть мир в состояние, прежде всего, социально-экономической, а вместе с тем – внутренней, душевной, психологической и интеллектуальной гармонии. Герой очень хотел бы понять живущего рядом с ним мужика, помочь ему обрести если не гармонию (понять мужицкую гармонию он едва ли в силах), то стабильность и уверенность в завтрашнем дне, но этим стремлениям не дано сбыться: все интеллектуальные и душевные усилия героя оказываются напрасными, а искомая гармония так и остаётся ненайденной.

Означает ли это, что все усилия героя были напрасными? Как считает С.А. Голубков, нет, не означает: «...это не значит, конечно, что Гарин перестал верить в возможности человека, но после собственного неудачного эксперимента в Гундоровке он уже не верил в подвижника-одиночку, действующего вопреки историческим законам» (Голубков 1980, с. 5). Но как бы то ни было, повесть «Несколько лет в деревне» завершается не ответом, а вопросом, а ещё точнее – сознанием неразрешимости вопроса, который стоял и продолжает стоять перед её автором: «Я стоял перед этим человеком взволнованный, растроганный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...» (Гарин-Михайловский 1957, с. 143).

Считал ли сам Гарин свою книгу о провале экономического эксперимента творческой удачей? Известно, что его современники отнеслись к ней очень тепло и заинтересованно, а он сам уже в начале 1890-х гг., включая «Несколько лет в деревне» в первый том «Очерков и рассказов», «выправил текст, сократил и переработал некоторые эпизоды» (Цит. по: Гарин 1980, с. 370). То есть если автор и не рассматривал своё сочинение как безусловную удачу, открывшую ему самому новый ракурс видения мира и приближение к решению каких-то существенных мировоззренческих задач, то повесть о крахе экономического эксперимента неравнодушного помещика заставляла его думать о себе, возвращаться к поставленным в ней вопросам и пытаться найти на эти вопросы ответы.

«Незнание этого человека», вставшего на пути «умного» восстановления социально-экономической гармонии, о котором мечтали и к которому стремились герой повести и её автор, осталось для

Н.Г. Гарина-Михайловского проблемой, которую он не сумел разрешить ни тогда, когда жил и хозяйствовал в Гундоровке, ни тогда, когда оставив её, вернулся к инженерной деятельности и начал писать книги. Но оставшись нерешённой, проблема напоминала о себе, заставляя возвращаться к ней вновь и вновь – возвращаться самому и обращаясь за советами и помощью к тем, кто так же остро её чувствовал и размышлял и над самой проблемой, и над способами её решения. Такой помощью и стала для автора «Несколько лет в деревне» теоретико-экономическая работа Р.Э. Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение», написанная примерно десять лет спустя после выхода гаринской повести.

Прежде всего скажем несколько слов об авторе этой работы. Писатель и публицист Рейнгольд Эмильевич Циммерман (1866–1900) родился в Москве, где учился сначала в гимназии, а потом – в Императорском техническом училище, в котором окончил три курса. Познакомившись с народническими идеями, он сблизился с членами близкого к «Чёрному переделу» московского общестуденческого союза, руководил работой нелегального студенческого кружка и принимал активное участие в издании выходившего в Женеве журнала. После провала попытки организации тайной типографии был арестован, а впоследствии приговорён к ссылке в Иркутскую губернию, где и пробыл до начала 1894 года. Весной 1894-го, поселившись в Самаре, начал сотрудничать с «Самарской газетой», на страницах которой публиковались его заметки, переводы и статьи на экономические темы под псевдонимом «Р. Гвоздём». Чуть позже, в конце 1894 года, он перешёл в «Самарский вестник», где, по всей видимости, и познакомился с Н. Гариним-Михайловским, тесно сотрудничавшим с этим изданием и публиковавшим на его страницах свои рассказы.

В 1898 году из-под пера Р. Э. Циммермана вышла книга «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение», скорее всего, задуманная раньше, ещё в сибирской ссылке, и теперь оконченная. Книга была издана на средства Н.Г. Гарина-Михайловского. Причиной, побудившей Гарина издать труд Р.Э. Циммермана на собственные средства, вероятно, стала схожесть идей двух писателей и мыслителей, один из которых уже давно думал над причинами социальной дисгармонии в современной ему действительности, а второй предложил свои ответы на вопросы «кто виноват» и «что делать».

Итак, в своем труде «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» Р.Э. Циммерман уже во введении красноречиво обозначает свое негативное отношение к фигуре кулака-ростовщика. Представителей этой класса

Циммерман именует чумазами, паразитами, муродами, кровопийцами. По мнению автора «Кулачества-ростовщичество», активная деятельность кулаков-ростовщиков стала одним из ключевых факторов быстрого обеднения крестьянско-народных масс после отмены крепостного права. Кулак-ростовщик, являясь лишь посредником в процессе обмена, наживал капитал не за счет своей трудовой деятельности, а за счет присвоения плодов чужого труда. Так, освободившиеся от крепостной повинности крестьяне, по большей части оставшиеся без средств к существованию, были вынуждены наращивать темпы и объемы производства.

Но угнаться за быстро растущим конкурентным рынком простому крестьянину было непросто. Чтобы держаться на плаву, ему постоянно требовались денежные инвестиции, получить которые он мог лишь путем закладывания своего имущества, рабочей силы и продуктов производства. На этом и наживались ростовщики. Чем быстрее беднел крестьянин-производитель, тем быстрее богател кулак-ростовщик. Он делался собственником продуктов чужого хозяйства, выпускал эту продукцию на рынок, получая сверхприбыль, которую впоследствии вкладывал в чужие производства. «Благодаря этой нужде в деньгах и фиктивной свободе, кулак имел возможность держать крестьянина “руку, как ребёнка на помочах”» (Циммерман 1899, с. 39).

Вместе с тем, несмотря на всю свою ненависть к ростовщикам, Циммерман, обращаясь к истории, признает их появление закономерным фактом развития общественного строя. И на Западе, и в России еще в дореформенный период в эпоху перехода от натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям должна была появиться прослойка из посредников между производителями и потребителями – эту нишу и заняли ростовщики.

Наибольшее же зло, исходившее от кулаков-ростовщиков, Циммерман видел в возрождающемся эксплуататорском типе отношений между зажиточными и бедными крестьянами. Всё дело в том, что кулак поощрял неравноправие в обществе. Однако в отличие от народников, считавших кулаков причиной всеобщего неравноправия в крестьянской среде, Циммерман утверждал, что кулак-ростовщик – лишь законное детище процесса неравномерного накопления капитала. И как бы ни была неприятна автору «Кулачества-ростовщичество» деятельность кулаков-ростовщиков, он делает акцент на том, что их появление и развитие стало одной из возможностей разрушить старую крепостническую систему и победить барство и малоимущее крестьянство – два столпа старого патриархального крепостного строя.

Из всего этого Циммерман, споря с народниками, делает вывод о том, что искусственно бо-

роться с кулачеством не имеет смысла, так как век их ограничен. Выполнив свою историческую функцию, этот класс постепенно исчезнет: «Предоставим мертвецам хоронить мертвецов, предоставим “печальникам горя народного” оплакивать раскиданные руками “чумазого” обломки патриархальной общины, признаем крушение её совершившимся фактом и пойдём навстречу вновь вырастающей на этих обломках новой жизни, не увлекаясь маниловщиной субъективных утопий, а беря жизнь такой, какой она есть со всеми её мрачными и светлыми сторонами» (Циммерман 1899, с. 161).

Изданная, как уже было сказано, на средства Н.Г. Гарина-Михайловского, книга Р.Э. Циммермана не осталась без внимания критики. Первыми с рецензиями на «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» выступили П. Покровский и В.И. Ульянов. Первый из них не увидел в работе Р. Циммермана ничего примечательного. Его отзыв пропитан пренебрежением как к самому автору, так и к его идеям: «Таким образом, не имея почти никакой научной ценности, книжка Гвоздева имеет значение лишь в качестве первой слабой попытки объединить и обобщить журнальный материал по вопросу о кулачестве и ростовщичество. Язык Гвоздева обладает вычурностью. <...> Попадаются туманные и малопонятные фразы» (Покровский 1899, с. 2182). А вот второй, хоть и позволил себе несколько не совсем лестных для автора «Кулачества-ростовщичество» замечаний («...собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью. Особенно приходится сказать это о главе, посвященной кустарным промыслам. Слог книги страдает в некоторых местах вычурностью и туманностью»), в целом отнёсся к книге Циммермана сочувственно, подчеркнув, что она «подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичество» (Ленин 1967, с. 55). В скобках заметим, что в личных письмах матери и зятю, М.Т. Елизарову, критика В.И. Ульянова оказалась гораздо более жёсткой («не нравится мне этот “самарский” дух», «очень и очень слабо»), но, по его же собственному признанию, в рецензии на «Кулачество-ростовщичество» он «решил всё-таки сдержаться и наполнить рецензию на 4/5 замечаниями против народников и на 1/5 – замечаниями против Гвоздёва» (В.И. Ленин и Самара 1966, с. 204).

Есть ли что-то странное в том, что книга Р.Э. Циммермана была холодно принята одними и скорее всё-таки сдержанно, чем восторженно, другими? На наш взгляд, нет, ничего странного в этом нет. Чтобы восторгаться «Кулачеством-ростовщичеством», нужно было, во-первых, прийти к вопросам, над решением которых задумался ав-

тор этого сочинения, причём желательнее прийти в результате собственных проб и ошибок, так, как в своё время сделал Н.Г. Гарин-Михайловский; а во-вторых, долго и безрезультатно искать ответы на вопросы, поставленные самой жизнью, практическими наблюдениями, опытом и неудавшимися экспериментами, – и этих поисков в жизни издателя «Кулачества-ростовщичества» также было достаточно. Именно в силу этого Н.Г. Гарин-Михайловский в отличие от критиков Р.Э. Циммермана увидел в ней давно и жадно искомый ответ на вопросы, кто виноват в социальной дисгармонии мира и как эту дисгармонию преодолеть.

Во-первых, Н.Г. Гарин-Михайловский обнаружил в труде Р.Э. Циммермана подтверждение собственным размышлениям о кулаке как об инструменте разорения и обеднения российского малоземельного крестьянина. Но, в отличие от народников, верящих, что при искоренении кулачества как явления вырастет благосостояние простого крестьянина и установится всеобщее равенство, автор «Кулачества-ростовщичества» понимал, что уничтожение кулачества не приведет к улучшению в хозяйственной сфере. Крестьяне, не обладающие достаточными знаниями в области земледелия и скотоводства, привыкшие довольствоваться своей скромной долей, считавшие горечи и неудачи частью собственной культурной традиции, даже в отсутствие кулаков не сумели бы изменить свое положение в лучшую сторону.

Во-вторых, труд Р.Э. Циммермана убедил Н.Г. Гарина-Михайловского в том, что социальная гармония достижима и необходимо прилагать все усилия, чтобы идти ей навстречу. Возможность кардинально изменить ситуацию в сельском хозяйстве Р. Циммерман видел в постепенном закономерном вымирании старых крестьянских устоев, уходивших вместе с поколением людей, их заставших, и рождении и воспитании новых поколений крестьян, способных мыслить шире, организовывать работу по-новому, получать лучшие результаты, при этом не работая на износ. Таким образом, задачей честного труженика, интеллигента должно стать зависящее от него постепенное просвещение нового поколения крестьян, которое само придёт к необходимости перемен социального и экономического уклада.

Заключение

Таким образом, Н.Г. Гарин-Михайловский сумел увидеть в работе Р.Э. Циммермана не просто продуктивное зерно, ускользнувшее от внимания многих его современников, но и посчитал, что его сочинение способно дать ответы на вопросы, вставшие перед его поколением и требующие своего разрешения для счастья поколений будущих.

Было ли это зерно и в самом деле продуктивным?

Со всей определённостью можно сказать только одно: ни автору «Кулачества-ростовщичества», ни его издателю узнать этого уже не пришлось. Первый из них, Р.Э. Циммерман, скончался в возрасте неполных тридцати четырёх лет в апреле 1900 года от анемии мозга в Самаре, а второй, Н.Г. Гарин-Михайловский, пережил его на шесть с половиной лет и умер от разрыва сердца осенью 1906 года в Петербурге. Ни тот, ни другой не увидели «вырастающей на этих обломках» вчерашней дисгармонии «новой жизни», о которой оба мечтали и к которой стремились. Читателям будущего остались поставленные ими вопросы и попытки на эти вопросы ответить.

Библиографический список

Paperno, I. (1988), Chernyshevsky and the of Realism, *Study in the Semiotics of Behavior*, Stanford University Press, Stanford, UK.

В.И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966.

Гарин-Михайловский Н. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

Гарин-Михайловский Н. Несколько лет в деревне. Очерки. Драма. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1980.

Гвоздév Р. (Циммерман Р.Э.). Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. Санкт-Петербург, 1898 (на обложке обозначена другая дата выхода книги – 1899).

Голубков С.А. Большая судьба. Гарин-Михайловский Н. Избранное. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1980. С. 3–9.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 тт. Т. 4. Москва, 1967.

Миронов Г., Миронов Л. «Он был поэтом труда» // Гарин-Михайловский Н. Рассказы. Очерки. Письма. Москва: Советская Россия, 1986. С. 5–20.

Покровский П. <Гвоздév: Кулачество-ростовщичество. Издание Гарина, 1899. Ц. 75 к.> // Научное обозрение. 1899. № 11. С. 2180–2182.

Стукалова О.В. Русский человек «в самую его глубь» (анализ рассказа Н.С.Лескова «Загон»). Часть 1 // Opera Slavica. 2015. № 1 (XXV). С. 20–29.

Стукалова О.В. Русский человек «в самую его глубь» (анализ рассказа Н.С.Лескова «Загон»). Часть 2 // Opera Slavica. 2015. № 3 (XXVII). С. 3–12.

References

Paperno, I. (1988), Chernyshevsky and the of Realism, *Study in the Semiotics of Behavior*, Stanford University Press, Stanford, UK.

V. Lenin and Samara. Collection of documents and materials (1966), Kujbyshev, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1957), *Collected works in five volumes. Volume 3*, State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia.

Garin-Mikhailovsky, N. (1980), *Several years in the village. Essays. Drama*, Chuvash Book Publishing House, Cheboksary, Russia.

Gvozdev, R. (Zimmerman, R.E.) (1898), *Kulak-usury, its socio-economic significance*, (the cover shows another release date of the book – 1899), St. Petersburg, Russia.

Golubkov, S.A. (1980), *Big destiny. Garin-Mikhailovsky N. Favorites*, Kuibyshev Book Publishing House, Kuibyshev, Russia.

Lenin, V.I. (1967), *Complete works: In 55 vol. t. 4*, Moscow, Russia.

Mironov, G. and Mironov, L. (1986), *"He was a poet of labor". Garin-Mikhailovsky N. Stories. Essays. Letters*, Soviet Russia, Moscow, Russia.

Pokrovsky, P. (1899), <Gvozdev: Kulaks-usury. Edition of Garin, 1899. Ts. 75 K.>, *Scientific review*, no. 11, pp. 2180–2182.

Stukalova, O.V. (2015), The Russian man "into his very depths" (analysis of N.S.Leskov's story "The Pen"). Part 1, *Opera Slavica*, no. 1 (XXV), pp. 20–29.

Stukalova, O.V. (2015), The Russian man "into his very depths" (analysis of N.S.Leskov's story "The Pen"). Part 2, *Opera Slavica*, no. 3 (XXVII), pp. 3–12.

Submitted: 25.04.2022

Revised: 02.06.2022

Accepted: 17.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 308

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-84-88

Дата поступления: 14.03.2022
рецензирования: 06.05.2022
принятия: 31.05.2022

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Евгений Фомич Молевич: закономерности прогрессивной эволюции жизненного пути в 1960–70-х гг.

Аннотация: 25 апреля 2022 года профессору кафедры социологии и культурологии Самарского университета Евгению Фомичу Молевичу исполнился 91 год. Юбилейные мероприятия и публикации об этом известном ученом показали, что для современной молодежи он остается примером и «человеком прогресса». Тем не менее, истоки его прогрессивного мышления и фундамент всех его современных концепций развития общества был заложен в далеких 1960–1970 гг. Этот период творчества Молевича-философа незаслуженно находится в тени следующих открытий Молевича-социолога, хотя, очевидно, что это взаимосвязанные роли этого удивительного человека. В настоящей статье рассматривается именно период становления Е.Ф. Молевича в качестве самостоятельного исследователя. Уделяется внимание его творческому пути как сотрудника Уральского государственного университета и началу работы в Самарском университете. Рассматривается вклад Е.Ф. Молевича в корректировку интерпретации философского закона «отрицания отрицания» и разработку концепции диалектического развития природы, нашедшей свое дальнейшее применение в социологической теории.

Ключевые слова: Молевич; диалектический материализм; диалектика природы; Уральский государственный университет; Самарский университет; самарская социология.

Цитирование: Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Евгений Фомич Молевич: закономерности прогрессивной эволюции жизненного пути в 1960–70-х гг. // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-84-88>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Бочаров В.Ю., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: vlad.bocharov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Yevgeny Fomich Molevich: patterns of progressive evolution of his life path in the 1960s–70s

Abstract: Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies of Samara University Evgeniy Fomich Molevich reached 91 years on the 25th of April 2022. Anniversary events and publications regarding this famous scientist have shown that for the modern youth he remains an example and a “man of progress”. Nevertheless, the origins of his progressive thinking and the foundation of all his modern concepts of society development were laid in the distant 1960s and 1970s. This period of Molevich work as a philosopher is undeservedly overshadowed by the following discoveries of Molevich as a sociologist, although it is obvious that these are interrelated roles of this amazing person. This article examines the period of formation of Y.F. Molevich as an independent researcher. Moreover, additional attention is paid to his creative path as an employee of the Ural State University and the beginning of his working period at Samara University. The contribution of E.F. Molevich is examined and analyzed within the scope of his correcting interpretation of the philosophical law “negation of negation” and the concept development referring to the nature’s dialectical evolution. Both concepts will have been applied in the further established sociological theory.

Key words: Molevich; dialectical materialism; dialectics of nature; Ural State University; Samara University; Samara Sociology.

Citation: Avdoshina, N.V. and Bocharov, V.Yu. (2022), Yevgeny Fomich Molevich: patterns of progressive evolution of his life path in the 1960s-70s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 84–88, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-84-88>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Avdoshina N.V., 2022** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2022** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Молевич Евгений Фомич (1970-е годы)

Введение

В настоящее время нами уже достаточно подробно описан жизненный путь и вехи творческой биографии отметившего в 2021 году 90-летний юбилей одного из наиболее известных самарских философов и социологов, профессора кафедры социологии и культурологии Самарского университета Евгения Фомича Молевича (Авдошина 2016; Авдошина 2017). Также нами уже рассматривались основные аспекты вклада Е.Ф. Молевича в современное социологическое знание (Авдошина, Бочаров 2021). Напомним, что, говоря о вкладе Е.Ф. Молевича в теоретическую социологию, прежде всего, имеется в виду концепция трехаспектной структуры современного социологического знания с выделением её содержательного, формального и функционального срезов (Молевич 1997; Молевич 2003). Кроме того, одной из центральных тем в социологическом творчестве Е.Ф. Молевича является выделение критериев трудовой деятельности и анализ её структуры (содержательной, формальной и социаль-

психологической) (Молевич 2001). При этом важным аспектом анализа трудовой деятельности в условиях современного постиндустриального общества для Е.Ф. Молевича является обоснование существенно меняющегося характера трудовой деятельности человека (Молевич 2007; Молевич 2011).

Тем не менее, творчество Е.Ф. Молевича обширно и многогранно, а его социологическая концепция имеет четкую методологическую основу – диалектический материализм в естествознании в его марксистской интерпретации. Однако до сих пор эта сторона научного творчества Е.Ф. Молевича (особенно период до переезда в Самару (тогда – Куйбышев) в конце 1960-х) оставалась малоизученной и требующей своего описания. Целью данной статьи является рассмотрение теоретико-методологических и философских оснований социологической концепции Е.Ф. Молевича. Для достижения этой цели нами решались задачи изучения творчества этого ученого в его «философский период» в 1960–1970-е гг., уже в те годы внесшего весомый вклад в переосмысление некоторых положений диалектики природы.

Становление мировоззрения ученого: крутой поворот и необратимость движения в 1960–1970-е гг.

После учебы на философском факультете Алма-Атинского университета (1949–1954 гг.) Е.Ф. Молевич был направлен на комсомольскую работу в г. Семипалатинск, где работал в должности секретаря по идеологии Семипалатинского обкома комсомола. Именно в этот период по долгу службы он знакомится с рядом известных ученых, которые имели статус «ссылные» и работали в вузах и техникумах г. Семипалатинска. Среди них были известный биолог, участница революции 1905 г. и Октябрьской революции 1917 г. О.Б. Лепешинская (1871–1963), а также генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981). Общение с этими учеными повлияло на формирование у Е.Ф. Молевича материалистического мировоззрения (Мухачев 2020) и заложило основы для его дальнейших научных поисков. В 1959 г. Е.Ф. Молевич переезжает в г. Екатеринбург (тогда – Свердловск) и становится сотрудником Уральского государственного университета (УрГУ) и в дальнейшем одним из организаторов под руководством М.Н. Руткевича философского факультета этого вуза (1966 г.) и первой в СССР за пределами Москвы и Ленинграда социологической лаборатории.

В начале 1960-х выходят первые научные работы Е.Ф. Молевича, посвященные критике позиций антропометризма в понимании органического прогресса (Молевич 1963) и описанию критериев органического прогресса (Молевич 1965). (Полный список работ Е.Ф. Молевича как сотрудника УрГУ

см.: Труды научных сотрудников..., 1970.) Отметим, что идеи, выдвинутые Е.Ф. Молевичем относительно того, что эволюция живого мира имеет нелинейный, а многонаправленный характер, а также в целом диалектико-материалистического подхода в естествознании, до сих пор находят отклик в научных дискуссиях (Игнатович 2007; Доронина, Табуркин 2020).

Целый ряд научных статей Е.Ф. Молевичем был написан в творческом содружестве с философами-коллегами по УрГУ: Леонидом Михайловичем Архангельским (Архангельский, Молевич 1965), Константином Николаевичем Любутиным (Любутин, Молевич 1963) и Львом Наумовичем Коганом (Коган, Молевич 1963).

В 1963 году под руководством известного советского и российского философа и социолога М.Н. Руткевича Е.Ф. Молевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема прогресса в живой природе». Вот как о защитах своих аспирантов И.Я. Лойфмана и Е.Ф. Молевича вспоминал сам М.Н. Руткевич: «Особенно запали в память защиты кандидатских диссертаций И.Я. Лойфмана по диалектике взаимодействия сил притяжения и отталкивания и Е.Ф. Молевича по закономерностям эволюции живой природы. Первая была высоко оценена физиками из УФАН..., вторую предварительно прочитал и одобрил такой выдающийся биолог, как академик С.С. Шварц, с которым я впоследствии не раз выступал в печати по философским вопросам экологии» (Фан 2002, с. 54).

Важно отметить, что в сотрудничестве с М.Н. Руткевичем Е.Ф. Молевичем был подвергнут ревизии и уточнению один из главных законов диалектики – «закон отрицания отрицания», как последовательный ряд отрицающих друг друга качественно различных ступеней развития. Критике было подвергнуто отождествление «закона отрицания отрицания» с поступательным развитием, поскольку все законы материалистической диалектики, а не один какой-либо из них есть законы поступательного развития. В то же время утверждалось, что поступательное развитие «не всегда проходит через циклические повторения...» (Руткевич 1973, с. 519), и постулировалось: «весьма трудно обнаружить спираль, т. е. действие закона отрицания отрицания, и во многих важнейших областях общественного развития... Ни с точки зрения материала (камень, металл, синтетические материалы), ни с точки зрения их строения орудия труда и машины в своем развитии не обнаруживают как бы возврата к старому» (Руткевич 1973, с. 519). Во многом в такой логике М.Н. Руткевич и Е.Ф. Молевич опирались на «Диалектику природы» Ф. Энгельса о чрезвычайно общем (но не всеобщем) характере этого закона (Энгельс 1961, с. 343–626), подчеркивая, что имеется множество сфер и областей, в которых «закон

отрицания отрицания» не действует или не проявляется.

По мнению многих ученых, материалистическая диалектика выступает одновременно как мировоззрение, логика, теория и метод познания (Игнатович 2007, с. 119). Всей траекторией своей жизни Е.Ф. Молевич следовал такой диалектической логике и придерживался диалектического мировоззрения. В конце 1960-х гг. он переезжает в Самару и начинается новый этап его научной карьеры, связанной сначала с политехническим институтом, а затем со вновь образованным государственным университетом, куда он перешел на работу в 1972 г.

В самарский период научного творчества Е.Ф. Молевичем продолжают научные поиски в русле диалектики природы и в 1977 году защищена докторская диссертация «Теоретические и методологические аспекты проблемы направленности развития в природе», в которой представлена развернутая концепция исторической необратимости мировых процессов и космических круговоротов как локального выражения этой необратимости (Молевич 1976), а также четко разведены понятия «развитие» и «прогресс» (Молевич 1978). При этом Е.Ф. Молевич не теряет связь со своими коллегами из УрГУ. В частности, опирается в том числе на понятие «развитие», данное Н.М. Руткевичем как «*новое движение, которое характеризуется необратимостью, появлением качества*» (Руткевич 1973, с. 415), подчеркивая, что никакие циклы круговоротов движения не существуют вне процесса развития (Молевич 1976, с. 99).

Заключение

Прошедший после юбилея год Е.Ф. Молевич оставался действующим профессором кафедры социологии и культурологии, читая студентам курс «*Современное развитие общества как новая социальная реальность*» и проводя открытые лекции на актуальные общественно-политические темы. В своей концепции общественного развития Е.Ф. Молевич не отходит от своих прогрессивных принципов и, опираясь на марксистскую методологию, заявляет, что «*при всех частных фактах регрессивного и одноплоскостного развития*» наблюдается «*вполне очевидное преобладание именно прогрессивной направленности истории человечества*» (Молевич 2011, с. 48). Именно такая прогрессивная динамика и постоянное движение, характерное для всей его жизни и творчества, вдохновляет и заряжает нас – его коллег и учеников – оптимизмом относительно будущего нашего российского общества и творческими силами для новых научных открытий.

Библиографический список

Авдошина Н.В. Абсолютный Молевич (к 85-летию Учёного и Замечательного Человека) // «Культура. Свежая газета». Апрель. 2016. Официальный сайт Самарского университета. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/molevich (дата обращения: 22.04.2022).

Авдошина Н.В. Повороты судьбы человека эпохи. 2017 // Официальный сайт Самарского университета. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/molevich (дата обращения: 22.04.2022).

Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Евгений Фомич Молевич: Человек-эпоха (к 90-летию Ученого и Замечательного Человека) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 6–14. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-6-14>.

Архангельский Л.М., Молевич Е.Ф. Аспирант изучает философию // Вестник высшей школы. 1965. №4. С. 78–80.

Доронина М.В., Табуркин В.И. Об общих закономерностях эволюции живой природы // Астраханский вестник экологического образования. 2020. № 2(56). С. 129–134. DOI: <http://doi.org/10.36698/2304-5957-2020-19-2-129-134>.

Игнатович В.Н. Введение в диалектико-материалистическое естествознание. Киев: Изд-во «ЭКМО», 2007. 468 с.

Коган Л.Н., Молевич Е.Ф. Прогресс и регресс // Некоторые категории диалектики; под ред. М.Н. Руткевича и Л.М. Архангельского. Москва: Росвузиздат, 1963. С. 87–102.

Любутин К.Н., Молевич Е.Ф. Логическое и историческое // Некоторые категории диалектики; под ред. М.Н. Руткевича и Л.М. Архангельского. Москва: Росвузиздат, 1963. С. 120–133.

Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2007. 159 с.

Молевич Е.Ф. К вопросу о критерии органического прогресса // Вопросы философии. 1965. №8. С. 68–78.

Молевич Е.Ф. К вопросу о структуре современного социологического знания // Социологические исследования. 1997. №6. С. 3–9.

Молевич Е.Ф. К критике современного антропоцентризма в понимании органического прогресса // Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. «Философские науки». Свердловск, 1963. С. 34–39.

Молевич Е.Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении. Историко-философский очерк. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. 108 с.

Молевич Е.Ф. Общая социология: Курс лекций. 2-е изд., переработанное и дополненное. Москва: УРСС, 2003. 328 с.

Молевич Е.Ф. Общество как система и процесс: социально-философское введение в социологию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. 200 с.

Молевич Е.Ф. Тожественны ли понятия «развитие» и «прогресс»? // *Философские науки*. 1978. № 6. С. 38–45.

Молевич Е.Ф. Труд как объект и предмет исследований общей социологии // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 38–41.

Мухачев В.В. Руткевич М.Н. – ученый и фронтовик // *Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты*. Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2020. 450 с. С. 385–405.

Руткевич М.Н. Диалектический материализм. Москва: Мысль, 1973. 527 с.

Труды научных сотрудников Уральского государственного университета имени А.М. Горького. Библиографический указатель. Отв. ред. Н.В. Ефременков. Свердловск: Типолаборатория УрГУ, 1970. 197 с.

Фан И.Б. Ипостаси харизматической личности: создатель – ученый – полемист. К 85-летию М.Н. Руткевича // *Дискурс-Пи*. 2002. №1. С. 52–64.

Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. С. 343–626.

References

Avdoshina, N.V. (2016), Absolute Molevich (to the 85th anniversary of the Scientist and a Remarkable Man), «*Culture. A fresh newspaper*». April, Official website of Samara University. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/molevich (Accessed 22 April 2022).

Avdoshina, N.V. (2017), *The twists of the fate of a man of the epoch*, Official website of Samara University. URL: https://ssau.ru/info/person/around/professors_samgu/molevich (Accessed 22 April 2022).

Avdoshina, N.V. and Bocharov, V.Yu. (2021), Molevich Yevgeny Fomich: Man of the Century (for the 90th anniversary of the Scientist and Remarkable Man), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no.2, pp. 6–14, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-6-14>.

Arkhangelsky, L.M. and Molevich, Ye.F. (1965), Postgraduate studies philosophy, *Bulletin of the Higher School*, no. 4, pp. 78–80.

Doronina, M.V. and Taburkin, V.I. (2020), On the general laws of the evolution of wildlife, *Astrakhan Bulletin of Environmental Education*, no. 2(56), pp. 129–134, DOI: <http://doi.org/10.36698/2304-5957-2020-19-2-129-134>.

Ignatovich, V.N. (2007), *Introduction to Dialectical-materialistic natural science*, Publishing house «ЕКМО», Kiev, Ukraine.

Kogan, L.N. and Molevich, Ye.F. (1963), *Progress and regression*. In: *Some categories of dialectics*, M.N. Rutkevich and L.M. Arkhangelsky (ed.), Rosvuzizdat, Moscow, USSR, pp. 87–102.

Lyubutin, K.N. and Molevich, Ye.F. (1963), *Logical and historical*. In: *Some categories of dialectics*. Edited by M.N. Rutkevich and L.M. Arkhangelsky, Rosvuzizdat, Moscow, USSR.

Molevich, Ye.F. (2007), *Introduction to Social Globalistics*, BAKHRAKH-M, Samara, Russia.

Molevich, Ye.F. (1965), On the criteria of organic progress, *Voprosy` filosofii = Questions of philosophy*, no. 8, pp. 68–78.

Molevich, Ye.F. (1997), On the question of the structure of modern sociological knowledge, *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 6, pp. 3–9.

Molevich, Ye.F. (1963), On the criticism of modern anthropocentrism in the understanding of organic progress, *Collection of materials of the scientific session of universities of the Ural Economic District, «Philosophical sciences»*, Sverdlovsk, USSR.

Molevich, Ye.F. (1976), *Circulation and irreversibility in the world movement. Historical and philosophical essay*, Publishing house of the Saratov University, Saratov, USSR.

Molevich, Ye.F. (2003), *General sociology: A course of lectures*, 2nd edition, revised and supplemented, URSS, Moscow, Russia.

Molevich, Ye.F. (2011), *Society as a System and process: a socio-philosophical introduction to sociology*, Samara University, Samara, Russia.

Molevich, Ye.F. (1978), Are the concepts of "development" and "progress" identical?, *Philosophical sciences*, no. 6, pp. 38–45.

Molevich, Ye.F. (2001), Labor as an object and subject of research in general sociology, *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 7, pp. 38–41.

Mukhachev, V.V. (2020), *Rutkevich M.N. – scientist and front-line soldier*. In: *The Great Victory of the Soviet people: socio-political and demographic aspects*, S.V. Ryazantsev and V.N. Ivanov (ed.), Ekon-Inform Publishing House, Moscow, Russia.

Rutkevich, M.N. (1973), *Dialectical Materialism*, Mysl, Moscow, USSR.

The works of researchers of the Ural State University named after A.M. Gorky (1970), Bibliographic index., N.V. Efremenkov (ed.), USU Tipolaboratoriya, Sverdlovsk, USSR.

Fan, I.B. (2002), Hypostasis of a charismatic personality: creator – scientist – polemicist, *To the 85th anniversary of M.N. Rutkevich. Discourse-Pi*, no. 1, pp. 52–64.

Engels, F. (1961), *Natural dialectics*, K. Marx, F. Engels, Soch., Gos. izd-vo polit. lit., vol. 20, pp. 343–626.

Submitted: 14.03.2022

Revised: 06.05.2022

Accepted: 31.05.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-89-97

Дата поступления: 11.04.2022
рецензирования: 25.05.2022
принятия: 10.06.2022

В.В. Левченко

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: levv66@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7627-9162>

Г.З. Файнбург

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: faynburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8004-1969>

Г.В. Разинский

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: Labsoc@pstu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9664-7970>

Пермская (файнбургская) научная школа социологии: к истории создания и развития

Аннотация: Пермская школа социологии возникла в середине 60-х годов XX века вокруг известного философа, социолога, культуролога, политэконома, доктора философских наук и кандидата экономических наук, профессора Захара Ильича Файнбурга (24.01.1922 – 10.09.1990). Её отличительной особенностью стало органичное сочетание глубокого теоретического анализа социальных явлений современности, выявление глубинных причин их возникновения и конкретных прикладных эмпирических исследований, заканчивающихся конкретными рекомендациями, учитывающими специфику обследуемых организаций и регионов. Эта школа продолжает существовать и активно работать на благо социологии России.

Ключевые слова: Файнбург; Пермская школа социологии; системный анализ; коллективность; социология труда; социология культуры; социальное планирование; социология высшей школы; промышленная социология; планирование социального развития предприятия.

Цитирование: Левченко В.В., Файнбург Г.З., Разинский Г.В. Пермская (файнбургская) научная школа социологии: к истории создания и развития // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 89–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-89-97>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Левченко В.В., 2022** – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

© **Файнбург Г.З., 2022** – доктор технических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, директор Института безопасности труда, производства и человека, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

© **Разинский Г.В., 2022** – старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.V. Levchenko Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

E-mail: levv66@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7627-9162>**G.Z. Fainburg**Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

E-mail: faynburg@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8004-1969>**G.V. Razinsky**Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

E-mail: Labsoc@pstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9664-7970>**Perm (fainburg) scientific school of sociology: history and development process**

Abstract: the Perm School of Sociology appeared in the mid-60s of the twentieth century to a large extent thanks to the famous philosopher, sociologist, culturologist, political economist, doctor of philosophy and candidate of economic sciences, professor Zakhar Ilyich Fainburg (24.01.1922 – 10.09.1990). The distinctive feature of this scholar school has been the working combination of profound theoretical analysis of the modern social phenomena, fundamental reasons' revealing of their occurrence and specific applied empirical researches, ending with specific recommendations that take into account the analyzed organizations' and regions' specific features. The present school to exists, functions and actively works for the benefit of the sociology of Russia.

Key words: Fainburg; Perm School of Sociology; system analysis; collectivity; sociology of labor; sociology of culture; social planning; sociology of higher education; industrial sociology; enterprise social development planning.

Citation: Levchenko, V.V., Fainburg, G.Z. and Razinsky, G.V. (2022), Perm (fainburg) scientific school of sociology: history and development process, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 89–97, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-89-97>.

Information about conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© **Levchenko V.V., 2022** – Doctor of Psychological Sciences, Docent, Head of the Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russian Federation.

© **Fainburg G.Z., 2022** – Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored higher education worker of the Russian Federation, Director of the Institute of Safety and Health, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russian Federation.

© **Razinsky G.V., 2022** – Senior Research Worker, Head of the Laboratory of Sociology, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russian Federation.

...Захар Файнбург, глубокий философ и социолог создал великолепную школу, причастные к которой не только отличные эмпирики, но пытаются категорически осмыслить статистику.

В.А. Ядов

Введение

Своему возникновению Пермская школа социологии обязана выдающемуся социологу, философу, культурологу и политэконому Захару Ильичу Файнбургу, а своему развитию и современному существованию – эвристической глубине лежащей в ее основе концепции развития общества, трудам его многочисленных учеников и последователей.

Так сложилось, что 1 сентября 1960 года Захар Ильич Файнбург (Файнбург 2019) и его основной соавтор, соратник, помощник и жена Галина Петровна Козлова (Козлова 2019) приступили к работе в только что организованном Пермском политехническом институте (ППИ) (в 1992 году Пермский политехнический институт (ППИ) получил новый статус и был переименован в Пермский государственный технический университет

(ПГТУ), а в 2011 году – новый статус и наименование «Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ)». К этому времени они, выпускники кафедры политэкономии экономического факультета МГУ, уже накопили не только почти десятилетний опыт преподавания общественных наук, но и опыт успешной хозяйственной научной работы в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности Марийской республики по определению уровня механизации труда.

Переехав в Пермь, научный тандем и семейная пара «Файнбург–Козлова» развернули аналогичные работы в рамках действующей в Пермском политехническом институте лаборатории экономики промышленности. Создав сектор труда в этой лаборатории, З.И. Файнбург определил его научное направление – анализ механизации труда для сокращения тяжелого ручного труда. Работа велась на пермских заводах: «Камкабель», химическом заводе им. Серго Орджоникидзе, нефтеперерабатывающем комбинате, телефонном заводе и других.

Для такой обширной работы нужны были «помощники» и «соратники». И первым таким соратником стал Энгель Самуилович Хазанович (Через пару лет он уехал в Тулу, возглавил научный институт проблем автоматизации производства, стал известным экономистом. Дружбу с ним чета Файнбург-Козлова поддерживала всю свою жизнь.), внесший огромный вклад в методику натуральных наблюдений механизации труда применением и развитием метода моментных наблюдений.

Работы быстро вышли за пределы пермских предприятий, охватили всю территорию Западно-Уральского совнархоза (к сожалению, с роспуском в 1964 году всех совнархозов работы были прекращены), получили одобрение в Москве.

В это же время, в начале 60-х годов, потребности развития советского общества привели к возрождению социологических исследований. Социология интересовала З.И. Файнбурга, склонного по своей натуре ученого-мыслителя к теории социальных изменений, активно размышлявшего над путями развития советского общества, над становлением «коллективности» (мы пишем о давно прошедших событиях с позиции состоявшейся истории становления научного творчества и школы З.И. Файнбурга в терминах развитого состояния лежащей в их основе концепции) и рассматривающего эмпирические социально-экономические исследования как необходимый элемент научного творчества (см. подробнее (Файнбург 2022)).

В это время группа энтузиастов (Г.В. Осипов, А.А. Зворыкин, Н.В. Новиков, Н.Ф. Наумова и др.) сектора новых форм труда и быта (именно этот сектор стал тем «зародышем», из которого через Отдел конкретных социологических исследований, Институт конкретных социальных исследо-

ваний, Институт социологических исследований и родился Институт социологии РАН) Института философии АН СССР готовила совместное советско-польское сравнительное исследование социальных проблем труда и производства. Узнав об этих планах, З.И. Файнбург, у которого уже были материалы по труду и культуре рабочего класса, предложил организаторам проекта использовать накопленный в ППИ опыт и пермские предприятия в качестве «площадки» сравнительных исследований. Это предложение было принято.

Началась напряженная работа и одновременно стремительное «вхождение» З.И. Файнбурга в мир единомышленников, возрождавших советскую социологию практически с «нуля».

Именно это событие можно считать началом становления (в организационном плане) Пермской школы социологии, ибо группа исследователей из З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой пополнилась В.М. Лихачевым, серьезно заинтересовавшимся проблемой культурно-технического уровня трудящихся. Результаты работы докладывались в Польше, были опубликованы, получили известность, стали своеобразным эталоном, явились первоосновой советской социологии труда.

Всесоюзную известность и всеобщее признание работы Пермской школы социологии получили в 1963 году (Козлова, Ошуркова 1994).

Еще один шаг вперед в становлении Пермской школы был сделан в 1964 году, когда под руководством З.И. Файнбурга в ППИ была создана кафедра основ научного коммунизма (ныне кафедра социологии и политологии ПНИПУ). Её первыми сотрудниками стали доцент В.П. Красавин, сохранивший впоследствии свои научные интересы в области философии, политэкономы Е.С. Шайдарова, М.А. Слюсарянский, историк Г.Г. Бажутин, которые активно стали заниматься социологией (авторы далеки от намерения оценивать личный вклад каждого пермского социолога в становление и развитие Пермской школы социологии и вполне допускают, что их изложение не идеально в мелких деталях).

Ключевым моментом в полномасштабном становлении Пермской школы социологии явилось создание в 1967 году при кафедре двух лабораторий социологии – бюджетной Минвуза СССР – проблем высшего образования и хозрасчетной – проблем промышленной социологии. В то время они были первыми на Западном Урале и одними из немногих в стране.

Создавая лаборатории социологии, Захар Ильич предполагал использовать их не только как источник новых фактов и эмпирически выявленных закономерностей, но и как своеобразный «полигон» для апробации тех или иных концептуальных положений теории развития общества. Поскольку, по мысли Захара Ильича, в основе ис-

следований структуры и развития современного общества должны были объективно лежать проблемы труда, культуры и социальной организации (в широком смысле слова), то в лаборатории социологии были сформированы три сектора: социологии труда (руководитель М.А. Слюсарянский), социологии культуры (руководитель В.М. Лихачев), социального планирования (руководитель Е.С. Шайдарова).

Кафедра и лаборатории стали фактическим «ядром» и «мотором» практического и теоретического формирования Пермской научной школы, а вокруг З.И. Файнбурга сложился коллектив единомышленников.

Помимо руководителей секторов, в лаборатории было много талантливых исследователей современных социальных процессов – это Геннадий Вениаминович Разинский, Валерий Васильевич Прокин, Владимир Леонидович Соболев, Анатолий Николаевич Пономарев, Анатолий Максиминович Баландин и многие др..

Более того, активность З.И. Файнбурга привела к созданию социологических лабораторий в других вузах Перми: в университете, педагогическом и сельскохозяйственном институтах.

В это время кафедра и лаборатория социологии ППИ приобретают неформальный статус социологического центра Западного Урала, а к середине 1970-х годов пермская социология занимает одно из ведущих мест в стране: всего в тот период в вузах, на предприятиях, в организациях и учреждениях Пермской области трудились более 100 социологов.

В 1970–80-х годах получили развитие новые для тогдашней отечественной социологии научные направления, определившие работу в этих предметных областях на долгие годы: проблемы коллективности, социологии культуры (З.И. Файнбург), социологии труда (З.И. Файнбург, М.А. Слюсарянский, А.М. Баландин), социальной структуры трудовых коллективов (А.Г. Антипов, А.Н. Фадеев, Е.С. Шайдарова), социального планирования трудовых коллективов (Е.С. Шайдарова, В.В. Коневских, И.М. Стальных), нормативно-целевого подхода в социальном планировании (В.И. Герчиков), личности (В.Н. Стегний), профессиональной ориентации молодежи (Г.Г. Бажутин, Н.Н. Захаров), заводской социологии (В.Р. Лашев, А.Н. Пономарев, А.М. Баландин), различные аспекты исследования социокультурных процессов: культурно-технический уровень работников предприятий, социокультурные особенности развития городских поселений, исследования по семье, образу жизни и т.д. (В.М. Лихачев, Г.В. Разинский, Г.В. Жилина), социологии религии (М.Г. Писманик, М.Ф. Калашников), социологии морали (С.П. Парамонова), социологии города (О.Л. Лейбович), управленческой

ситуации в трудовых общностях (С.И. Кордон), социально-психологической ситуации в производственных группах (В.В. Левченко) и др.

Особую роль в формировании Пермской научной школы сыграла разработанная в Перми под руководством З.И. Файнбурга и Е.С. Шайдаровой «Методика планирования социального развития предприятия». Среди 17 авторов методики – пять работников телефонного завода, и том числе его директор И.Ф. Титаренко. В конце 1969 г. пермская методика экспонировалась на ВДНХ СССР: коллектив лаборатории социологии ППИ наградили Почетной грамотой, а руководители работы получили медали ВДНХ.

Методика превратила Пермь во всесоюзную «Мекку» социального планирования, куда стремились попасть все, занимавшиеся этой проблемой. Авторитет и профессионализм лаборатории социологии ППИ привлекал предприятия и ученых со всей страны. Лаборатория выполняла заказы предприятий городов Норильска (на севере), Нальчика (на юге), Калининграда (на западе), Читы (на востоке) и многих других.

С рядом предприятий установились прочные связи, на них создавались заводские лаборатории социологии. Особенно тесными такие связи были с Пермским телефонным заводом, где директором в 1957–1987 гг. был активно поддерживающий все новое Иван Федорович Титаренко. В 1965 г. заводскими специалистами в творческом содружестве с учеными Пермского политехнического института впервые на Западном Урале был разработан план социального развития коллектива завода. В 1967 год при Пермском телефонном заводе был создан Отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда (ОНИОСПТ). В 1974 г. за достижения в области социального планирования завод был удостоен медалей ВДНХ СССР и Диплома. Заметим, что все эти годы (на протяжении двадцати лет) З.И. Файнбург был научным консультантом завода по проблемам социологии и социального планирования.

Такие же отношения поддерживались с Норильским горно-металлургическим комбинатом, где выпускник машиностроительного факультета ППИ, прошедший ФОП по социологии, Ю.А. Барклянский создал прекрасную социологическую службу, стал кандидатом наук.

Потребность в социологических работах была значительной, их выполнение требовало «рук», что привело к быстрому росту численности сотрудников (до 70–80 человек штатного состава), имевших гуманитарное и/или техническое образование, желающих заниматься проблемами социологии, но не являвшимися «профессиональниками» социологами, которых тогда никто не готовил.

Их подготовка происходила в процессе работы и на еженедельных семинарах, проводимых Заха-

ром Ильичом на кафедре. Для студентов политеха на факультете общественных профессий была открыта специальность «Социология» (кстати, именно ее и окончил в свое время один из авторов данной статьи – Г.З. Файнбург, тогда физик-теоретик, обучавшийся в университете. Полученные тогда знания стали базисом дальнейшего развития).

Одновременно в 1967 году по инициативе и при непосредственном участии З.И. Файнбурга в вечернем университете марксизма-ленинизма (УМЛ) при активном содействии директора УМЛ К.Ф. Згогуриной был открыт факультет социологии промышленности, один из немногих тогда в стране. Его программа, разработанная в ППИ и рассчитанная на два года обучения, позволяла приобрести систематические теоретические знания и практические навыки социолога.

В то время учебной и научной литературы по социологии практически не было. По инициативе З.И. Файнбурга началось создание библиотеки по социологии. Сам Захар Ильич мог читать по-польски, по-немецки и по-английски, но нужна была литература на русском языке. Социологическую литературу на английском языке З.И. Файнбург заказывал по межбиблиотечному абонементу из Москвы. Кроме того, Захар Ильич использовал свои личные связи с социологами Польши, где уровень развития социологии был настолько высок, что директор Института философии и социологии Польской Академии наук Ян Щепаньский был тогда президентом Международной социологической ассоциации, а культуролог и друг Захара Ильича Казимеж Жигульский – министром культуры Польши. Поэтому из Польши постоянно поступали книги по социологии. Выбранные работы переводили. Для этого в штате лаборатории социологии появился переводчик – И.А. Рогова. Переводы печатали, размножали, переплетали, по ним учились. Библиотека росла.

Захар Ильич был известной личностью и выдающимся ученым, и к нему с удовольствием ехали на семинары и конференции многие известные ученые. Среди них были В.А. Ядов, Ю.А. Левада, И.В. Бестужев-Лада, Н.В. Новиков, Э.С. Маркарян, М.С. Каган, А.С. Ахиезер, Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, В.А. Конев, В.И. Бакштановский, А.М. Гендин, А.И. Левиков, Г.С. Лисичкин и многие другие. Их выступления, участие в дискуссиях, мастер-классы способствовали развитию Пермских социологов.

Росло и число профессионально грамотных специалистов, следовавших концепциям развития советского общества, становления коллективности, развиваемых Захаром Ильичом в его работах (см., например, концепцию Пермской школы в работах З.И. Файнбурга. Все опубликованные работы перечислены в библиографическом указателе (Научный тандем 2004). Неопублико-

ванные работы, а также различные материалы к ним находятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории). Они учились идеям и методам целостного системного междисциплинарного подхода З.И. Файнбурга к процессам развития общества, в первую очередь, советского.

Все это способствовало созданию единой и оригинальной методологии Школы. Формировался и единый подход, сохранившийся до наших дней, в методике научных исследований.

Почему смогла родиться и сохраниться Пермская школа? Конечно, у нее был яркий выдающийся лидер – З.И. Файнбург, но дело не только в нем. Любая научная школа – в чем-то иное «оригинальное» образование в общей господствующей научной парадигме. Пермским «повезло», З.И. Файнбург был «заточен» на реальное познание социальной действительности, а господствующая парадигма догматического понимания марксизма это реальное видение отвергала, как и всячески сопротивлялась «социологии». Более того, профессиональных социологов не существовало. Всё это позволяло пусть локально, но отходить от официоза, фактически реформировать обществоведение под предлогом создания нового учебного курса (основ научного коммунизма) и развития новых методов (социологических) эмпирического исследования социума, т.е. естественным образом создавать оригинальную Пермскую школу.

Учитель и ученики

Многочисленные письменные и устные воспоминания пермских социологов показывают, что огромное влияние на них оказало еженедельное проведение на кафедре «учебы», которую вел лично Захар Ильич.

Обучение происходило в духе античной классики: Учитель рассказывал, объяснял, дискутировал – ученики слушали, внимали, записывали и/или запоминали, обсуждали, спорили между собой и с Учителем.

Чем же запомнились эти семинары? Во-первых, тем, что у Учителя была глубокая, стройная, ясная и эвристически плодотворная концепция развития социального организма и его структуры. Во-вторых, тем, что Учитель не боялся проблем, не «сглаживал» углы, не «наводил тень на ясный день», на все проблемы у него был свой собственный взгляд ученого. В-третьих, тем, что Учитель знал лично практически всех действовавших тогда ученых и подавляющее большинство их работ, а потому мог говорить практически «от первого лица».

Личность Учителя была настолько незаурядной, изложение – эмоциональным, а суждения – глубокими и широкими, что «огонь науки» заигрался в слушателях, они становились умнее, что, несомненно, их эмоционально воодушевляло.

С формальной точки зрения Захар Ильич подготовил ряд докторов и кандидатов наук. Первую кандидатскую диссертацию под руководством З.И. Файнбурга, посвященную социологическим аспектам организации инженерного труда, защитил Л.В. Невская. Ряд диссертаций ученики Захара Ильича защищали и успешно защитили уже после его смерти.

Захар Ильич не был формалистом и ретроградом, относился к людям, особенно притесняемым чиновниками от науки, с должным вниманием. Он всегда готов был предложить свои «идеи», подсказать что-то, поддержать любого, кто в этом нуждался. Вот почему у него, помимо формальных учеников и/или сотрудников его кафедры и лабораторий, было множество неформальных учеников и последователей.

Среди них мы хотели бы отметить известного культуролога, доктора философских наук и кандидата филологических наук, профессора Игоря Владимовича Кондакова.

От инженерного к гуманитарному образованию

Концепция становления коллективистского общества, развиваемая З.И. Файнбургом и реализуемая им в рамках Пермской школы социологии, много места уделяла преодолению религиозно-подобного сознания, становлению научного понимания общественных процессов. Это требовало усиления гуманитаризации инженерного образования и не только. В частности, Захар Ильич стремился к созданию в политехническом институте инженерно-экономического факультета. Эта мечта Захара Ильича и закономерное развитие Пермской школы социологии было реализовано учеником Захара Ильича доктором социологических наук, профессором Василием Николаевичем Стегнием, которому удалось создать и много лет успешно возглавлять гуманитарный факультет и открыть на нем (помимо прочих) специальность «Социология».

Все годы после смерти З.И. Файнбурга кафедра социологии и политологии выступала в роли хранителя и продолжателя дела Файнбурга.

В 1990–2013 гг. возглавлял кафедру ученик Захара Ильича доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ Марк Абрамович Слюсарянский. В настоящее время руководит кафедрой также ученик Захара Ильича доктор психологических наук, доцент Валерий Витальевич Левченко.

Кафедра с 1993 года стала выпускающей, осуществляя подготовку студентов по направлению «Социология», а с 2005 года началась подготовка магистров по программе «Социология труда и предпринимательства». В настоящее время на кафедре реализуются следующие основные образо-

вательные программы по направлению «Социология»: бакалаврская, магистерская и 2 направления аспирантуры. В 2013 году создана студенческая социологическая научно-исследовательская лаборатория.

За всю историю своего существования кафедрой подготовлено более 25 выпусков специалистов и бакалавров социологов (более 600 человек) и 15 выпусков магистров социологии (около 100 человек).

Кроме этого кафедра обеспечивает подготовку студентов для других факультетов и кафедр ПНИПУ по почти 20 учебным общеуниверситетским дисциплинам: «Социология», «Политология», «Психология», «Психология делового общения», «Социально-психологические проблемы личности», «Социальное познание», «Социальная психология», «Деловые коммуникации», «Деловое сотрудничество и психология взаимодействия в трудовом коллективе», «Социология управления» и др.

Так случилось, что через год после смерти З.И. Файнбурга СССР распался и возникла новая социально-экономическая реальность – рыночная экономика. Поэтому в постсоветский период на протяжении двух десятилетий основным научным направлением кафедры и лаборатории социологии стали «Социально-экономические проблемы современного российского общества в условиях перехода к рынку», и оно достаточно успешно реализовывалось ее сотрудниками. Социологические исследования (руководитель – М.А. Слюсарянский) вели при поддержке научных грантов РГНФ и на хоздоговорной основе с заинтересованными организациями – Администрацией Пермской области, Пермским городским комитетом по образованию и науке, комитетом социальной защиты, рядом промышленных предприятий Пермского края.

Так, в 1992 г. в структуре Пермской областной администрации появился сектор социологического мониторинга (руководитель – В.А. Бурко), целью которого стал анализ общественного мнения. Ряд разработанных в этот период социальных концепций (проблемы семьи, социальной защиты, социальной дифференциации) легли в основу региональных программ, утвержденных в качестве официальных документов Законодательным собранием Пермской области.

В настоящее время интегральным научным направлением Пермской социологической научной школы является тема «Социальное пространство регионального социума: точки взаимодействия и конфликта».

В рамках общего направления разрабатываются приоритетные проблемы: «Социальные, экологические, социально-психологические проблемы территориальных общностей» (Стегний В.Н.;

Киприянова М.А.; Боронников А.Д.); «Социологические и социально-психологические проблемы трудовой активности и безопасности высокотехнологического производства» (Левченко В.В.; Расторгуева Е.Н.; Ганина О.А.; Бурова О.А.); «Социологические аспекты проблем высшего образования (региональный аспект)» (Антипов К.А.; Курбатова Л.Н.); «Теория и методология социального прогнозирования» (Стегний В.Н.); «Социология морали» (Парамонова С.П.); «Состязательные формы человеческого капитала» (Левченко В.В.; Бурко В.А.); «Социокультурные факторы, определяющие отношение городской молодежи к идеологии и практике экстремизма» (Антипов К.А.; Вассерман Ю.М.; Разинский Г.В.); «Социальная стратификация. Социология труда и управления» (Антипов К.А.; Лазукова Е.А.; Разинский Г.В.).

Работы, выполняемые лабораторией социологии (руководитель – Г.В. Разинский), охватывают широкий спектр социальной жизни общества: социальные проблемы труда (адаптация, мотивация труда), образа жизни, управления (на отраслевом и региональном уровне), социальное прогнозирование и социальное проектирование на предприятиях и в регионе, социальные изменения в поведении отдельных социальных групп в условиях перехода к обществу рыночного типа (проблемы занятости и безработицы, социальной защиты, семьи, женщин, детства и т.д.), социологический маркетинг (позиционирование и продвижение товара на потребительском рынке с учетом социальных характеристик потенциального потребителя/покупателя и социальных факторов, способствующих/препятствующих этому), изучение электропоявления населения, социологическое сопровождение избирательной кампании и др.

Вообще, за период существования лаборатории ее сотрудниками выполнено более 3000 исследований по заказам почти 80 предприятий, учреждений, органов управления различных уровней, научных подразделений.

В постсоветский период был выполнен ряд социологических проектов по грантам РГНФ (социальная стратификация российского общества, проблемы формирования среднего класса, рынок труда и занятости, социальные проблемы регионального развития, синдром патернализма как системообразующий фактор развития российского общества, муниципальная власть и местные сообщества) и опубликованы монографии: «Проблемы социальной стратификации в переходный к рынку период», «Тенденции и факторы формирования российского среднего класса (особенности учительства как социальной группы)» и др.

Развивая традиции «Файнбургской школы», пермские социологи в современных условиях существенно обогатили методический арсенал сбора и анализа социологической информации,

активнее стали использовать в социологии возможности качественных методов.

На базе теоретико-прикладных разработок лаборатория социологии выполняла (и до сих пор выполняет) исследования по адаптации, мотивации труда, образу жизни, управлению, социальному прогнозированию, социально-психологической ситуации в производственных общностях, отслеживает изменения, происходящие в поведении отдельных социальных групп в условиях перехода к обществу рыночного типа.

Лаборатория социологии проблем высшего образования ПНИПУ (заведующая лабораторией – ученица Захара Ильича, кандидат социологических наук Курбатова Людмила Николаевна) ведет исследования социальных проблем высшей школы.

В их числе: выбор студентами профессии, определение и постановка жизненных и профессиональных планов; процесс адаптации студентов к условиям вуза; процесс формирования мировоззрения; культура студентов технического вуза; нравственное и правовое сознание и поведение студентов; научно-творческая деятельность студентов и преподавателей; удовлетворенность студентов и преподавателей образовательным процессом; условия и организация быта студентов; деятельность и эффективность работы учебных, общественных подразделений и управленческих служб вуза; формирование личности студента в вузе; социальная напряженность в студенческой среде; социальное самочувствие и социальная безопасность студентов; информационная культура студентов; национальное самосознание и политическая культура студентов; включенность преподавателей в процесс реформирования вуза.

Сравнительный анализ результатов социологических исследований разных лет позволяет выявить тенденции, динамику, закономерности социальных изменений, которые происходили в российском обществе, и их влияние на такую социальную группу, как студенчество. При этом сравнительный анализ материалов исследований 1968–1984–1993–2008–2014 годов дает возможность спроецировать социальные характеристики студентов, представляющих поколенные срезы студенческой молодежи. Такой подход повышает объективность анализа социологической информации, так как учитывает изменение социальной реальности в социальном пространстве и социальном времени.

За весь период сотрудниками лаборатории социологии высшей школы было проведено более 100 социологических исследований более чем по 60 научным направлениям. Научный вклад в деятельность лаборатории внесли: Л.П. Мальцева, И.И. Лихачева, В.В. Герчикова, Л.Н. Курбатова, Т.И. Титоренко, О.В. Борисова, В.Д. Разинская,

Н.И. Асанова, Л.Л. Онищак, Л.А. Федюкова, В.А. Петиллов, Л.Л. Савенкова, М.А. Воробей, В.А. Осколкова, Л.А. Власова.

Современное прочтение «коллективности»

З.И. Файнбург рассматривал *коллективность* как видовую категорию по отношению к родовому понятию *совместность*. В своем рассмотрении коллективности он опирался на основополагающие принципы научного анализа: системный подход, согласно которому коллективность может быть исследована только как система, анализируемая в терминах элементов и структуры, части и целого, развития, иерархии, измерений и уровней; принцип развития (системогенеза), раскрывающие проблемы стадильности в формировании и становлении коллективности; принцип детерминизма, легший в основу описания механизмов формирования коллективности в определенных условиях, а также описания круга детерминационных воздействий самой коллективности на эффективность поведения в заданных условиях среды; принцип прогностической ретроспекции и др.

Совместность, с точки зрения З.И. Файнбурга, представляет собой системный социальный феномен, характеризующий основы (ядро) любого группового существования, проявляющегося в том или ином взаимодействии или взаимоотношении. В качестве универсальных признаков совместности чаще всего выделяют: наличие единой цели и общей мотивации, определенную функциональную взаимозависимость, объединение индивидуальных деятельностей и согласованное их выполнение, единое пространство и одновременность выполнения разными участниками и др.

В дальнейшем к этим критериям совместности (коллективности) З.И. Файнбург добавил *состязательность*, как один из признаков и детерминант формирования определенных качеств совместности (то есть группообразующий признак), так как именно в состязательности заложено одно из внутренних противоречий совместности, выступающее источником активности индивида и группы (одной из основных причин возникновения «новой» дополнительной силы в процессе совместной деятельности), причиной преимуществ совместных форм деятельности в сравнении с индивидуальными (Левченко 2005).

Совместность становится коллективностью только при определенных условиях, на определенной стадии своего развития. *Коллективность* есть специфическая и наиболее развитая форма совместности, один из полюсов (одна из форм) совместности. Противоположным коллективности полюсом совместности является *обособление* (в философской литературе для обозначения этой стороны совместности используется также тер-

мин «отчужденность», а К. Маркс и Ф. Энгельс применяли понятие «мнимой, иллюзорной» коллективности).

В историческом развитии общества и индивида имели место (последовательно) следующие формы совместности: «естественная (примитивная) коллективность», «мнимая коллективность», «действительная коллективность». В основе развития данных форм совместности всегда находились соответствующие формы состязательности: «примитивная состязательность» или «альтруистичность» (абсолютное доминирование тенденции к интеграции над тенденцией к обособлению), «конкурентность» (доминирование тенденции к обособлению), «конструктивное сотрудничество» (одновременное активное проявление обеих противоречивых тенденций).

Сегодня (в современном обществе) также имеют место различные формы отношений совместности, обусловленные, кроме прочего (по результатам исследований лаборатории и кафедры социологии ПНИПУ – прежде всего), различным уровнем развития состязательности. Более высокий уровень развития отношений совместности обуславливается, прежде всего, более высокой целостностью функционирования субъектов такого вида состязательности, как сотрудничество, то есть более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности – одновременным максимальным вовлечением не одной, а обеих тенденций, присущих субъекту сотрудничества. Таким образом, внутреннее противоречие состязательности, имеющее постоянную асимметрию, выступает в качестве одного из основных источников саморазвития отношений совместности. А наиболее прогрессивная форма состязательности – сотрудничество – во многом обуславливает развитие наиболее прогрессивной формы совместности – «коллективности», высшей стадии развития социальных и межличностных отношений в социальной группе.

Файнбургские чтения

Кафедра социологии и политологии ПНИПУ и Пермское отделение Российского общества социологов с 1992 года организует уже ставшие традицией Всероссийские конференции «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований», посвященные памяти З.И. Файнбурга (Файнбургские чтения).

На сегодняшний день проведено 20 конференций, на которых пермские социологи и их коллеги из других регионов имели возможность представить и обсудить результаты исследований.

Существенным фактором в жизни пермского сообщества социологов является то, что все полнее заявляет о себе новое поколение молодых исследователей, получивших профессиональное

социологическое образование, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему качественно-му развитию социологии в Пермском регионе.

Заключение

Пермская научная школа живет уже почти 60 лет. Её идеи восприняты многими учеными, даже никогда не видевшими и не слышавшими Захара Ильича, умершего более 30 лет назад. Частично об их распространенности можно судить по ссылкам в Интернете. Их число на имя Захара Ильича (в разных конфигурациях поиска) достигает почти 3000. Это говорит о том, что эти идеи используются, они живут, развиваются, способствуют развитию социологии в нашей стране.

Библиографический список

Козлова Галина Петровна // Социология России в лицах: история и современность. Москва: Изд. «Весь МИР», 2019. С. 176.

Козлова Г.П., Ошуркова Р.А. Захар Ильич Файнбург // История и методология науки. Вып. 1. Пермь, 1994. С. 181–214.

Левченко В.В. Психология состязательности. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2005.

Научный тандем: Файнбург Захар Ильич – Козлова Галина Петровна: Библиографический указатель. Пермь: Изд. ПГТУ, 2004.

Парамонова С.П. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали). Т. I. Ч. I. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2006.

Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований // Мат. Всерос. научн. и научно-практ. конференций. Пермь: Изд-во ПГТУ/ПНИПУ, 1992–2021.

Социология о социальных процессах российского общества: монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007.

Файнбург Г.З. Теория становления коллективистского общества (к 100-летию со дня рождения Захара Ильича Файнбурга) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 70–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-70-81>.

Файнбург Захар Ильич // Социология России в лицах: история и современность. Москва: Изд. «Весь МИР», 2019. С. 250–251.

Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе // Мат. Всерос. научно-практ. конф. Пермь: Изд-во ПГТУ, 1999–2007.

References

Kozlova, G.P. (2019), *In Sociology of Russia in persons: history and modernity*, Publishing house "VES MIR", Moscow, Russia.

Kozlova, G.P. and Oshurkova, R.A. (1994), Zakhar Ilyich Fainburg, *History and Methodology of Science*, issue 1, pp. 181–214.

Scientific tandem: Zakhar Ilyich Fainburg - Galina Petrovna Kozlova (2004), Biobibliographic index, Publishing house of PSTU, Perm, Russia.

Levchenko, V.V. (2005), *Psychology of competition*, Publishing House of PSTU, Perm, Russia.

Paramonova, S.P. (2006), *Dynamics of moral consciousness (Introduction to the sociology of morality)*, T. I, Part I, Publishing House of PSTU, Perm, Russia.

Modern Society: Questions of Theory, Methodology, Methods of Cooperative Research, *Proc. All-Russian conf* (1992–2021), Publ. House of PSTU/PNIPU, Perm, Russia.

Sociology on the social processes of Russian society: monograph (2007), Prof. V.N. Stegnyy (ed.), Publishing House of PSTU, Perm, Russia.

Fainburg, G.Z. (2022), Theory of collectivist society formation (on the 100th anniversary of the birth of Zakhar Ilyich Fainburg), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 70–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-70-81>.

Fainburg, Z.I. (2019), *Sociology of Russia in persons: history and modernity*, Publishing house "VES MIR", Moscow, Russia.

The formation of the humanitarian environment and extracurricular work at the university, technical school, school, *Proc. All-Russian conf* (1999–2007), Publ. House of PSTU, Perm, Russia.

Submitted: 11.04.2022

Revised: 25.05.2022

Accepted: 10.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-98-103

Дата поступления: 21.04.2022
рецензирования: 09.06.2022
принятия: 20.06.2022

С.А. Золотов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: szolotov96@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4650-6723>

Цифровая экономика: ядро и периферия

Аннотация: проанализированы различные критерии классификации современной экономики. Установлено, что вся экономика XXI века в той или иной степени является цифровой. Рассмотрено влияние цифровых технологий на развитие экономики в зависимости от степени использования цифровых технологий. Установлен неравномерный характер цифровизации на различных уровнях: глобальном, национальном и отраслевом. С учетом неравномерного характера развития цифровой экономики идентифицированы два сектора экономики, сформировавшихся в результате неравномерного характера развития цифровых технологий, обозначенные как «ядро» и «периферия». На основе анализа статистических данных выявлено, что различия ядра и периферии цифровой экономики в значительной мере обусловлены спецификой элементов производственной среды (ситуации). Определены ключевые различия в основных элементах производственной ситуации ядра и периферии: размере заработка, условиях труда, режиме рабочего времени.

Ключевые слова: цифровая экономика; ядро цифровой экономики; периферия цифровой экономики.

Цитирование: Золотов С.А. Цифровая экономика: ядро и периферия // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 98–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-98-103>.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-310-90056 «Мотивирование работников промышленного предприятия гибким режимом рабочего времени».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Золотов С.А., 2022 – аспирант, младший научный сотрудник кафедры экономики предприятий и организаций ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Проспект Гагарина, 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Zolotov

Lobachevsky State University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: szolotov96@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4650-6723>

Digital economy: the core and the periphery

Abstract: in this article there have been analyzed different classification criteria of the modern economy. It has been established that the economy of the 21st century is characterized by a certain degree of digitalization. The influence of the digital technologies on the development of the economy is analyzed in accordance with the degree of digital technologies used in economic processes. The uneven nature of digitalization has been established at various levels: global, national and sectoral. As a result of the uneven nature development of the digital economy, two sectors of this economy have been pointed out. They may be identified as the “core” and “periphery” of the digital economy. It has been revealed that the differences between the core and the periphery of the digital economy are generally due to the elements’ specific character of the working environment (manufacturing situation). There have been determined the key differences within the scope of the basic elements referring to the manufacturing situation of the core and periphery: the amount of earnings, working conditions, working hours.

Key words: digital economy; core of the digital economy; periphery of the digital economy.

Citation: Zolotov, S.A. (2022), Digital economy: the core and the periphery, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 98–103, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-98-103>.

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-310-90056 “Motivation of employees of an industrial enterprise with flexible working hours”.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zolotov S.A., 2022 – PhD student, junior researcher of the Economics of Enterprises and Organizations department, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

Введение

По отношению к современной экономике, включая сферу труда, могут быть применены различные критерии классификации. Так, в зависимости от результата экономической деятельности можно разграничить производственную сферу экономики и сферу услуг. В рамках первой производятся материальные блага, во второй оказываются услуги, а также создаются предметы искусства и формируются новые научные знания (отсюда можно сделать вывод, что название «сфера услуг» не вполне точно отражает результаты трудовой деятельности этой сферы).

С отмеченной классификацией в значительной сфере перекликается разделение экономики на первичный (добыча сырья), вторичный (промышленное производство и строительство) и третичный (услуги) сектора.

Социально-экономическое положение может различаться и у отдельных групп работников, принадлежащих к одной социально-классовой группе. Например, школьные учителя и преподаватели вузов, хотя и входят в единую группу работников сферы образования, но имеют заметные различия в содержании своей профессиональной деятельности, в режимах рабочего времени и т.д.

Представляется, что актуальный процесс цифровизации порождает новый критерий разграничения сфер экономики – в зависимости от уровня развития цифровых технологий, вследствие чего появляется соответствующая специфика трудовой мотивации (Смирнов 2021).

Идея экономика как цифровой сформулирована Д. Тэпскоттом (Tapscott 2015). Он полагал, что цифровые технологии в той или иной степени оказывают влияние на все процессы развития глобальной экономики. С учетом данного подхода была сформулирована программа «Цифровая экономика России». В ней цифровизация экономики определяется как «процесс, отражающий многообразие сквозных цифровых технологий, включая: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии

беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей» (Цифровая экономика России 2021).

Ход исследования

Процесс цифровизации экономики происходит неравномерно (Данилова, Щанина 2010), поэтому характеристика экономики в целом как цифровой не исключает дифференциацию ее сфер в зависимости от интенсивности применения отмеченных технологий (Степанов, Колесник 2021).

Один из подходов к дифференциации представлен Ю.В. Белоусовым и О.И. Тимофеевой. Данные авторы разделяют все страны мира на три группы в зависимости от уровня развития цифровых технологий: в первой создаются системы цифрового производства и управления, которые активно используются в этих же странах; во второй эти системы не производятся, но широко используются; в третьей (куда ими включается и Россия) эти системы не производятся и не используются (Белоусов, Тимофеева 2019). Отмечая содержательный характер данной классификации, можно указать и на ее дискуссионность. Возникает впечатление, что в государствах третьей группы экономика носит нецифровой характер. В действительности и в российской промышленности задействованы роботы, хотя масштаб применения отличается от стран-лидеров в области роботизации.

Вместе с тем приведенная позиция, хотя и в неявной форме, позволяет применить мир-системный анализ цифровой экономики. В рамках мир-системного анализа выявляется различие между центральными (ядровыми) и периферийными производственными процессами, которые сосредоточиваются в определенных странах (Валлерстайн, 2006). Наряду с ядром и периферией, существуют страны полупериферии, в которых более или менее в равной степени представлены центральные и периферийные производственные процессы.

Обращает на себя внимание, что в основу приведенной классификации положены производственные процессы, представляющие собой применение технологий разного уровня. Кроме того, в самих названиях «ядро» и «периферия» подчерки-

вается связь этих процессов, так как ядра (центра) нет без периферии – и наоборот. К преимуществу данного обозначения в отличие от цифрового, относится и то, что при классификации на ядро и периферию прослеживается их соотношение.

Следует отметить, что в социально-экономической литературе уже встречается использование мир-системного анализа в связи с исследованием цифровизации, например, в работах М.А. Лумповой и Б.Ж. Тагарова (Лумпова 2018), (Тагаров 2021). Отмеченные авторы, однако, рассматривают ядро и периферию как сформировавшиеся до прогресса цифровизации и акцентируют внимание на изменении этих полюсов и полупериферии в условиях ее прогресса.

Представляется, что сама цифровая экономика подразделяется на ядро и периферию, причем не видно препятствий для такого разграничения в рамках одной страны, ведь и здесь наблюдается единство производственных процессов, в разной степени реализующих цифровые технологии.

С нашей точки зрения в ядро цифровой экономики целесообразно включить сектор информационно-коммуникационных технологий, сферу государственного управления, науку, образование, где создание, накопление или передача информации имеет ключевое значение. Очевидно, что ядро охватывает и те производственные предприятия, в которых доминируют новые технологии (например, 3D-технологии).

В этом случае на периферии цифровой экономики оказываются, прежде всего, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, в производственных процессах которых новые технологии используются эпизодически или не применяются вовсе. Эти предприятия находятся в рамках цифровой экономики и потому, что в управлении ими используются цифровые технологии: мобильная связь и компьютеры.

Результаты исследования

Для сравнения ядра и периферии цифровой экономики были выбраны сектор ИКТ и производство пищевых продуктов (основную сферу пищевой промышленности, где заняты свыше 90 % работников, исключая занятых в производстве напитков и табачных изделий). Нахождение их в противоположных сегментах цифровой экономики не вызывает сомнений. Численность занятых в данных сегментах ядра и данной периферии тоже сопоставима: в 2017 году в ИКТ работали 1,2 млн. человек, в производстве пищевых продуктов 1,7 млн. человек (Аналитическая справка 2019).

Разграничение секторов экономики на ядро и периферию, прежде всего, учитывает прибыльность производственных процессов. Прибыльность ядра цифровой экономики, в первую очередь, связана с укреплением рыночных

позиций субъектов ядра, с перспективами их дальнейшего прогресса. В этом смысле показательно, что российский сектор ИКТ демонстрирует высокие темпы роста прибыли: так, в 2020 году чистая прибыль компаний ИКТ возросла на 49 %, рентабельность – с 9,2 % до 11,7 %, что сопровождалось увеличением доли сектора в валовой добавленной стоимости экономики с 2,3 % до 3,2 % (Волосов 2021).

Уровень прибыльности сам по себе не отражает специфику социально-экономического положения работников ядра и периферии цифровой экономики. Цифровизация воздействует на такие его ключевые параметры, как уровень оплаты труда и его условия, включая режимы рабочего времени.

С учетом того, что ядро цифровой экономики – ее прогрессирующая сфера, а периферия – отстающая в реализации новых технологий, естественно предположить, что по всем указанным параметрам работники ядра находятся в более предпочтительном социально-экономическом положении, чем работники периферии.

Прежде всего, целесообразно сопоставить уровень зарплаты в этих секторах. Например, зарплата программистов более чем в 2 раза выше средних зарплат по остальным отраслям и в 2019 году превышала 100 тысяч руб. (С-news 2021). Средняя зарплата выпускников ННГУ за 2012–2017 годы по направлению информационных технологий составила в 2018 году 83 тыс. руб., то есть молодые специалисты этой сферы зарабатывали больше чем в 2 раза по сравнению со средней зарплатой по России (39355 руб.) (сайт Университета Лобачевского).

Иная картина наблюдается в производстве пищевых продуктов и сельском хозяйстве (Бочаров 2009). Среднемесячная номинальная зарплата в этом секторе периферии цифровой экономики составляла в 2017 году 29920 руб. или 76 % от средней заработной платы по российской экономике в целом (Аналитическая справка 2019). Налицо многократное отставание уровня оплаты труда работников периферии от аналогичного показателя у работников ядра.

Значимые различия между данными группами работников прослеживаются и в отношении условий труда. Работники сферы ИКТ, как правило, не сталкиваются с тяжелыми физическими нагрузками, повышенным уровнем шума, вибрации, загазованности и т.д. В их трудовой сфере преобладают допустимые условия труда, при которых воздействие вредных и (или) опасных производственных факторов не превышает уровни, установленные нормативами (гигиеническими нормативами) условий труда, а измененное функциональное состояние организма работника восстанавливается во время регламентированного отдыха или к началу следующего рабочего дня (смены).

В производстве пищевых продуктов многие работники, прежде всего, рабочие, заняты тяжелым физическим трудом, работают в условиях экстремальных температурных режимов. Правда, в настоящее время преобладает практика отнесения пограничных условий труда к допустимым, поскольку при отнесении условий труда к вредным руководство предприятий обязано осуществлять дополнительные выплаты работникам. На крупных промышленных предприятиях речь идет о значительных дополнительных расходах на персонал. В связи с этим чем более удалено производство от ядра цифровой экономики, тем выше вероятность повышения класса условий труда по итогам специальной оценки труда независимо от их реального влияния на здоровье работников.

Дополнительный негатив, с точки зрения восприятия работниками периферии условий труда, представляет собой возможность сравнивать производственную ситуацию у себя и в ядре. Сравнение происходит не в пользу периферии, и можно предположить, что оказывает негативное влияние на трудовую мотивацию работников.

Режимы труда, включая его продолжительность, – одна из ключевых характеристик условий труда (в широком смысле этого понятия). В экономически развитых государствах наблюдается тенденция к сокращению рабочего времени, становится все популярнее идея сокращения рабочего дня с сохранением заработной платы (Glaveski 2018). В социально-экономической литературе представлена точка зрения, что 3-, 4-часовой рабочий день позволит обеспечить позитивное изменение не только в труде, но и в жизни людей (Newport 2016). Несомненно, уменьшение рабочего времени в современной экономике связано с прогрессом цифровизации.

В ядре цифровой экономики расширяется применение гибкого графика работы, позволяющего сотрудникам обеспечивать баланс между трудовыми обязанностями и личной жизнью. В России подобные тенденции тоже укрепляются: по данным исследования «Regus», по гибкому графику трудятся 20 % всех занятых в отечественной экономике (Баева 2018). В этой сфере возможно применение дистанционного формата работы, экономящего затраты времени на поездки на работу и обратно и т.д. При этом работники в состоянии регулировать продолжительность своего рабочего времени в соответствии со своими интересами.

Иная ситуация на периферии цифровой экономики, где используются режимы рабочего времени, не характерные для ее ядра: в производстве пищевых продуктов преобладает график рабочего времени «три рабочих дня через три выходных дня»; встречаются графики «четыре рабочих дня через два выходных», «два рабочих дня через два выходных» (с продолжительностью рабочего

дня 12 часов), «сутки (24 рабочих часа) через 3 выходных», в очень ограниченных масштабах – пятидневная рабочая неделя. При этом обычная продолжительность рабочей смены колеблется в диапазоне от 11 до 11,5 часов (Трофимов и др. 2020). Очевидно, что в плане режимов труда, включая продолжительность рабочего дня, работники периферии цифровой экономики тоже находятся в проигрышном положении по сравнению с занятыми в ее ядре.

Различие между ядром и периферией цифровой экономики заключается и в отношении менеджмента предприятий к инициативам работников. Динамичность и инновационность передовых (цифровых) компаний связана с личной инициативой работников самосовершенствоваться и развить организацию через реализацию собственного потенциала, выступая тем самым в роли реального субъекта управления, ответственного за успешное развитие бизнеса (Комарова 2013). Инициативы могут быть различными: от предложений по улучшению графика рабочего времени и до внесения идеи о внедрении технологических новшеств (Мерзлякова 2018). С инициативами ведется целенаправленная работа менеджментом предприятий, формируются уважительные отношения между подчиненными и руководством. Такая политика мотивирует работников трудиться на благо развития компании и собственного карьерного продвижения. На периферии цифровой экономики инициатива работников практически не поощряется, в работниках культивируется исполнительность.

Заключение

В результате неравномерности развития цифровых технологий в мире сформировалось два крупных сектора: ядро и периферия цифровой экономики. Отмеченное деление целесообразно не только на глобальном, но и на национальном уровне. Следует отметить, что даже в рамках наименее экономически развитых государств существуют отрасли, достаточно развитые в цифровом плане. Больше того, допустимо применение деления на ядро и периферию цифровой экономики на отраслевом уровне.

В рамках исследования было установлено, что различия между ядром и периферией цифровой экономики обусловлены различиями не только в уровне прибыльности, но и разницей между ключевыми элементами производственной ситуации. Разрыв размера заработка между данными секторами существенный и продолжает увеличиваться из-за неравномерного темпа развития цифровых технологий. Условия труда в ядре и периферии значительно отличаются в пользу первого сектора.

Особую значимость приобретает проблема неоптимальных, «устаревших» режимов труда на

периферии цифровой экономики. 12-часовые рабочие смены при жестком графике рабочего времени негативно сказываются на здоровье работников. В ядре, напротив, происходит прогресс во внедрении комфортных режимов рабочего времени, чему в значительной мере содействует эффективное использование цифровых технологий.

Дальнейшее исследование проблемы предполагает анализ диффузии цифровых технологий, формируемых в ядре, в периферийный сектор, что позволит полнее раскрыть позитивные тенденции в изменении социально-экономического положения работников периферии.

Библиографический список

Glaveski, S. (2018), *The case for the 6 – hour workday*. *Harvard Business Review from 18th December 2018*, [Online], available at: <https://hbr.org/2018/12/the-case-for-the-6-hour-workday> (Accessed 9 April 2022).

Newport C. *Deep Work: Rules for Focused Success in a Distracted World*. Grand Central Publishing; Unabridged edition (January 5, 2016).

Tarpscott, D. (2015), *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*, McGraw-Hill, UK.

Аналитическая справка 2019. Пищевая промышленность. Режим доступа: https://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Pishevaya%20promeshlennost_2019.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Баева И. Гибкий мир: как хотят работать в Швеции, Англии и России // *Forbes* от 17.08.2018. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/365853-gibkiy-mir-kak-hotyat-rabotat-v-shvecii-anglii-i-rossii> (дата обращения: 09.04.2022).

Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Методология определения цифровой экономики // *Мир новой экономики*. 2019. № 13 (4). С. 79–89. Там же. С. 86.

Бочаров В.Ю. Трудовой потенциал фермерства: уровень профессионально-квалификационной подготовки, материальное положение и мотивация труда // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 71. С. 31–40.

Валлерстайн Иммануил. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 248 с.

Волосов И. Сектор ИКТ в России: начало ускорения? [Электронный ресурс]. Электронный портал Интерфакс. Режим доступа: https://data.spark-interfax.ru/promo/articles/ikt_082021.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Данилова Е.А., Щанина Е.В. Молодежь в региональном социуме: теоретический аспект // *Изве-*

стия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 62–69.

От самоорганизации к саморазвитию: смена парадигмы менеджмента / Н. Б. Акатов [и др.]; под ред. С. В. Комарова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 257 с.

Лумпова М.А. Проблемы и перспективы цифровизации российской экономики. Мир-системный анализ // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия: *Stadia historica jenium*. 2018. № 1. С. 127–137.

Мерзлякова И.Л. Особенности социокультурной модернизации России в контексте формирования информационного общества // *KANT*. 2018. № 2 (27). С. 196–199.

Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1, С. 129–153.

Трофимов О. В., Золотов С. А., Ежов А. С. Режим труда как мотиватор трудовой деятельности рабочих на примере предприятия пищевой промышленности // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2020. №3 (59). С. 32–39.

Тагаров Б.Ж. Оценка уровня концентрации производства в обрабатывающей промышленности России в условиях цифровизации экономик // *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 1. С. 17.

Программа «Цифровая экономика России» [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsV79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

Степанов В.Г., Колесник Е.А. Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2021. № 1, С. 115–130.

Официальный сайт Университета Лобачевского. Режим доступа: <http://www.itmm.unn.ru/novosti/rating-it-2018> (дата обращения: 20.04.2022).

Электронный портал «С-news». Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2021-08-18_zarplata_itspetsialista (дата обращения: 20.09.2021).

References

Glaveski, S. (2018), *The case for the 6 – hour workday*. *Harvard Business Review from 18th December 2018*, [Online], available at: <https://hbr.org/2018/12/the-case-for-the-6-hour-workday> (Accessed 9 April 2022).

Newport C. *Deep Work: Rules for Focused Success in a Distracted World*. Grand Central Publishing; Unabridged edition (January 5, 2016).

- Tapscott, D. (2015), *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*, McGraw-Hill, UK.
- Report «*pishhevaja promyshlennost'*», [Online], available at: https://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Pishevaya%20ppomeshlennost_2019.pdf (Accessed 20 April 2022).
- Baeva, I. (2018), Gibkij mir kak hotjat rabotat' v Shveshhii i Anglii, *Forbes from 17.08.2018*, [Online], available at: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/365853-gibkiy-mir-kak-hotyat-rabotat-v-shvecii-anglii-i-rossii> (Accessed 9 April 2022).
- Belousov, J.V. and Timofeeva, O.I. (2019), Methodology of digital economy definition, *The world of new economy*, no. 13 (4), pp. 79–89.
- Bocharov, V.U. (2009), Labor potential of farmers: the level of professional preparing, wealth and labor motivation, *Vestnik samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 71, pp. 31–40.
- Vallerstajn, I. (2006), *World system analysis: introduction*, Izdatel'skij dom "Territorija budushhego" Serija "universitetskaja biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo", Moscow, Russia.
- Volosov, I. (2021), Digital sector in Russia: is the beginning of development? *Interfax*, [Online], available at: https://data.spark-interfax.ru/promo/articles/ikt_082021.pdf (Accessed 20 April 2022).
- Danilova, E.A. and Shhanina, E.V (2010), Youth in the regional society: theoretical aspect, *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, no. 1, pp. 62–69.
- From self-organization to self-development: a change in the management paradigm*, N.B. Akatov i dr pod red Komarova N.B. (2013), Institut jekonomiki Uro RAN, Ekaterinburgj, Russia.
- Lumpova, M.A. (2018), Problems and ways of Russian economy digitalization. World system analysis, *Vestnik nauchnoj asociacii studenvtov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seria: Stadia historica jenium*, no. 1, pp. 127–137.
- Merzljakova, I.L. (2018), Features of the socio-cultural modernization of Russia in the context of information society formation, *KANT*, no. 2 (27), pp. 196–199.
- Smirnov, A.V. (2021), Digital society: theoretical model vs Russian reality, *Monitoring obshhestvenno-go mnenija: social'nye i jekonomicheskie peremeny*, no. 1, pp. 129–153.
- Trofimov, O.V., Zolotov, S.A. and Ezhov, A.S. (2020), The mode of work as a motivator of labor activity of workers on the example of a food industry enterprise, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im.N.I. Lobachevskogo. Serija social'nye naukij*, no. 3 (59), pp. 32–39.
- Tagarov, B.J. (2021), Assessment concentration of level production in the manufacturing industry of Russia in context of economy digitalization, *Baikal Research Journal*, no. 1, pp. 17.
- Programme «Russian digital economy»*, [Online], available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Accessed 17 April 2022).
- Stepanov, V.G. and Kolesnik, E.A. (2021), Social conflict and tension in society in the context of the urban digitalization project implementation "Smart city", *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij Sociologija, jekonomika, politikaj*, no. 1, pp. 115–130.
- Lobachevsky State University official website* [Online], available at: <http://www.itmm.unn.ru/novosti/rating-it-2018> (Accessed 20 April 2022).
- "C-news" [Online], available at: https://www.cnews.ru/news/top/2021-08-18_zarplata_itspetsialista (Accessed 20 April 2022).

Submitted: 21.04.2022

Revised: 09.06.2022

Accepted: 20.06.2022

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст .... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI ....

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI ....

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

